

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

КАРТЕР ДИКСОН
Убийства в замке
Троустринг

КАРТЕР ДИКСОН УБИЙСТВА В ЗАМКЕ БОУСТРИНГ

Ленинград
Агентство «ЛИРА»
1991

ББК И(4 Вл)
К 21

Перевод с английского И. СИДОРЕНКО

Обложка художника В. АНИКИНА

АНИКИН
1990

© И. Сидоренко. Перевод. 1990
© В. Аникин. Обложка. 1990

ISBN 5-85490-003-3

В 6
часы,
эти не
по окру
тый че
чиками
переста
ночь дв
мя до с
рожат е
вступают
кажут и
пуге, сл
очень да
Генри
поместья
самых н
лорд Рей
его нена
нивших
шили и
располож
чем-то в
Рейли ост
нализации
ни и зуб
оно у него
жало его
Гордость
лучшая ча
иметь воз
димо было

БОУСТРИНГ

В библиотеке Боустринга до сих пор стоят высокие часы, которые непременно показывают гостям. Часы эти немецкого производства: когда они отбивали время, по окружности циферблата двигался улыбающийся желтый человечек, кроме того, они вызванивали колокольчиками несколько затейливых мелодий. Но и человечек перестал двигаться, и колокольчики — звенеть в одну ночь два года назад. Эти часы не только показывали время до смерти лорда Рейли, но, в некотором смысле, сторожат его посмертный покой — вот почему они безмолвствуют сейчас. А если вы здесь дорогой гость, вам покажут и несколько пулевых отверстий в деревянном корпусе, следы крови с которого, правда, были смыты уже очень давно.

Генри Стейн, более чем полупомешанный владелец поместья Рейли, сам купил эти часы. Это была одна из самых новых вещей в его полупомешанном доме, хотя лорд Рейли и не любил ничего нового. Напротив — он его ненавидел. Он владел одним из нескольких сохранившихся замков пятнадцатого века, которые не разрушили и не перестроили во времена Тюдоров. Боустринг, расположенный на западном берегу Англии, остался чем-то вроде недосягаемого чуда. Будь его воля, лорд Рейли оставил бы здесь и освещение, и водопровод с канализацией в первозданном виде, в каком остались башни и зубчатые стены замка. Но все его сердце — если оно у него было (что весьма сомнительно) — принадлежало его коллекции средневекового оружия и доспехов. Гордость его была безусловно обоснованна: это была лучшая частная коллекция в мире. Но для того, чтобы иметь возможность ее рассмотреть как следует, необходимо было провести электричество в Ружейный зал Бо-

устринга. Сам лорд Рейли электричеством пользовался по возможности мало, да и гостям не разрешал. В огромном сумрачном зале, смежном с библиотекой Боустринга, он включал одну лишь тусклую лампочку и двигался по своей сокровищнице со свечой. В самой библиотеке свечи в медных подсвечниках горели только над камином. Если бы лорд Рейли вел себя более здраво в этом отношении, вся история его убийства была бы иной.

Одно крыло замка полностью находилось в его владении. Этот странный вздорный человечек с настороженным взглядом, одетый в белый балахон, шел неслышной походкой по коридору, ведущему из Большого зала. Он проходил мимо гостиной с одной стороны и музыкальной комнаты — с другой, не задерживаясь, пока не достигал библиотеки. Да и там, вероятно, он не останавливался, разве что только если смахнет случайно книгу с одной из высоких полок; а цель его всегда была одна: Ружейный зал. Огромная дверь с грохотом закрывалась за ним, в сквозняке колебалось пламя свечей над камином, и потом было слышно лишь глухое тиканье часов в библиотеке, да шум водопада за окнами.

* * *

Однажды вечером, 10 сентября 1931 года, два человека сидели в вагоне первого класса в поезде Лондон — Элбридж, графство Суффолк, и обсуждали лорда Рейли. Или, скорее, обсуждал один из них, а другой пытался поверить в реальность существования столь фантастического персонажа. Сэр Джордж Анструтер, баронет, говорил наполовину неуверенным, наполовину извиняющимся тоном. Он сидел, подавшись вперед, и широкое красное лицо его было нахмурено.

Доктор Майкл Тэйлрэйи с полужакрытыми глазами, тербя седоватую острую бородку, наслаждался прелестью позднего лета в сельской Англии. Солнце стояло низко, пели колеса поезда и перестук их наводил сон.

— Я беру вас с собой в гости к Рейли, — говорил сэр Джордж, отдуваясь, — на ваш собственный риск. Если он покажется вам сумасшедшим — не вините меня. Но Боустринг — совсем другое дело, все-таки... — Он, каза-

лось, воли
ладони, п
место, но
ридж ест

— Я н
рэйи, не
ких общес
ме того, я
каникулы,

Джордж
лительност
обнажив б
ректором
сэр Джордж
чем ученог

— Да, —
время забы
ли Гарварда
Гарварде, —
для того, чт

Тэйлрэйи

— Черт
слишком ст
шайте, Джо
знаете меня
для меня во

— Проф
Джордж, — в

— Что хо
кий худой ч
вать похабн
любой норма
вот теперь я
вия и покоя,
ключения бы

— Вот эт
настроения! —
том посерьез
вы подразуме
мере? Не име
диозное, с раз
ми при собо
зывает в купе
башне в полно

лось, волновался все больше: нервно сводил и разводил ладони, пристально глядя в окно.— Конечно, это скучное место, но если вы захотите поиграть в гольф, то в Элбридже есть хорошая площадка.

— Я не хочу играть в гольф,— сказал доктор Тэйлрэйн, не открывая глаз.— Я на отдыхе и не жажду никаких общественных мероприятий, особенно гольфа. Кроме того, я знаю Элбридж. Меня туда водили однажды на каникулы, когда я преподавал в Кэмбридже.

Джордж Анструтер кивнул со свойственной ему медлительностью и мягкостью. Он сдвинул шляпу назад, обнажив большую лысину, и ухмыльнулся. Будучи директором Британского музея и лектором в Магдалене, сэр Джордж напоминал скорее образованного бармена, чем ученого.

— Да,— сказал он,— я все время забываю это и все время забываю, что вы американец. Не знаю, влиянием ли Гарварда это объясняется — так как ничего не знаю о Гарварде,— но вы всегда были слишком уж сдержанны для того, чтобы преподавать в нашем Кэмбридже.

Тэйлрэйн открыл глаза.

— Черт вас побери,— проворчал он,— я становлюсь слишком стар, чтобы обижаться на такие вещи. Послушайте, Джордж,— с сомнением продолжал он,— вот вы знаете меня давно и только что затронули болезненный для меня вопрос. Так кто же я все-таки?

— Профессор английской литературы,— ответил Джордж,— в Гар...

— Что хорошего видел я в жизни? — перебил высокий худой человек,— почему я не могу плясать, распевать похабные песенки и играть в шумные игры, как любой нормальный человек? Было ли у меня детство? И вот теперь я стар. Мне понадобился целый год бездействия и покоя, чтобы понять, как я стар. Ну, какие приключения были у меня в жизни?

— Вот это да! — рассмеялся сэр Джордж,— новые настроения! — Он насмешливо посмотрел на друга, потом посерьезнел.— Ладно, без шуток. Итак, Майкл, что вы подразумеваете под «приключениями» по крайней мере? Не имеете ли вы в виду что-нибудь эдакое грандиозное, с размахом? Авантюристку с раскосыми глазами при соболях и прочем, которая внезапно проскальзывает в купе и шепчет: «Шесть алмазов... на северной башне в полночь... берегитесь Орлова...» и так далее?

Тэйлрэйн сложил ладони вместе, потом развел их и ответил с предельной серьезностью: — Да, кажется, я имел в виду нечто подобное.

Колеса поезда перестукивались в тишине. Надвигались прохладные сумерки.

— Интересно,— медленно сказал сэр Джордж,— как бы мы вели себя, если бы встретились с ним. С приключением, я имею в виду. Вероятно, никто из нас и не смог бы осознать его. Приключения существуют только в воспоминаниях. Но вот что я хочу вам сказать...— теперь засомневался он.— Я вас везу в Боустринг, в общем-то не для того, чтобы показать замок. Просто я считаю вас человеком благоразумным и рассудительным. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что рано или поздно что-то дикое, безобразное и опасное потрясет эти места. Помяните мои слова!..

Когда позже Тэйлрэйн обращался в памяти к этому разговору, он вспомнил как вдруг странно дрогнул голос друга. Скорее этот тон, чем сами слова, заставили его серьезно отнестись к тому, что Анструтер допускает то, что нормальные люди обычно не допускают, и это заставило работать его сухой любознательный ум.

Он больше не говорил, так как поезд уже замедлял ход перед станцией Элбридж.

Но он думал: «Итак, значит я должен стать чем-то вроде барометра?» Все еще держа в уме эти серьезные слова Джорджа, он с любопытством осматривался, уже стоя на перроне. Это была заброшенная маленькая станция, вокруг бродили бездомные псы, и влажный серый воздух был пропитан запахом моря. Напротив платформы молодой человек в длинном пальто уныло сидел на молочной бочке и смотрел на них.

— Хэлло! — крикнул молодой человек. Его лицо несколько просветлело, когда он увидел сэра Джорджа, одетого в броское твидовое пальто и котелок с отделкой из перьев.— Хэлло! — повторил он.— Слушайте, сэр, как я рад, что вы уже здесь. Я, знаете ли, не ожидал вас вовремя. Никогда никого не ожидаю вовремя.

Он благодарно пожал руку Анструтеру.

— Фрэнсис,— сказал сэр Джордж,— это гость, которого вы ждали. Доктор Тэйлрэйн. Майкл,— Фрэнсис Стейн.

Молодой человек обернулся. У него были жидкие светлые усы, оставлявшие впечатление вялости и без-

вольнос
во всю
удивите
ми века

— С
счастли
гую... По
ром Джо
Я имею
выключа
этого. Ин
как выхо

Сэр Д

— Хм

— Эдг

сис.— Сно
доступны
ту же пове
над тем, ч
ратился о
гаж,— погр
много про
это я?

Сэр Дж

ленькими

— Прек

ческой газе

проведешь.

преподават

— Честн

смотрел на

са.— Правда

да-то я сам

Бог мой, как

торы прилож

вести приня

ступенька...

— Ну и ка

— Нет, не

шла! Нет, не

задать мне д

1 Эдгар Уол
романов. (Ред.)

вольности, как и вся его худая сутулая фигура, румянец во всю щеку, наивные добродушные складки у рта и, что удивительно, старые бледно-голубые глаза под тяжелыми веками. Рукопожатие его было крепким.

— Охотничий сезон еще не открыт,— сказал он с несчастным видом.— Не раньше, чем через неделю-другую... Послушайте, сэр, как мило, что вы приехали с сэром Джорджем. Он действует на всех нас возбуждающе. Я имею в виду его игры. Он нас учит разным играм. Вы включаете свет и визжите в темноте или что-то вроде этого. Иначе здесь совершенно нечем заниматься, кроме как выходить вечерами на поиски Шлепанца.

Сэр Джордж рывком снял свою кричащую шляпу.

— Хм! Чушь! — сказал он.— Книги, юноша...

— Эдгар Уоллес¹, — сумрачно сказал Фрэнсис.— Снова и снова. Кипами. Единственный писатель, доступный моему пониманию. Я так часто читал одну и ту же повесть, что теперь мне уже не надо ломать голову над тем, что же будет дальше... Привет, приятель! — обратился он к высокому человеку, подтащившему багаж,— погрузи это в двуколку, будь добр! Придется немного пройти назад, ничего? Ну, спасибо... Так о чем это я?

Сэр Джордж беспокойно засопел и повел вокруг маленькими проницательными глазками.

— Прекрати говорить языком идиота из юмористической газеты,— раздраженно сказал он,— ты никого не проведешь. И доктора Тэйлрэйна не проведешь тоже. Он преподаватель из Кэмбриджа.

— Честное слово? — Фрэнсис поднял брови и посмотрел на Тэйлрэйна с некоторым подобием интереса.— Правда, сэр? Послушайте, это же прекрасно! Когда-то я сам пытался сдать экзамены на преподавателя. Бог мой, как всем хотелось, чтобы я их сдал! Экзаменаторы приложили все усилия, чтоб без ущерба для их совести принять меня. Вот и двуколка... осторожно, здесь ступенька...

— Ну и как, вы сдали? — спросил Тэйлрэйн.

— Нет, не повезло... Тихо-тихо! Давай, чертовка, пошла! Нет, несмотря на все их старания. Они пообещали задать мне два вопроса, и, если я отвечу на один из

¹ Эдгар Уоллес — английский писатель, автор детективных романов. (Ред.)

них — пятьдесят процентов — понимаете? — они меня принимают. Ну, первым был какой-то богомерзкий вопрос, на который они и сами ответа не знали. Знаете, что-то вроде школьного экзамена по истории: «Итак, мальчики, изложите нам краткую историю мира на одном примере». А другой вопрос был: кто ваш любимый композитор? Похоже, я что-то напутал. Я хотел написать Теннисон, но никак не мог вспомнить, как правильно пишется это слово... Сэр Джордж, у вас есть какие-нибудь новые игры для нас?

— Нет,— проворчал тот. Он сидел ссутулившись в углу двуколки, похожий на некую ярко расцвеченную часть багажа, и пытался разжечь трубку.— И прекрати болтать чепуху! Как там у вас?

— О, все так же. Все в порядке. У мамы немного болит голова. И у нас гостит молодой Ларри Кестеван. Послушайте, сэр,— он обратился к Тэйлрэйну свой тяжелый медленный загадочный взгляд,— надеюсь, сэр Джордж предупредил вас о моем отце? Вы не должны ничему удивляться. Вообще-то он из породы чрезвычайно порядочных, ужасно образован и все такое прочее, но, понимаете, и у меня что-то есть такое. Ну, у меня не совсем то... Видите ли, он ходит в чем-то вроде белого балахона с капюшоном, и с ним бывает временами немного трудно общаться. Понимаете?

— Он поймет,— сказал баронет.

Наводящее сон цоканье копыт звучало ровно, как голос Фрэнсиса. Соленый ветер с моря усилился. Вдали за холмистой равниной виднелась площадка для игры в гольф, по которой двигались черные точки, а за ней — отлогий спуск берега и сиреневато-синее море. Оно было спокойно, и полно жизни, и таинственно. И звук его медленного прибоя был неясен, как гул в морской раковине.

Цок-цок, цок-цок. Двуколка мелко тряслась по дороге, казалось, что каждый удар копыта о землю заставляет ее подпрыгивать. В здании на берегу, видимо отеле, зажглись огни. Подняв воротник пальто, Тэйлрэйн старался как следует рассмотреть странное лицо их кучера, когда тот оборачивался для очередного непоследовательного высказывания. Унылое, сардоническое, серьезное, усталое? Невозможно решить.

— Ларри Кестеван теперь в кино,— сообщил Фрэнсис.— Все лучшие люди теперь в кино, знаете ли. И он

прекрасен
му, что он
актер в Эл
былые вре
избивая не
героиню. А

Снова в
издал тихи
заметил по

— Вы, к
отношению
спросил до

— О, по
вдруг показ
так. Он впол
он снимаетс
вам скажу. В
не хотел бы
ло.— Предста
легиона! Или
тное слово!

«У этого ч
то, о чем все
лрэйн. Налево
неющие в сум
сованы на фо

Фрэнсис у

— Боустри

Они замол
каменных вор
зашуршали по

— На само
компания хоте
ское. Было бы
бравые парни в
зовать в съемка
огромная колле
ных рыцарских
оружия — все в
шать об этом не
на сэра Джорджа
скандальчик, сэр
Тэйлрэйну п
поднял насторож

прекрасен, как сам порок, женщины говорят, это потому, что он умеет выглядеть более мрачным, чем любой актер в Элстри. Вот что. Вы должны быть мрачным. В былые времена герой демонстрировал силу характера, избивая негодяя. А теперь он ее демонстрирует, избивая героиню. Апофеоз мужественности. Вот это да!

Снова взмах кнута. Фрэнсис откинул голову назад и издал тихий блеющий смешок, которым, как Тэйлрэйи заметил позже, поразительно напоминал отца.

— Вы, кажется, настроены не очень дружелюбно по отношению к этому мистеру Кестевану? — вежливо спросил доктор.

— О, почему же? — Фрэнсис удивленно обернулся и вдруг показался уязвленным. — Н-но, пошла! Нет, это не так. Он вполне благопристойен. И разве я не сказал, что он снимается в кино? Бог мой, какие возможности, я вам скажу. Вы не хотели бы сниматься в кино? Да и кто не хотел бы! — его свежее лицо воодушевленно засияло. — Представьте себя в форме офицера Иностранного легиона! Или каторжник на галере! Какая прелесть, честное слово!

«У этого человека замечательная привычка говорить то, о чем все думают, но о чем молчат», — подумал Тэйлрэйи. Налево он увидел разбитый на холмах парк. Синюющие в сумерках башни замка были как будто нарисованы на фоне крапчатого неба над деревьями.

Фрэнсис указал кнутом в сторону парка:

— Боуstring.

Они замолчали. Двуколка ловко пронеслась между каменных воротных столбов, и копыта лошадей глухо зашуршали по песку.

— На самом деле! — весело болтал Фрэнсис. — Кинокомпания хотела снять здесь что-нибудь эдакое эпитетическое. Было бы чертовски забавно посмотреть, как эти brave парни валяются со стен. Они даже хотели использовать в съемках коллекцию старика — у него, знаете ли, огромная коллекция: по меньшей мере пятьдесят полных рыцарских доспехов и сумасшедшее количество оружия — все в одном помещении. Но старик и слышать об этом не хотел. Между прочим, — он посмотрел на сэра Джорджа, — у нас тут недавно вышел небольшой скандалчик, сэр. Очень забавно. Это одна из служанок.

Тэйлрэйи показалось, что сэр Джордж внезапно поднял настороженный взгляд. Но в извилистой дубо-

вой аллея было слишком темно, чтобы быть в этом уверенным.

— Да? — спросил сэр Джордж, — и что же это за служанка?

— Это Дорис. Она из Сомерсета. Очаровательная крошка, но дьявольски суеверна, как и все жители Западной Англии. Она однажды сказала мне, что если посмотреть в темноте в зеркало, можно увидеть черта за спиной, — Фрэнсис хихикнул. Он намотал поводья на кнут и развернулся к ним, его лицо с высоко поднятыми бровями было насмешливо. Тэйлрэйну недумалось, что он похож на всезнающего лукавого учителя, наставляющего их, пока двуколка трясется по темной дубовой аллее. — Ха! — сказал Фрэнсис, — она просто была не в себе!

— Как?

— Ну, понимаете, ей померещилось, что она видела рыцарские доспехи, стоявшие посреди лестницы, где им, впрочем, совершенно нечего делать. Представляете?

Сэр Джордж посмотрел на него, потом уткнул лицо в воротник.

— Ну-ну, — сказал он, — это очень интересно. И что же эти доспехи там делали?

— Ничего. Просто стояли и смотрели на нее, как она говорит. Ничего этого, конечно, не было в действительности. Но она уверяет, что заметила длинные, похожие на когти, наконечники на пальцах латных перчаток.

Почему-то эта простая деталь врезалась в ум Тэйлрэйна, как будто те самые острые железные наконечники оставили этот неизгладимый след.

— А нет ли, случайно, в Боустринге привидения? — вдруг спросил он.

— Простите, — ответил Фрэнсис почти извиняющимся тоном, — скорее дьявол, чем привидение. Очепь нелюбезно со стороны сил не произвести на свет хотя бы одно привидение для этого замка за пятьсот-то лет. Мой старик подробно расскажет вам об этих местах, если хотите... Но знаете, вот что смешно...

— Продолжайте, — устало сказал сэр Джордж.

— Я осмотрел перила большой лестницы, — помните, что в глубине Большого зала? — перила, что шириной почти в фут?

— Да.

— Впрочем...

вой Фрэнсис...

стащил верев...

— Какую...

поднимая гол...

— А, навс...

обернулся к...

особенный за...

высотой в два...

именно там ст...

В разных стек...

музей. Устраи...

Британского м...

стены, стоит п...

тами. Вы знае...

штуковину, не...

на тетиву и вра...

так, что она за...

зительно посер...

рился и потер п...

— О мал...

Джордж, — но м...

сердито посмот...

чем ты говориш...

раздо болсе ред...

скобой. Все обра...

ны, включая и в...

— Кто-то за...

вы знаете. Там н...

разительно вски...

— То есть, кт...

— Точно. Как...

имеет никакого з...

знает. Потому чт...

ной. То есть когда...

тел выяснить, как...

стоятельствах. М...

любите бить окна...

давленной ягодой...

Кстати, о кино...

— Продолжай...

балет.

— Про... ах, да...

балет и попробова...

— Впрочем, это я вам потом покажу,— кивнул головой Фрэнсис.— Подождите немного. Потом, когда кто-то стащил веревку...

— Какую веревку? — спросил сэр Джордж, резко поднимая голову.

— А, наверное, вам это непонятно, сэр,— Фрэнсис обернулся к Тэйлрэйну.— Видите ли, в замке есть один особенный зал — протяженностью футов в девяносто, высотой в два этажа и дьявольски холодный,— так вот именно там старик держит свою коллекцию, понимаете? В разных стеклянных витринах и так далее. Настоящий музей. Устраивать его старику помогал один парень из Британского музея. Так вот, по левую руку при входе, у стены, стоит пара стеклянных шкафов, забитых арбалетами. Вы знаете. Занятные вещицы. Вы берете такую штуквинку, не знаю как она называется, накладываете ее на тетиву и вращаете ручку, пока не натягиваете веревку так, что она зацепляется за маленький выступ приблизительно посередине ложа, и потом... Да,— он нахмурился и потер переносицу,— о чем я говорил?

— О маленьком выступе,— проворчал сэр Джордж,— но можешь не продолжать. Мы поняли.— Он сердито посмотрел на Фрэнсиса.— Между прочим то, о чем ты говоришь,— это арбалет с веревкой на ложе, гораздо более редкий и древний образец, чем арбалет со скобой. Все образцы этой коллекции абсолютно подлинные, включая и веревки. Ну, и что же случилось?

— Кто-то залез в шкаф. Он никогда не запирается, вы знаете. Там ничего не запирается. Ух! — Фрэнсис выразительно вскинул руку.— Стащили.

— То есть, кто-то снял тетиву с арбалета?

— Точно. Как вы думаете, зачем? Впрочем, это же не имеет никакого значения. Я говорил отцу. Да он и сам знает. Потому что именно эта веревка не была подлинной. То есть когда-то была, но еще ребенком я всегда хотел выяснить, как ведут себя разные вещи в разных обстоятельствах. Мне было интересно бить окна — вы не любите бить окна? — и я это делал. Да, или стрелять давленной ягодой по штанам людей, идущих в кино. Кстати, о кино...

— Продолжай,— прервал его сэр Джордж,— про арбалет.

— Про... ах, да. Конечно. Значит, я стащил этот арбалет и попробовал взвести его, но веревка была совер-

мешало гнилая. Маленькое натяжение и — дзинь! — она лопнула. Старик был в бешенстве. Он чуть не убил меня. Тем не менее, веревку пришлось заменить на новую, хорошую прочную веревку двадцатого века, так что в действительности совсем не важно, что ее теперь украли, правда ведь?

Сумерки ступались; доктору Тэйлрэйну показалось, что в полумраке он видит, как медленно опускаются углы рта сэра Джорджа. Дыхание Анструтера было так неслышно, что оно не обращалось в пар в холодном воздухе. Вдруг Тэйлрэйн осознал, что кроме стука двуколки в его сознание вошел какой-то новый звук: сначала слабый, но все усиливающийся звук падающего потока воды.

— Это наш водопад, — сообщил Фрэнсис, увидев, что доктор оглядывается вокруг. — Старик очень настаивал на сохранении крепостного рва. Но нельзя, как вы понимаете, из соображений санитарии. Вода застаивается — комары, мошки, москиты, — и начинается лихорадка. Интересно знать, как они справились с этим в былые времена? Но через наше поместье протекала довольно большая речка. И старик нанял каких-то экспертов-ирригаторов, чтобы они ее повернули, перекрыли плотиной, очистили, что они и сделали. Теперь речка течет по узкой теснине и впадает в ров, так что вода там всегда чистая, проточная. Умно.

Перебросив длинные ноги через сиденье, он опять повернулся вперед, поймал вожжи и хлестнул ими лошадь. Двуколка вынеслась на новый вираж дороги, гул водопада становился все громче, и в просветах между дубами показались огни Боустринга. Тэйлрэйн мало что мог рассмотреть в темноте. Он увидел каменный парапет рва и ведущую к воротам мостовую. По разные стороны от ворот возвышались две толстые круглые башни, немногим выше сорокафутовых стен. Оконные прорезы в них не были освещены, но готические заостренные кверху окна замка сияли желтым светом сквозь узоры ветвей. Зубчатые стены, чернея на фоне серого неба, тянулись влево и вправо к двум высоким круглым башням, обрамляющим фасад; ряды дымовых труб возвышались над темно-красной черепицей крыши. На зубчатой стене главной башни, в задней части здания, был укреплен флагшток.

Не сбавляя скорости, двуколка описала дугу.

— Эй! Х
ротами заск
совершенно

— Стари

Фрэнсис, —
замерз. Нам

Берите багаж

Два лакея

них взял баг

и поехал вокр

лрэйн осозна

пает в ладош

Ворота вели

лыжником, а

ной стене. С

щенных окон,

этот двор был

терраса с неск

крытой перед

казалось Тэйл

ко сверкали о

ведущие к бой

стных башен. И

переступил по

шись.

Его остано

Большого зала

очень грязном

духе молотком,

сированного ко

— Где мои

ните мне мои п

П

«Что-то дико
ворил Джордж.

Эти слова во

ле Боустринга.

купе, толстый

его серьезное

рой стены.

Все это было

тило странное чу

— Эй! Хэлло! — крикнул Фрэнсис, и тут же над воротами засиял электричеством огромный белый шар, совершенно тут неуместный.

— Старик был против электричества, — объяснил Фрэнсис, — но ему пришлось нам уступить. Боже, как я замерз. Нам всем надо выпить виски. А! Ну что вы там? Берите багаж!

Два лакея появились из огромных ворот. Один из них взял багаж, другой сел в освободившуюся двуколку и поехал вокруг замка по направлению к конюшне. Тэйлрэйн осознал, что он дрожит и, пытаясь согреться, хлопает в ладоши. Они пересекли мост над бурлящей водой. Ворота вели в длинный и узкий двор, замощенный булыжником, а фасад замка тянулся параллельно наружной стене. С дороги они видели лишь несколько освященных окон, потому что остальные скрывала стена, но этот двор был гостеприимно занят светом. Огороженная терраса с несколькими пологими ступенями вела к открытой передней двери. В стенах, которые были, как показалось Тэйлрэйну, более восьми футов толщиной, ярко сверкали окна. Осмотревшись, он увидел лестницы, ведущие к бойницам, жесткие грубые очертания крепостных башен. Не успев все внимательно рассмотреть, он переступил порог замка и вдруг замер, почти испугавшись.

Его остановил резкий блеющий голос. Посреди Большого зала Боустринга сгорбленный человек в очень грязном белом балахоне прыгал, потрясая в воздухе молотком, и прыжки его походили на танец дрессированного козла. Он вопил:

— Где мои латные перчатки, я вас спрашиваю? Верните мне мои перчатки!

ПРОПАВШИЕ ПЕРЧАТКИ

«Что-то дикое, безобразное и опасное», — вот что говорил Джордж.

Эти слова вспомнились Тэйлрэйну в Большом зале Боустринга. Джордж тогда сидел напротив него в купе, толстый и отдувающийся, руки на коленях, и его серьезное напряженное лицо белело на фоне серой стены.

Все это было даже не просто нелепо. Тэйлрэйна охватило странное чувство нереальности происходящего. В

тот краткий миг, когда он никак не мог отвести взгляд от лорда Рейли, он вдруг вспомнил классную аудиторию, поднимающиеся ряды парт, и вот он сам, с педантичной тщательностью устанавливающий на столе часы. Он всегда вертел в руках часы, когда читал лекции. Он говорил, обращаясь к светлым окнам в задней стене класса, и никогда не знал, да и не хотел знать, слушают ли его кто-нибудь. Его темой были «Сказки ужасов». И он всегда гордился своими познаниями и умением ориентироваться в этом сложном вопросе.

В основе Ужасного, утверждает он, лежит гротеск. Это положение подтверждалось морем знаменитых примеров. Теперь же здесь он наблюдал зрелище, которое, видит Бог, было явно гротескным, но оно привело его скорее в смущение и замешательство. Было по меньшей мере несколько непривычно видеть перед собой пару Англии, с непозволительными ужимками и гримасами вопящего о паре каких-то перчаток.

Когда лорд Рейли резко повернулся, несколько десятисенсовых гвоздей вывалились из его дырявого кармана и зазвенели по каменному полу. Старик быстро присел, чтобы собрать их, и только потом глянул на вошедших.

Человек, на которого он кричал, при виде гостей впал в полное смятение. Это был молодой человек, низенький и плотный, в хорошем, но поношенном костюме; он беспомощно жестикулировал кожаным портфелем. У него было круглое лицо, опущенные усы полумесяцем, брови полумесяцем и пустые смятенные глаза, направленные все время куда-то в сторону. Темные редящие волосы были в некотором беспорядке, вероятно, от усилий общения с лордом Рейли. Он вытирал лоб и знаками пытался что-то объяснить лорду Рейли, и издавал звуки, которые для менее воспитанных людей прозвучали бы как «тс-с-с!»

Выпростав из просторного рукава костлявую руку, бледный старик с козлиной бородкой вновь наскочил на него и еще громче закричал тонким раздраженным голосом:

— Нет, я не перестану! И будь я проклят, если перестану! Я требую свои перчатки! Сначала тетива, а теперь моя лучшая пара готических перчаток! Где они? Что вы с ними сделали? Я хочу знать!

— Сэр, пожалуйста,— просительно говорил молодой

человек, дес
как можно т

— Гости
ли,— мне ну
это такое: бе

— Я вам
не знаю, где

— Это,—
торжествую

вый аргумен
Вы мой секр

юсь?

— Нет, с

— Ага! Е

знать. Если

должен, не та

к остальным

— Ради б

тите изъясня

ните, что у ва

в чем дело.

Их прерва

шляпу, сунул

на его лбу мор

думчивой зай

зал:

— Слушай

это ты всегда

непостижимо.

Удрученно

вился на них,

ватый нос был

глаза, чтобы

монашеский б

что он чрезвыч

стоунов¹. Он м

лоток в руке. В

наслаждение, с

ства.

— Они ниче

нил он, сунув м

тит всю шутку.

¹ Мера веса, рав

человек, делая отчаянные жесты. Он старался говорить как можно тише.— Если вы не против... гости...

— Гости или не гости,— продрбезжал лорд Рейли,— мне нужны мои перчатки! Это безобразие, вот что это такое: безобразие! Где они?

— Я вам объясняю, сэр, я не брал ваших перчаток! Я не знаю, где они. Откуда мне знать! Я не отвечаю...

— Это,— лорд Рейли ткнул ему пальцем в грудь и торжествующе подпрыгнул, как человек, нашедший новый аргумент,— это ни в коей мере не меняет сути дела. Вы мой секретарь, не так ли? Вы это не отрицаете, надеюсь?

— Нет, сэр, конечно, нет.

— Ага! Вы этого не отрицаете. Тогда вы должны знать. Если вы мой секретарь, вы должны знать... Он должен, не так ли? — спросил лорд Рейли, обернувшись к остальным присутствующим.

— Ради бога, Генри,— сказал сэр Джордж,— прекратите изъясняться, как Алиса в Стране Чудес, и вспомните, что у вас гость. Ну, успокойтесь и расскажите нам в чем дело.

Их прервал Фрэнсис Стейн. Он снял потрешанную шляпу, сунул ее в карман пальто, закурил; собравшиеся на его лбу морщинки придавали его лицу выражение задумчивой заинтересованности. Выпустив дым, он сказал:

— Слушай, отец, у тебя с ушей свисает паутина. Как это ты всегда умудряешься так испачкаться? Это ж уму непостижимо. И зачем тебе молоток?

Удрученно склонив голову набок, лорд Рейли уставился на них, как будто ждал поддержки. Его крючковатый нос был чем-то измазан, и он старался скосить глаза, чтобы рассмотреть его. Несмотря на широкий монашеский балахон из белой шерсти, было видно, что он чрезвычайно тщедушен и весит не более семи стоунов¹. Он моргнул. Теперь он тупо разглядывал молоток в руке. Вдруг его лицо изобразило чрезвычайное наслаждение, сменившееся потом выражением коварства.

— Они ничего не должны знать,— торопливо объяснил он, сунув молоток в карман.— Нет-нет. Это испортит всю шутку. Ха! Слушайте, черт меня подери, но это

¹ Мера веса, равная 6,33 кг. (Ред.)

забавно! Хи-хи,— он захихикал и ударил себя по бедрам.— Но никто ни слова об этом. Слышали?

— Ни слова о чем? — спросил сэр Джордж.

Лорд Рейли уставился на Тэйлрэйна.— А это кто? — внезапно удивился он.

— Это доктор Тэйлрэйн, ваш гость, Генри. Вы что, забыли?

— О! Ах, да... Да, конечно,— радостно вскричал тот.— Да, да, профессор! Я в восторге, сэр, просто в восторге! Что вы можете сказать о моих французско-фламандских гобеленах? Это Турпэ. Салтон утверждает, что это гобелен первой половины XV века, но я-то знаю лучше. Это 1470 год. Салтон — старый дурак, как все в Оксфорде. Не правда ли?

— Боюсь, сэр, что я...

— Конечно, дурак. Ха! — сердито фыркнул лорд Рейли.— Но вы человек здравый. Я счастлив познакомиться с вами, просто счастлив... Ох, послушайте,— вдруг спохватился он,— мне же надо вымыться. Они не должны меня видеть. Они не должны знать, поняли? Конечно, не должны ни в коем случае! Извините меня, извините меня... Брюс,— указал он на секретаря, уже спеша к выходу,— вам все покажет. До свидания, до свидания, до свидания...

— Извините, сэр,— торопливо вмешался секретарь и щелкнул замком портфеля,— я весь день пытаюсь спросить вас... тут несколько писем...

Лорд Рейли отмахнулся:

— В кабинете. Не сейчас, в кабинете.

— Но когда, сэр?

— В кабинете,— строго сказал лорд Рейли.— Или в конторе,— бросил он через плечо и заторопился прочь.

Тэйлрэйну показалось, что секретарь беззвучно произнес «о, боже»; плечи его ссутулились, и круглое лицо было озабочено и обессмыслено усталостью, как у тех, кто постоянно и терпеливо возится с капризными пьяницами. Брюс Мэссей зацелкнул портфель.

Фрэнсис усмехнулся:

— Вы слишком добросовестны, Брюс. Если б вы относились проще к вашим обязанностям, у вас была бы самая необременительная секретарская работа в Англии.

— Если б я относился к этому проще,— мрачно ответил Мэссей,— против нас было бы возбуждено столько

судебных
бы парал
почесал в
что любе
может на
рюгой, а
ку... Боже
Тэйлрэ

больше, ч
ствие исся

— Он
бы не заб
фом. Кажд
пишет их
цифры, по
ня. Когда-
бавил он.—

— Ну в
лрэйна и п
послушайте
лоток и гво

Секретар

— Он ск

ми гвоздями
ничего не з
но ни при ч
стите меня,
в свои комна

Перед Тэ
ный зал со с
тидесяти фу
балками был
нами. Зал б
больших кам
горящей сос
резного дуба,
ка. На этом
по стене оруж
лыми ромбов
потому что вы
здания.

В глубине з
лась до середи
торой начинала

судебных процессов, что вся юридическая служба была бы парализована в течение двух недель. Извините,— он почесал висок углом портфеля,— но ваш отец полагает, что любезное деловое письмо — это то, в котором он может называть владельца своего банка проклятым ворюгой, а уж когда он пускается в академичную полемику... Боже мой!

Тэйлрэйни почувствовал, что Мэссей сейчас говорит больше, чем обычно: очевидно, его врожденное спокойствие иссякало.

— Он меняет шифр сейфа каждые полгода, и чтобы не забыть его, пишет цифры на стене над сейфом. Каждый раз, когда я их стираю, он скандалит и пишет их снова. Я пробовал давать ему неверные цифры, но он это обнаружил и чуть не уволил меня. Когда-то у меня было чувство юмора,— уныло добавил он.— Больше нет.

— Ну вот, пожалуйста,— Фрэнсис посмотрел на Тэйлрэйни и пожал плечами.— Я вас предупреждал, сэр. Но послушайте, Брюс, зачем все-таки ему понадобился молоток и гвозди?

Секретарь поморщился:

— Он сказал, что делал клетку для кроликов. С такими гвоздями можно было делать и вольер для тигров. Я ничего не знаю, кроме того, что кролики тут совершенно ни при чем.— Он вдруг забеспокоился.— Ах да, простите меня, джентльмены. Вы, наверное, хотите пройти в свои комнаты... Вуд!..

Перед Тэйлрэйном простирался огромный квадратный зал со стороной футов в сто и высотой больше пятидесяти футов. Готический свод крыши с резными балками был украшен ветхими полинявшими знаменами. Зал был вымощен стертым плитняком; три больших камня насыщали влажный воздух запахом горячей сосны. Все стены были обшиты панелями резного дуба, над которыми грязно белела штукатурка. На этом грязно-белом фоне чернело развешанное по стене оружие: алебарды и мечи, скрепленные за тяжелыми ромбовидными щитами. Их было очень много, потому что высота зала равнялась полным двум этажам здания.

В глубине зала большая дубовая лестница поднималась до середины высоты стены к арочной двери, за которой начиналась галерея, ведущая к комнатам второго

этажа. Тэйлрэйн увидел за этой дверью сумрачные потемневшие от времени портреты на стене, освещенные крохотными огоньками свечей, что стояли на выступях стены по всей галерее. «За Большим залом должен находиться внутренний двор замка», — решил Тэйлрэйн. По обе стороны лестницы находились по три окна французской школы XIII века; сине-фиолетовый узор из ромбов сплетался на красном наборном стекле. Романский стиль. Это все, что он успел рассмотреть.

Дворецкий принес стаканы, сифон и графин виски. Они стояли перед камином, похожим на каменную пещеру, и щурились на пламя. Тэйлрэйн чувствовал под ногами тепло каминного коврика; после глотка виски блаженная теплота разлилась по его телу. Он рассматривал оленье рога над камином, трезубец и дротик для охоты на кабанов, темные разводы на которых скорее напоминали ржавчину, чем кровь.

Мэссей, чей кажущийся отсутствующим взгляд все подмечал, сказал:

— Здесь нет ничего особенного, доктор Тэйлрэйн. Вы должны осмотреть Ружейный зал. Здесь все, — он обвел взглядом зал, — было перестроено. Да и весь дом тоже — он абсолютно современный. Вон там, — он указал на стену, находившуюся справа от лестницы, — столовая.

Тэйлрэйн сел в кресло с высокой спинкой и блаженно расслабился.

— А где же находится Ружейный зал?

— С другой стороны, в задней части замка. Вон там, — Брюс показал стаканом на дверь в стене слева от лестницы, — там коридор, который соединяет музыкальную комнату и гостиную. Гостиная расположена прямо напротив столовой. Дальше коридор ведет в библиотеку, а она сообщается с Ружейным залом... впрочем, это не существенно...

Он говорил со свойственной ему серьезной обстоятельностью и пояснял речь подробными жестами, как будто ему не приходило в голову, что его слушатели сами в скором времени смогут ознакомиться с планировкой здания. Но, увидев незаметную улыбку на лице Фрэнсиса, Мэссей прервал себя с раздосадованным видом и прибавил:

— Вероятно, джентльмены хотят умыться с дороги, — он кивком показал на дворецкого. — Вуд проведет вас наверх. Вы, сэр Джордж, будете жить, как обычно, в

Аббатско-
комнате,
тсс до об

«И вс
кресле и
ки, прсж
сквозняка
воги вход
кто-то не
рый, каза
нем, накл
но плыви
веками на

— Пос

этими пер

— Бог

волнует. В

может их

Потом он

признается

придется,

лит по каж

чатки, чтоб

их доверит

Вдруг за

щурясь на с

если еще бо

— Очен

очень на п

и пробормо

выжившая

пара?

— Хорош

длинными м

не. Надеюсь,

— Перчат

мая руку от л

Поднявши

велел Вуду в

как вдруг усл

полу: женские

чайно посмот

всегда играла

исчезла. Паль

Аббатской комнате. А вы, доктор Тэйлрэйни,— в Голубой комнате, напротив мистера Кестевана. Если вы спуститесь до обеда, я вас успею немного поводить по замку.

«И все? Это все?» — подумал Тэйлрэйни, полулежа в кресле и с наслаждением допивая последний глоток виски, прежде чем подняться наверх, в эти выстуженные сквозняками коридоры. Но нет. Смутное ощущение тревоги входило в яркий круг света перед камином, будто кто-то невидимый находился среди них. Фрэнсис, который, казалось, не сидел в кресле, а как-то запутался в нем, наклонился вперед и сквозь дым сигареты, медленно плывший вверх, устремил голубые глаза с тяжелыми веками на Мэссея.

— Послушайте, Брюс, так что же тут произошло с этими перчатками?

— Бог его знает,— отвечал тот устало,— меня это не волнует. Ваш отец никогда не кладет вещи на место, не может их потом найти и считает, что в этом виноват я. Потом он обнаруживает пропажу и неделями в этом не признается, но зная, что в конце концов признаться придется, ходит все это время раздраженный и скандалит по каждому пустяку. Вероятно, он сам взял эти перчатки, чтобы отполировать их,— он же никому не может их доверить.

Вдруг заговорил сэр Джордж. Он сидел, подслеповато щурясь на огонь, от которого его лицо и лысина покраснели еще больше. Он сказал:

— Очень возможно, что и так. Очень возможно. Это очень на него похоже. — Он прикрыл глаза ладонью и пробормотал: — Я становлюсь подозрительным, как выжившая из ума старуха. Плохо. А что это была за пара?

— Хорошая пара. Готические, шестнадцатый век, с длинными манжетами; они лежали в отдельной витрине. Надеюсь, они скоро найдутся.

— Перчатки с пальцами,— сказал сэр Джордж, отнимая руку от лица.— Я надеялся, что это были рукавицы.

Поднявшись, он опорожнил стакан и кивком головы велел Вуду вести их наверх. Тэйлрэйни тоже поднялся, как вдруг услышал быстрые легкие шаги по каменному полу: женские шаги. Он обернулся. В этот миг он случайно посмотрел на Фрэнсиса, на губах которого как всегда играла слабая беспричинная улыбка; и вдруг она исчезла. Пальцы его дрогнули, так что он должен был

сделать резкое движение рукой, чтобы не выронить сигарету.

— Фрэнк...— прозвучал женский голос,— Фрэнк...
Тэйлрэйн обернулся.

Она казалась красавицей независимо от того, была ли на самом деле красивой. Она оставляла впечатление красоты, хрупкости и какой-то перешителности, свойственной и Фрэнсису. Не старше 19—20 лет, решил Тэйлрэйн. Темно-желтые волосы ее были коротко подстрижены, но это ни в малой степени не делало ее мужеподобной, скорее напротив, подчеркивало округлость и нежность полудетского лица с ярко-синими пытливыми глазами и удивленно приподнятыми бровями. У нее был чуть вздернутый нос и несколько полные губы. В своем темном платье с большим воротником она походила на ученицу Итонской школы. Девушка казалась чем-то напуганной: она тяжело дышала, и вряд ли это могла быть отдышка.

— Фрэнк...— повторила она нерешительно.

— Моя сестра Патриция, доктор Тэйлрэйн,— ровным голосом произнес Фрэнсис,— с сэрм Джорджем ты знакома. Итак, Пат, в чем...

— Это ужасно, что я прерываю ваш разговор,— торпливо сказала она нежным и очень приятным голосом,— но, Фрэнк, ты должен послать Саидерса или еще кого-нибудь в Элбридж за доктором Мэннингом. Скорее!

Не оборачиваясь, Фрэнсис швырнул через плечо сигарету в камин. И промахнулся.

— У нее припадок или что-то вроде этого,— торпливо продолжала Патриция,— и она совершенно больна, и миссис Картер очень расстроена и говорит ужасные вещи, и...

— Успокойся! — прервал ее брат.— Так кто?

— Одна из служанок. Ты знаешь, Дорис.

— Черт,— сказал сэр Джордж так тихо, что Тэйлрэйн едва расслышал его, и стал нервно набивать трубку.

Вопрос Фрэнсиса прозвучал легкомысленно, весело и чуть ли не по-идиотски:

— Надеюсь, она больше не видела никаких привидений, а, Пат?

— О, прошу тебя, отнесись к этому серьезно! Ведь все действительно очень серьезно. Я постаралась все

выяснить. Ка
но вот эти
она швырнул
ла на пол, с
плохо, что
голос ее пр
брата.

— Ну лад
койтесь. Я са
тями.

Архитекто
ровали Боус
осветить Бол
полностью м
ва сильных
увидеть нечт
не заметил б
жение, чем ум

Портреты с
невыразимо з
галерею широ
ковром, было
на стенах был
ни странно, но
клом свете св
всего остальн
там Тэйлрэйн
Человек сто
ми и, казалос
в этих сумереч
невековое: сло
далекого прош
лочений, бога
канец вдруг ис
что у стоящего
гладкой шапкой
в шлеме.

НЕЧТО ДИ

— у Дорис бу
Позже Тэйлр
выражение лиц у
жданного заявле

выяснить. Кажется, они ее дразнили чем-то — вероятно вот этим самым — и с ней случилась истерика; она швырнула блюдом в Энни, потом зарыдала, упала на пол, страшно забилась, и потом сй стало так плохо, что пришлось отнести ее наверх, так что... — голос ее прервался и она умоляюще взглянула на брата.

— Ну ладно, — уступил тот. — Нет-нет, Вуд, не беспокойтесь. Я сам найду Сандерса или Ли. Займитесь гостями.

Архитекторы и электрики, которые реконструировали Боустринг, несомненно очень постарались осветить Большой зал как следует. Но осветить его полностью могло лишь открытое сияние множества сильных ламп. Тем не менее, Тэйлрэйни сумел увидеть нечто, что при других обстоятельствах и не заметил бы. И это поразило скорее его воображение, чем ум.

Портреты смотрели со стен сумрачно, таинственно и невыразимо зловеще. В глубине зала, где поднималась к галерее широкая лестница, покрытая темно-красным ковром, было темно. В этом полумраке военные трофеи на стенах были похожи на распахнутых пауков. Как ни странно, но большая арочная дверь на галерею в тусклом свете свечей была освещена значительно лучше всего остального. Она сияла, как театральная ложа. И там Тэйлрэйни увидел силуэт человека.

Человек стоял неподвижно у двери под портретами и, казалось, прислушивался. В этом окружении, в этих сумеречных угрюмых тонах было что-то средневековое: словно вспышкой высветило картину из далекого прошлого замка, или будто читаешь позолоченный, богато раскрашенный манускрипт. Американец вдруг испугался, но в следующий миг осознал, что у стоящего наверху человека волосы лежат большой гладкой шапкой, и только поэтому кажется, что он стоит в шлеме.

НЕЧТО ДИКОЕ, БЕЗОБРАЗНОЕ И ОПАСНОЕ

— У Дорис будет ребенок, — сказал лорд Рейли. — Ха!

Позже Тэйлрэйни пытался вспомнить, какое было выражение лиц у сидевших за столом после этого неожиданного заявления, но ничего определенного не вспо-

миналось. У кого-то дрогнула рука, звякнул о тарелку бокал, — и был тут же поставлен на скатерть. Но кроме всеобщего потрясения, вызванного вопиющим нарушением приличий во время чинного английского обеда, ничего особенного не наблюдалось.

Тонкий сварливый голос Рейли звучал во внезапно воцарившейся тишине. И так сидел он в своем засаленном монашеском балахоне, надетом поверх смокинга, хитро и злобно глядя на скатерть, заставленную таким количеством свечей, что казалось, они находятся в церкви, а не в столовой. Яркие язычки огня колебались в перекрестных сквозняках. До сих пор хозяин сидел, сгорбившись, в кресле, яростно жестикулировал, ругал поваров, говорил резко и агрессивно, не ожидая ни от кого ответа. Он только что завершил игривую лекцию о средневековых поясах целомудрия, в продолжение которой вдавался в такие подробности, что Патриция краснела, а обычно бесстрастный Мэссей нервно ерзал на стуле. Потом Рейли резко подался вперед, положив ладони на стол. Всякий раз, когда он был занят какой-то мыслью, его глаза начинали слегка косить и поблескивали, как осколки стекла.

— У Дорис будет ребенок, — сказал он. — Ха!

Тэйлрэйи инстинктивно понял то же, что и все: попытаться промолчать в ответ на это заявление или заговорить как ни в чем не бывало на другую тему было бы бесполезно. Старый козел не дал бы себя отвлечь ни за что. Поэтому Фрэнсис пробормотал: «Вот это да!» — и присвистнул.

Тэйлрэйи посмотрел на мистера Лоуренса Кестевана. Последнего он встретил перед обедом в библиотеке, где тот наливал себе выпить у буфета. Кестеван был сейчас абсолютно невозмутим. Но невозмутимым он был всегда. Это была одна из тех черт, что так раздражает мужчин и так пленяет женщин. Его холодное лицо, слишком плосконосое, чтобы называться красивым, лишь изредка оживлялось движением бровей. Взгляд больших темных глаз — такие глаза женщины-романистки называют «влажными» — не выражал ничего. Линия его рта была совершенно прямой, как и линия спускающихся на лоб густых темных, блестящих волос. Восторженные кинозрители неоднократно уверяли его, что он похож на гангстера; это ему льстило, и он научил-

ся довольным цент.

— Очень

губ.

Отношен-
видным. Тэ-
собрались д-
плечами во-
лрэйи обрат-
женные ногт-
ции появил-
нившиеся де-
ла перед фот-

И вот все-
ощущая опас-
ствовала тол-
видел. Извин-
ни... ничего
так далее. Ин-
щина? Что
мачеха этим
ложе мужа и
было времени
с шумом вор-
завязал с ним
очень полюби-
ден, что тот и
не слышал) пр-
обещание не о-
сам сможет по-

И вот теп-
где волновалос-
Рейли ударил
цели.

— Ребенок, -
ха-ха!

— Папа, по-

Патриция. — Это

— Успокойс-

зал Фрэнсис.

Старик затря-

— Так гово-

нинг — старый

лось, какая-то н-

ся довольно искусно имитировать американский акцент.

— Очень плохо,— протянул он, почти не разжимая губ.

Отношение Патриции к нему было совершенно очевидным. Тэйлрэйн заметил это в гостиной, где все они собрались до обеда. Кестеван в смокинге с накладными плечами вошел уверенной неторопливой походкой; Тэйлрэйн обратил внимание на его длинные острые ухоженные ногти. И при виде Кестевана во взгляде Патриции появилось какое-то новое выражение, быстро сменившееся деланным безразличием, будто она позировала перед фотографом.

И вот все они сидели за обеденным столом, смутно ощущая опасные подводные течения разговоров. Отсутствовала только леди Рейли, которую Тэйлрэйн еще не видел. Извинялся за нее, как обычно, Мэссей: «Мигрени... ничего серьезного... глубочайшие сожаления...» и так далее. Интересно, подумал доктор, а она что за женщина? Что про нее говорил Джордж? — вторая жена, мачеха этим двоим детям от первого брака: намного моложе мужа и весьма привлекательна. До обеда у него не было времени подумать на эту тему, потому что к нему с шумом ворвался восторженно блеющий лорд Рейли и завязал с ним долгую утомительную беседу. Лорд Рейли очень полюбил Тэйлрэйна, потому что был твердо убежден, что тот называл Салтона (о котором доктор никогда не слышал) проклятым дураком. Он взял с американца обещание не осматривать Ружейный зал до вечера, когда сам сможет показать все перлы своей коллекции...

И вот теперь этот дребезжающий смех за столом, где волновалось море свечей. Костлявым кулаком лорд Рейли ударил по столу, и серебряные приборы зазвенели.

— Ребенок,— с наслаждением повторил он.— Ха-ха-ха-ха!

— Папа, пожалуйста, оставь этот тон,— взмолилась Патриция.— Это... то есть, это известно наверняка?

— Успокойся, дитя,— отсутствующим голосом сказал Фрэнсис.

Старик затряс козлиной бородой:

— Так говорит доктор Мэннинг. Ха... Мэннинг — старый дурак,— лорд Рейли помрачнел, казалось, какая-то новая мысль заняла его ум.— Да... Ста-

рый дурак, и он не умеет играть в шахматы, и ему придется-таки признать, что римский короткий меч — оружие, гораздо лучшее, чем английский большой лук... Фу! — он возвысил пронзительный голос. — Проклятый старый дурак — вот он кто...

— Папа, прошу тебя!

— ...но даже любой старый дурак, будучи доктором, в состоянии поставить диагноз, если кто-то собирается оцелиться. Пусть он сам тебе скажет. Он сейчас у матери, старый волокита...

— Прекратите, Генри, — резко сказал сэр Джордж. Он отодвинул от себя тарелку и спросил с тяжеловесной иронией: — Раз вы объявили об этом, вы, вероятно, знаете, кто виновник? Кто мужчина, я имею в виду.

— А? — моргнул лорд Рейли, — О, не знаю... Кто-то из лакеев, конечно. Да, черт возьми! Ли или Сандерс, или еще кто... Я не потерплю этого в своем доме! — вдруг взвизгнул он. — Я всех уволю — вот что я сделаю, черт возьми!.. Э-э-э... так о чем я говорил?

— Не о Дорис ли? — предположил Фрэнсис, катая хлебный мякиш.

— О! Да! Конечно. И вы знаете, что это? Это предупреждение, — он засмеялся блеющим смехом. Потом с хитрым и злобным видом вытянул вперед костлявый палец и обвел им присутствующих, конкретно не указав ни на кого. — И я рад, что устроил клетку для кроликов. Это было наитие, дьявол меня побери. Возьмите сыр, — неожиданно добавил он, обращаясь к Тэйлрэйну. — Стилтонский. Я люблю стилтонский.

«Он что, всегда такой?» — подумал Тэйлрэйн. Он испытующе посмотрел на сэра Джорджа — тот невозмутимо разламывал сухое печенье. Когда наступает неловкая и напряженная пауза, люди часто вдруг начинают серьезно и сосредоточенно прислушиваться к самым незначительным звукам. В глубине большой столовой вздрогнули и зашипели дедушкины часы, почти не видимые в тени; кавалер в парике задумчиво созерцал их из рамки своего портрета. Часы начали гулко и неторопливо бить девять. Все внимательно прислушивались к ударам, смутно ожидая, как это часто бывает, что часы пробьют больше положенного числа раз. В тишине было слышно только, как лорд Рейли с хрустом грызет печенье и шумно жует сыр.

Патриция встала, резко отодвинув стул.

— Что? —
вочка, кофе в

Патриция
ромные сини

Тэйлрэйну пр

— Пожалу

события... Я

пожалуйста. М

— Ради бо

щал лорд Рейл

заботься о св

опять залился

Казалось, с

ился. Все, кро

ний же развле

для сыра и л

при этом. Ко

из-за стола,

Брюс Мэссей,

сторону; и по

щих слышал его

— Все-таки

чается беспокоит

месяц будете ви

тех письмах. Вы

них — и подписа

товлю, если вы п

— Письма? —

шею. — О! Да! Ко

Десять-пятнадц

кратите раздража

гневно взорвался

бинете. Нет, лучш

— Я вас буду

Мэссей. Он сунул

фель и неторопли

прошли в гости

За кофе, несм

Рейли молчал. По

в этой коричнево

ми креслами; на

отблески огня. В

ции здесь провали

сти Боустринга. В

— Что? — встрепенулся лорд Рейли. — Еще кофе, девочка, кофе в гостиной.

Патриция была взволнована, ее лицо горело, и огромные синие глаза были так явно неискренни, что Тэйлрэйну пришлось подавить усмешку.

— Пожалуйста, папа... если ты не против.. все эти события... Я себя неважно чувствую. Извините меня, пожалуйста. Мне надо уйти в свою комнату... я...

— Ради бога! — с неожиданной любезностью пропищал лорд Рейли. — Ради бога, дорогая. Беги. Ха-ха. Похлоботи себя по своему здоровью, девочка хорошая, — и он опять залился блеющим смехом.

Казалось, с уходом Патриции вечер совсем расстроился. Все, кроме хозяина, были подавлены; последний же развлекался тем, что подбрасывал вверх нож для сыра и ловил его, вскрикивая от удовольствия при этом. Когда спустя несколько минут все встали из-за стола, чтоб идти пить кофе в гостиную, Брисс Мэссей, извинившись, отозвал лорда Рейли в сторону; и по крайней мере один из присутствующих слышал его слова:

— Все-таки выслушайте меня, сэр. Мне очень не хочется беспокоить вас сейчас, но вы сами потом целый месяц будете винить меня, если я этого не сделаю. Я о тех письмах. Вы должны просмотреть хотя бы одно из них — и подписать немедленно. Я сейчас же его подготавлию, если вы подниметесь со мной...

— Письма? — переспросил его светлость, вытягивая шею. — О! Да! Конечно. Точно. Вы идите. Я скоро приду. Десять-пятнадцать минут... хочу выпить кофе... И прекратите раздражать меня, ради всего святого! — вдруг гневно взорвался он. — Сейчас буду. В конторе. Нет, в кабинете. Нет, лучше в конторе. Все ясно?

— Я вас буду ждать и там, и там, — сурово сказал Мэссей. Он сунул под мышку свой неизменный портфель и неторопливо вышел в Большой зал; остальные прошли в гостиную.

За кофе, несмотря на обычную болтливость лорд Рейли молчал. Похожий на гнома, он сидел у камина в этой коричневой комнате, обставленной кожаными креслами; на медных люстрах играли красные отблески огня. Героическая попытка модернизации здесь провалилась, уступив тяжести и суровости Боустринга. Вуд принес чашки на подносе, и

лорд Рейли пожелал самолично положить себе сахар: пять кусков заполнили его чашку почти наполовину. Он усердно мешал ложкой черную кашу, как будто орудовал пестиком в ступке, и блики огня освещали его сморщенное лицо.

— Да, прошли былые дни, — рассуждал сэр Джордж, поставив чашку на ладонь и презрительно рассматривая ее. — Тогда мы сидели бы за столом, и вокруг хлопотали бы дамы... Хм, чертовски обидно... И было бы много сигар и крепкого портвейна... Ха! Генри, вы же такой певец минувшего! К чему эта современная чепуха?

Старик поднял печальный взгляд:

— Моя печень, — с жалким видом объяснил он. — И потом когда я выпиваю, я валяюсь на каменном полу и у меня начинаются приступы ревматизма. А это — идея Ирен, леди Рейли. Вы еще не виделись с ней, доктор Тэйлор? Я даже пытался завтракать говядиной с пивом — прекрасная английская традиция. Получил несварение желудка. — Скошенными глазами лорд Рейли печально уставился в пол, со звоном болтая ложкой в чашке. — Но еще остался сахар, — грустно сказал он, — много сахара для того, кто жемлет. Да и кто же не жемлет?

Фрэнсис Стейн сидел в тени в стороне от большого камина; его нетронутый кофе стоял перед ним на полу. Светлые его усы безвольно обвисли и он казался очень серьезным. Из заднего кармана брюк он достал большую серебряную флягу и с наслаждением глотнул из нее. Когда он клал флягу назад, на его лице было какое-то сонное и теплое выражение.

— Послушайте, Кестеван, — с любопытством спросил он, наклоняясь вперед и подпирая кулаком подбородок, — вы меня просто интригуете: интересно, о чем же вы думаете все время?

Кестеван удивился, насколько ему позволила его невозмутимость. Чуть откинув голову назад, он аккуратно сидел в кресле, похожий на тщательно упакованный и перевязанный ленточкой рождественский подарок. У него была отвратительная привычка далеко отставлять мизинец, поднося чашку ко рту.

— Ну, — сказал Кестеван, — ну... Я не знаю. Он был в замешательстве. Деланный американский акцент придавал его голосу носовое звучание.

— Вы не стойчиво процесс, вероятно?

— Вообще-то мывал новые т...

— Это, и труд? — спросил Кестеван ст...

ках. Холодный взгляд больших зывали крупны...

го-нибудь угроб Он расправил с...

— Я не понял Кестеван. И должен покинут...

писем.

И, поднявши моюверенной, кой.

Фрэнсис снова — Вспомнил Он сильно запр...

чашки остатки с...

лящийся кадык...

Подписать письм...

ва секретаря. Он...

быть. Теперь при...

— Коллекция.

— А? — устав...

Вы! Вы — тот юн...

тым, гнусным, не...

восторге, просто в...

лиотеку и подожд...

предостерегающе...

дуть в Ружейный э...

сейчас кое-что раст...

ко подумайте, юн...

Ах, черт, я разбил...

разбить, чем позвол...

до скорого...

И он заспешил к...

ред и размахивая ру...

— Вы не очень разговорчивы, я хочу сказать,— настойчиво продолжал Фрэнсис,— ваш мыслительный процесс, вероятно, очень глубок, и интенсивен, и все такое?

— Вообще-то,— серьезно ответил Кестеван,— я обдумывал новые танцевальные па.

— Это, наверно, изнурительный умственный труд? — спросил сэр Джордж.

Кестеван стал рассматривать складку у себя на брюках. Холодный, пустой, как бы обращенный внутрь взгляд больших темных глаз (в фильмах их часто показывали крупным планом, когда его герой собирался кого-нибудь угробить) означал, что он напряженно думает. Он расправил складку.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— престо ответил Кестеван. И решительно добавил: — Извините, но я должен покинуть вас — мне надо написать несколько писем.

И, поднявшись, он вышел из гостиной своей самоуверенной, почти до сменного важной походкой.

Фрэнсис снова глотнул из фляги.

— Вспомнил! — внезапно проскрипел лорд Рейли. Он сильно запрокинул голову назад, чтобы допить из чашки остатки сладкой жижи, и Тэйлрэйни увидел шевелящийся кадык на тонкой индюшачьей шее. — Письма. Подписать письмо. Никогда не могу найти этого чертова секретаря. Он никогда не бывает там, где я ему велю быть. Теперь придется идти самому...

— Коллекция... — неуверенно напомнил Тэйлрэйни.

— А? — уставился на него лорд Рейли. — О! Конечно. Вы! Вы — тот юноша, который назвал Салтона проклятым, гнусным, невежественным идиотом, не так ли? Я в восторге, просто в восторге! Знаете что? Вы идите в библиотеку и подождите меня там. И не вздумайте, — он предостерегающе поднял палец, — не вздумайте заходить в Ружейный зал без меня, вы слышите?.. Я должен сейчас кое-что растолковать своему секретарю. Вы только подумайте, юный воришка стащил мои перчатки... Ах, черт, я разбил чашку. Ну, ничего страшного. Лучше разбить, чем позволить украсть. До скорого, до скорого, до скорого...

И он заспешил к Большому залу, вытянув шею вперед и размахивая руками.

— Да-а... — протянул сэр Джордж. — Мой юный друг, вы можете дать и мне тоже глотнуть из этой фляги. Я уже давно наблюдаю за вашими возлияниями.

— С удовольствием, — сказал Фрэнсис. — Я ж вам говорил, доктор Тэйлрэйи, что в нашем хозяйстве есть дьявол.

Сэр Джордж казался смущенным. Ссутулившись, он подался вперед большим телом и пристально поглядел на Фрэнсиса.

— Фрэнк, есть еще кое-что. Что нельзя объяснить чудачествами вашего отца. Как насчет этой девушки, Дорис?

— А что насчет нее? Верните, пожалуйста, флягу.

Фрэнсис немного сполз с кресла так, что теперь почти лежал в нем, и прикрыл глаза.

— О, боже... Я тут совершенно ни при чем, если вы на это намекаете. Ну, конечно, не то, чтобы я не воспользовался этим, если б она дала мне хоть малейшую возможность, — добавил он задумчиво. — Насколько я понимаю, мы от нее мало что узнаем. Бьюсь об заклад, что она не назовет сго. Очаровательная крошка. Чертовски очаровательная, скажу я вам. Любимица Ирен, моей матеки, вы знаете. Не беспокойтесь. Ее не уволят, конечно, если только наша добрая домоправительница, миссис Картер, вы знаете, не поднимет слишком большой шумихи по этому поводу. Просто беда с этими вдовствующими леди, когда они сталкиваются с правдой жизни... Как насчет партии в бильярд?

— Ты прекрасно понимаешь, что здесь происходит что-то странное, — ответил сэр Джордж.

— Неужели? — равнодушно переспросил Фрэнсис. — Значит, бильярд. Доктор Тэйлрэйи, вы собираетесь ждать старика в библиотеке, так не удивляйтесь, если он несколько задержится. Он сейчас наверняка сидит в трофейной комнате, твердо убежденный, что именно там у них с Брюсом назначена встреча, и честит его на чем свет стоит... Пойдемте, сэр Джордж. Даю вам десять очков форы.

...Доктор Тэйлрэйи задумчиво сидел в библиотеке у камина и ждал хозяина Боустринга. Позже он осознал, что был так глубоко погружен в мысли, что дюжина людей смогли бы пройти мимо него в зал незамеченными.

исключая, правда, са
когда же зазвучат
леського пара, и пр
скончаемому гулу
теки.

Закурив очередну
рошил ею в камине
лось о другое, вспых
сной искр; на его си
верхности вились тем
ман медленно влияв
Тэйлрэйи не спешил
хладная ночь, и дерев

И в доме тоже бы
все звуки не перекры
терпелось хоть одним
зал, не дожидаясь лор
стене, расположенной
ходилса камин, видн
виде арки; дверь был
двери, начинался кор
комнату, гостиную и
кресло в ту сторону...

Вот и лорд Рейли.
шаркающие шаги, — и
вая руками, появился
Тэйлрэйи выпрямил
— О! — воскликнул
Это можно было ож
ворчал себе под нос
зала.

— Я здесь, сэр. Я
рэйи.

Как только белая ф
жейного зала, раздался
просил и уговаривал:

— Я везде искал вас
В ответ — поток нер
сея буквально вынесло
образовавшимся от ст
Рейли. С гулким грохот
И несколько мгновений
рэйи, уставившись на
портфель под мышкой

исключая, правда, самого лорда Рейли. Тэйлрэйни ждал, когда же зазвучат торопливые шаркающие шаги маленького пэра, и прислушивался тем временем к неслышному гулу водопада за окнами библиотеки.

Закурив очередную сигару, он взял кочергу и поворошил сю в камине. Вот полено перевернулось, ударилось о другое, вспыхнуло ярким пламенем, выбросило сноп искр; на его сияющей, докрасна раскаленной поверхности вились темные прожилки. Сгущавшийся туман медленно вливался в растворенное окно, но доктор Тэйлрэйни не спешил закрывать его. Стояла тихая прохладная ночь, и деревья молчали в полном безветрии.

И в доме тоже было удивительно тихо, если только все звуки не перекрывались гулом водопада. Доктору не терпелось хоть одним глазком взглянуть на Ружейный зал, не дожидаясь лорда Рейли. В глубине библиотеки, в стене, расположенной под прямым углом к той, где находился камин, виднелся огромный дверной проем в виде арки; дверь была слегка приоткрыта. Там, около двери, начинался коридор, соединяющий музыкальную комнату, гостиную и Большой зал. Тэйлрэйни развернул кресло в ту сторону...

Вот и лорд Рейли. Доктор услышал его торопливые шаркающие шаги,— и из коридора, бормоча и размахивая руками, появился человек в белом балахоне.

Тэйлрэйни выпрямился в кресле:

— О! — воскликнул он.— Вот и вы, наконец...

Это можно было ожидать. Старик что-то злобно проворчал себе под нос и устремился к двери Ружейного зала.

— Я здесь, сэр. Я...— довольно глупо начал Тэйлрэйни.

Как только белая фигура перелетела через порог Ружейного зала, раздался новый голос. Там, внутри, кто-то просил и уговаривал:

— Я везде искал вас... эти письма...

В ответ — поток неразборчивой брани, и Брюса Мэссея буквально вынесло в библиотеку словно сквозняком, образовавшимся от стремительного движения лорда Рейли. С гулким грохотом захлопнулась высокая дверь. И несколько мгновений Мэссей стоял спиной к Тэйлрэйни, уставившись на нее. Потом повернулся и, держа портфель под мышкой, направился к доктору. Когда он

вышел из тени на свет, Тэйлрэйна поразило выражение его лица.

Он понимал, что молодого Мэссея, привыкшего к диким выходкам своего хозяина, удивить чем-либо было трудно. Но сейчас он был даже не удивлен. И хоть каждый его грузный шаг казался спокойным, как спокойным казалось его круглое неподвижное лицо, Тэйлрэйн готов был поклясться, что секретарь чем-то страшно напутан.

Он вытащил носовой платок и вытер лоб, подходя к камину.

— Доктор,— спросил он странным голосом,— вы не говорили с ним сейчас? Он не с вами был все это время?.. Ах, нет, нет,— спохватился Мэссей и задумчиво покачал головой,— этого не могло быть. Его здесь не было, когда я выходил из коридора. А вы, кажется, дремали, сидя в кресле ... Интересно...

Его круглые глаза растерянно блуждали по библиотеке.

— Боже мой, в чем дело? — спросил Тэйлрэйн.

— Вам не кажется,— с отсутствующим видом пробормотал секретарь,— что он окончательно рехнулся? То есть... ну, вот что, доктор, я с полной уверенностью могу сказать, что еще никогда в жизни не видел такого ужасного выражения на человеческом лице. Это точно. Разрешите присесть.

Мэссей пододвинул кресло к огню, вытащил сигареты, зажег спичку и внимательно посмотрел на руку — не трясется ли она?

— Боже мой,— сказал он.

Он выпустил дым изо рта маленькими клубами, потом безуспешно попытался выпустить колечками.

— Пронесся мимо меня как ураган. Оттолкнул мою руку и выкрикнул что-то вроде «Жемчуга...» — это все, что я смог разобрать. Потом выпихнул меня и захлопнул дверь. Послушайте, а как долго вы здесь сидите?

— Десять-пятнадцать минут. Я пришел сюда, как только все разошлись из гостиной. А что?

— А вы не видели, входил ли кто-нибудь кроме меня в Ружейный зал? Раньше?

— Нет. Но я мог не заметить, вы понимаете,— сказал Тэйлрэйн. Он вдруг смутился. Кровь Новой Англии напомнила о себе, и он почему-то почувство-

вал себя виноватым.
А что?
Несколько долги
ждал. Наконец секрет
— Я искал его та
мне вдруг слышал
ня: какой-то шорох,
в той части зала труд
из-за адского грохот
прекратился. Я поис
горит только одна
практически ничего
его там нет,— он мож
ноте. Я вдруг страши
уметь владеть собой
сей поерзал в кресле;
казалось очень устал
И как раз, когда я вы
не знаю, что и подума

Слушая секретаря,
закрытую дверь. Ее з
жении какие-то ужас
отвести от нее взгляд.
— Жемчуга? — пе
что он имел в виду?
Мэссей заколебало
— Думаю, да. Я...
тов тут нет. Просто
нервно побарабанил
Рейли, конечно уже е
чужных ожерелий, по
но на день рожденья;
шлой неделе сюда при
он привез несколько об
один... Так что...
Тэйлрэйн, который
ного зала, увидел появ
фигуру Фрэнсиса Стейн
тересно,— подумал Тэй
в библиотеку через гост
этим коридором?
— Привет,
сис.— Не хотите ли вып
— Да,— решительно

вал себя виноватым.— Я... знаете ли... задумался...
А что?

Несколько долгих минут Мэссей молчал. Тэйлрэйн ждал. Наконец секретарь заговорил:

— Я искал его там. И когда дошел до середины зала, мне вдруг послышалось, что там есть кто-то кроме меня: какой-то шорох, знаете ли... Я громко заговорил, но в той части зала трудно что-либо отчетливо расслышать из-за адского грохота водопада. Тем не менее, шорох прекратился. Я поискал еще немного, но тщетно. Там горит только одна очень тусклая лампочка, при ней практически ничего не видно. Это вовсе не значило, что его там нет,— он может бродить по залу и в полной темноте. Я вдруг страшно разозлился. Понимаю, что надо уметь владеть собой и все такое, но черт побери!— Мэссей поерзал в кресле; он нервно курил и его полное лицо казалось очень усталым.— В общем, я пошел к выходу. И как раз, когда я выходил... вы сами видели. Боже мой, не знаю, что и подумать!

Слушая секретаря, Тэйлрэйн зачарованно смотрел на закрытую дверь. Его зловещий вид возбуждал в воображении какие-то ужасные фантазии. Доктор никак не мог отвести от нее взгляд.

— Жемчуга? — переспросил он.— А вы понимаете, что он имел в виду?

Мэссей заколебался:

— Думаю, да. Я... Во всяком случае, никаких секретов тут нет. Просто непонятно, при чем тут это.— Он нервно побарабанил пальцами по портфелю.— У леди Рейли, конечно уже есть несколько очень ценных жемчужных ожерелий, но он собирается подарить ей еще одно на день рожденья; это будет через неделю. На прошлой неделе сюда приезжал один ювелир из Лондона, он привез несколько образцов, из которых они выбрали один... Так что...

Тэйлрэйн, который все еще смотрел на дверь Ружейного зала, увидел появившуюся из коридора высокую фигуру Фрэнсиса Стейна. Он нес поднос и графин. «Интересно,— подумал Тэйлрэйн,— проходит ли кто-нибудь в библиотеку через гостиную? Или все они пользуются этим коридором?

— Привет, джентльмены! — воскликнул Фрэнсис.— Не хотите ли выпить?

— Да,— решительно ответил Мэссей.

— Я разгромил Джорджа за бильярдом, — Фрэнсис балансировал подносом с ловкостью официанта, — и мы почувствовали необходимость подкрепиться спиртным. Я никак не мог дозваться Вуда, — бог его знает, куда он делся, — так что выпивку я нашел сам. Я гостеприимен, я весьма гостеприимен. Пожалуйста.

подвижных фигур и ветхих боевых знамен. Всадник в матово поблескивающих золоченых доспехах с опущенным забралом казался живым в этом сумраке. Боевой конь в богатом чепраке, присев на задние ноги, занес копыто над Генри Стейном.

Все было ясно и без подробного осмотра. В синие складки его шеи была утоплена веревка, туго завязанная узлом; ее длинные концы свешивались по обеим сторонам шеи, почти закрытые взлохмаченными седыми волосами. Капюшон его грязного белого балахона был порван. Ладони его были судорожно прижаты к груди, и голова втянута в плечи. Раскинутые ноги с подвернутыми носками были согнуты в коленях, будто он упал, пытаясь сделать какое-то гимнастическое упражнение с приседанием.

Они смогли все это рассмотреть, потому что Мэссей зажигал спичку за спичкой, тихо ругаясь, когда они обжигали пальцы. Лорд Рейли, некрушый при жизни, в смерти стал непостижимо крохотным: он был похож на куклу, задушенную в этом жутком зате, полном мертвых кукол.

Стоя над ним, Тэйлрэйни почувствовал медленное и тяжелое биение своего сердца. Он не был особенно потрясен или тронут присутствием смерти — это его удивило и он ощутил легкое чувство вины. Его трезвый пылкий ум начал свою работу, как только он вошел в зал. И сейчас доктор продолжал внимательно осматриваться вокруг, слушая монотонные чертыхания Мэссея. Только одна тусклая лампочка горела над дверью; темные очертания рыцарских доспехов походили на смутные очертания каких-то чудовищ.

— Здесь есть еще лампы? — спросил Тэйлрэйни и сам удивился твердости своего голоса.

Лицо Мэссея выглядело причудливо в пляшущем свете спички. Трясущейся рукой он как-будто нашаривал пуговицу воротника.

— А? — переспросил он. — Еще что?.. а! Да. Там у двери — выключатель... это основное освещение. Никому не разрешалось включать его. Просто в голову не пришло... Вот... Я совсем забыл, — тут спичка погасла. — Я забыл. Включите же свет, ради бога!

Тэйлрэйна преследовало ощущение нереальности, будто все это происходило не наяву. Он положил руку молодому человеку на плечо и спросил:

— Вы любили его?

Мэссей немолчал, потом заговорил медленно. — Нет. Нет, не думаю. И не думаю, чтоб кто-нибудь вообще его любил. Это что-то другое — знаете, как-то привыкаешь заботиться о таких, как он; они — словно дети.

Он снова помолчал и добавил странным голосом: — Знаете, мне кажется, если только я и буду сожалеть о его смерти.

Тэйлрэйн пошел к двери искать выключатель; эхо его шагов гудко звучало в тишине. Пол был вымощен огромными темно-красными плитками, и швы между ними были залиты белой замазкой. Здесь было очень холодно: ледяной пол и тяжелый воздух. Водопад находился прямо за стеной зала, и прозрачные стеклянные витрины иногда падали, голубясь в грохоте падения воды. Тэйлрэйн слышал о ладонь — они были чуть влажные; в селении было по-прежнему тяжело.

Он нащупал выключатель на стене у двери и повернул его. Раздался отдаленный щелчок, и Тэйлрэйн замер, пораженный... Вспомнившееся неотвязное воспоминание зашевелило в нем сего мозга. Он стоял, глядя прямо перед собой и с пустыми глазами, и пытался что-то вспомнить.

Щелчок. Совсем недавно, вероятно в течение последних двадцати минут... да, когда он сидел у камина в библиотеке, слышал закрытую дверь Ружейного зала... кажется, слышал как-то притупленный металлический щелчок, доносившийся оттуда... Когда же это было? Задаваться этим вопросом сейчас было бесполезно: память могла сыграть с ним любую шутку. Был ли это щелчок выключателя? Вряд ли. Хотя под гудками сводами библиотеки любой, даже незначительный звук мог прозвучать громко. Но дверь-то в зал была закрыта...

Он стиснул зубы и вернулся к остальным.

Скрытые под сводами потолка лампы заливали зал холодным сиянием. Это помещение было спроектировано с тем расчетом, чтобы дневные лучи никогда не проникали сюда. На левой его стене окон не было. Грохот водопада слышался здесь так отчетливо, что Тэйлрэйн подумал, не разобрали ли эту стену, оставив ей лишь фут-два толщины, дабы освободить побольше места для

коллекции лорда...
ны с середины семна-
ха IV, а между ними
полированными нове-
котором было изобра-
Титом и Веспасианом
ну, там же стояла вы-
из бело-голубых израз-
стороны от нее находил-
торых хранились мечи
рапиры и тому подоб-
золотом и слоновой
эпохи.

Тэйлрэйн перевел
Высота Ружейного
двум этажам здания.
правой стены тянулся
ми. К нему вела узкая
балконом разноцветно-
ичных окна. «Ложные,
степой находятся поме-

Но все это были вто-
сравнению с другими
еще не был снабжен та-
витринах вдоль стен бы-
ты доспехов: норманн-
здесь были и шлемы с
понаты будто парили в
ми с потолка выцветш-
лись невыразимо злове-
тую витрину, бархатное
перчаток; рядом находи-
одном из них тетивы не-

Огромный позолочен-
залось, еще сильней осад-
выше вознеслись над тел-
дел собственное дыхание
шал собственное дыхание

— Его убили.
Мэссей, который до с-
устанавливался на труп, мед-
взгляд:
— Я... я тоже так по-
его трясет. — Но где же

коллекции лорда Рейли. Здесь были развешаны гобелены середины семнадцатого века из мастерских Генриха IV, а между ними висело оружие, мертво блестящее из полированных поверхностей. Огромный гобелен, на котором было изображено разграбление Иерусалима Титом и Веспасианом, занимал почти всю заднюю стену, там же стояла высокая круглая средневековая печь из бело-голубых изразцов в германском стиле, а по обе стороны от нее находились два стеклянных шкафа, в которых хранились мечи, разнообразные палаши, шпаги, рапиры и тому подобное вплоть до легких, отделанных золотом и слоновой костью мечей более изысканной эпохи.

Тэйлрэйн перевел взгляд из задней стены на...

Высота Ружейного зала, как и Белого зала, — в двух этажах здания. На половине этой высоты — в правой стене тянулся редкой балкой с низкими перилами. К нему вела узкая винтовая железная лестница. Над балконом разноцветно сверкали четыре и других модных окна. «Ложные, — понял Тэйлрэйн, — ведь за этой стеной находятся помещения дома».

Но все это были второстепенные экспонаты музея по сравнению с другими, — герсей, с другим, — который еще не был снабжен табличкой. В высоких стеклянных витринах вдоль стен были выставлены доисторические предметы дэнехов: норманские копья, германские мечи; здесь были и шлемы с забралами, и морские якоря. Все экспонаты будто парили в воздухе и, осененные свисавшими с потолка выцветшими боевыми знаменами, казались невыразимо зловещими. Тэйлрэйн заглянул в первую витрину, бархатное дно которой хранило отпечатки перчаток; рядом находилась витрина с арбалетами — на одном из них тетивы не было...

Огромный позолоченный всадник в центре зала, казалось, еще сильнее осадил коня, и конские копыта еще выше вознеслись над телом лорда Рейли. Тэйлрэйн увидел собственное дыхание, обратившись в пар, и услышал собственный голос:

— Его убили.

Мэссей, который до сих пор все неподвижно стоял, уставившись на труп, медленно поднял отсутствующий взгляд:

— Я... я тоже так полагаю, — Тэйлрэйн увидел, что его трясет. — Но где же доктор? Я страшно замерз. Мне

необходимо что-нибудь выпить.

— Вам не кажется, — спросил Тэйлрэйн, — что тот, кто его задушил, был в тех самых перчатках?

— Боже, почему вы так решили? — Мэссей медленно выходил из оцепенения. Он посмотрел на Тэйлрэйна потом снова на труп. — Вы имеете в виду... о, понимаю! Теперь понимаю. Кто-то украл перчатки... Но все-таки, — он был подавлен и, не найдя никаких возражений продолжал: — Но вот что... если это так, то ведь Пат... она должна была видеть убийство.

— И убийцу.

— И убийцу, — тихо повторил Мэссей, кивнув головой. — Но как вы думаете, что она делала здесь? Даю вам слово, что сколько я ее знаю, она ни разу не заходила сюда. И всегда говорила, что эта коллекция ей отвратительна.

Он замолчал. В зал вошел Фрэнсис и с ним — похожий на священника полный, гладко выбритый, приятный человек в очках с золотой оправой. Он нес в руке черный саквояж и двигался как-то по-особенному, немного выдвинув одно плечо вперед, как всякий врач, привыкший следовать за людьми по узким коридорам.

— Сюда, доктор, — сказал Фрэнсис. Он выглядел очень усталым.

Доктор поцокал языком. — Плохо. Очень плохо. — Он держался с профессиональным спокойствием, но было заметно, что потрясение его велико. Он склонился над телом, и Тэйлрэйн увидел, что у него сильно дрожат руки. — Минуточку. Будьте любезны, мистер Мэссей, отойдите немного в сторону... Спасибо. Да-а.

Фрэнсис судорожно закрыл лицо ладонями.

— Спокойно, мальчик, — тихо сказал Тэйлрэйн и положил руку молодому человеку на плечо. Когда Фрэнсис медленно отнял ладони от опавшего и разом постаревшего лица, Тэйлрэйн спросил: — Что с сестрой?

— Сейчас придет в себя. У нее был нервный шок. Она лежит в гостиной. Брюс, пойдите, посидите с ней пожалуйста. И ради бога, не поднимайте на ноги весь дом. Думаю, кроме нас никто не слышал этого визга. И попросите сюда сэра Джорджа Анструтера, если увидите его.

Мэссей неуверенной походкой направился к двери, он продолжал оглядываться назад через плечо и чуть не наткнулся на стеклянную витрину.

— Наверное, это закурю. — И он попытался что-то сказать.

— Эта веревка... это

— Похоже.

— Кто-то... кто-то

— Тише-тише. Да,

Выпуская дым, Фрэнсис

— Это просто нево

износить это слово. Г

там, в библиотеке?

— Да.

— И вы могли видеть

— Конечно, — медл

спускал с нее глаз с т

отец. А это случилось з

Фрэнсис тупо смот

появился проблеск соз

гарету изо рта, но губы

липла к ним; он яростно

— Но тогда... кто-то

выйти из зала или спря

те...

— Я могу покля

рэйн, — что никто не вы

ры. Я смотрел на эту д

время отсюда не выходи

И как доказали после

порил абсолютную прав

лось смятение. Молодой

него несколько мгновени

пер ее изнутри и положи

— Это можно будет п

скажете, доктор?

Мэннинг поднялся и

схожест с полным упит

лась золотой цепочкой оч

казался расстроенным го

была смерть простого зна

— Мертв, конечно, — т

тора ясно. Задушен вот

минут назад. Он был сла

его задушить, не потреб

путь две, вероятно.

— Наверно, это неуместно,— сказал Фрэнсис,— но я закурю.— И он торопливо закурил. Потом несколько раз пытался что-то сказать, и наконец выговорил:

— Эта веревка... это тетива, не так ли?

— Похоже.

— Кто-то... кто-то убил его. Да?

— Тише-тише. Да, похоже.

Выпуская дым, Фрэнсис в смятении пробормотал:

— Это просто невозможно. Убь... даже не хочу представить это слово. Послушайте, сэр, вы ведь сидели там, в библиотеке?

— Да.

— И вы могли видеть дверь.

— Конечно,— медленно ответил Тэйлрэйн.— Я не спускал с нее глаз с той минуты, как туда вошел ваш отец. А это случилось за пять минут до вашего прихода.

Фрэнсис тупо смотрел на него; потом в его глазах появился проблеск сознания. Он попытался вынуть сигарету изо рта, но губы его так пересохли, что она прилипла к ним; он яростно выдернул ее.

— Но тогда... кто-то же сделал это? Он должен был выйти из зала или спрятаться здесь... О боже, вы думаете...

— Я могу поклясться,— твердо сказал Тэйлрэйн,— что никто не выходил отсюда, кроме вашей сестры. Я смотрел на эту дверь неотрываясь. Никто за это время отсюда не выходил.

И как доказали последующие события, Тэйлрэйн говорил абсолютную правду. В глазах Фрэнсиса отразилось смятение. Молодой человек пристально смотрел на него несколько мгновений, потом подошел к двери, запер ее изнутри и положил ключ в карман.

— Это можно будет проверить,— сказал он.— Что вы скажете, доктор?

Мэннинг поднялся и отряхнул пыль с колен. Его схожесть с полным упитанным священником усугублялась золотой цепочкой очков, заправленной за ухо. И он казался расстроенным гораздо больше, чем если бы это была смерть простого знакомого.

— Мертв, конечно,— тихо сказал он.— Это и без доктора ясно. Задушен вот этой веревкой всего несколько минут назад. Он был слабый человек. Для того чтобы его задушить, не потребовалось много времени — минуты две, вероятно.— Он заколебался: — Фрэнсис, вы

...скажите, что я — здешний коронер. Я должен... предпринять некоторые шаги. Чертовски неудобно, конечно, но...

— Убийство, — произнес Фрэнсис с отсутствующим видом и зажмурился от дыма сигареты.

— Несомненно.

Фрэнсис замылся:

— Доктор, извините, но... Боюсь, у меня не получится, и я только все испорчу. А вы — сможете. Леди Рейли рано или поздно должна узнать об этом, и не могли бы вы?..

— Конечно,— серьезно ответил доктор.— А сейчас позвольте мне сообщить в полицию.

Выпустив доктора, Фрэнсис стоял несколько мгновений, глядя в библиотскую холловую дверь, почти жестокими глазами. От былой его выносливости и безмятежности не осталось и следа. Он повернулся к Тайреллону:

— Извините за прямоту, сэр. Я боюсь, вас не обидят мои слова. Вы производите впечатление доброго старого чудака, и я абсолютно уверен в вашей честности. Не знаю, умны вы или нет, но я знаю, что вы — честный человек. И я могу положиться на вас, сэр, думаю, могу положиться на сэра Джорджа. Я не в восторге. — он нахмурился. — Извините. Сейчас не могу заняться другим. То есть...

Тэйлрэйн почувствовал, как горячая волна возмущения и раздражения поднимается в нем. Он вовсе не стал! И что касается его ума... ах ты, шлюх проклятых! Он уже собирался высказаться на эту тему, как Фрэнсис высунулся из двери и тихо позвал: «Сандерс!»

В дверь осторожно просунулся толстый плосколицый ланей, выглядевший чрезвычайно неуютно в своей утилитарной форме.

Гневные мысли доктора, видимо, были ясно написаны на его лице, потому что Фроенис резко бросил ему

— Мне тридцать пять, сэр. Сандерс, помоги нам посмотреть зал. И не упускай из виду ничего. Здесь может кто-нибудь прятаться. Понятно?

— Плохо, сэр... вот это,— пропитым хриплым голосом сказал лакей и потянул головой в сторону трупа. Потом спросил с сомнением: — А не может ли этот человек прятаться в каких-нибудь доспехах?

— Это невозможно. Так только в кино бывает. — Он повернулся и пошел к двери. — Мотри их все-таки. Давай, поднимайся.

к Тэйлорэйн и
то прятаться. Вы же
дид... здесь нет другого
норы. Вы твердо увере
нута мимо вас?
— Абсолютно увер
не скрывается ч
раются.

— Они открываются вообще. Заперты той стороны; всегда усилением их не открываем.

Они вместе поднял
нице. Франсис шел впе
ходкой.

— Сюда никто не
он, — поглядите.

Балкон был шириной
рида его были высотой
хность была покрыта то
тоже. Носком ботинка Ф
это был единственный с
Тэйлорэйн задумчиво
на, отстоящие одно от д
надцать футов; они свер
мозаикой.

— Мы должны все
спасать. Помогите мне... Т
находятся с той стороны.
Но куда открываются:
плутры! Сейчас увидим.
закрывают с той сто
таки.
Они

Они вдвоем навалились
Осторожно ступая по пень-
юкну и попытались
смотря на их ст-

Тэйлрэйни старания ни
— Пы...

Пыль и окна. Ч-
ом; никто не мог
Они прист

к Тэйлрэйну и с отчаяньем сказал: — Здесь должен кто-то прятаться. Вы же сказали, что отсюда никто не выходил... здесь нет другого выхода. Никакого! Ни крысиной норы. Вы твердо уверены, что никто не мог проскользнуть мимо вас?

— Абсолютно уверен. А тот балкон?.. Те окна?.. Убийца мог скрыться через одно из них.

— Они открываются в спальни. Верней, не открываются вообще. Заперты накрепко на огромные запоры с той стороны; всегда заперты. Простым человеческим усилием их не открыть. Но давайте все-таки попробуем.

Они вместе поднялись по винтовой железной лестнице. Фрэнсис шел впереди неуклюжей походкой.

— Сюда никто не поднимался, — мрачно сказал он, — поглядите.

Балкон был шириной фута в четыре, и широкие перила его были высотой около трех футов. Вся его поверхность была покрыта толстым слоем пыли — и перила тоже. Носком ботинка Фрэнсис провел черту в пыли; и это был единственный след там.

Тэйлрэйн задумчиво рассматривал стрельчатые окна, отстоящие одно от другого приблизительно на пятнадцать футов; они сверкали синей, золотой и красной мозаикой.

— Мы должны все проверить, — сказал Фрэнсис. — Помогите мне... Так, посмотрим... Нетли у них находятся с той стороны, а открываются они, как двери. Но куда открываются: внутрь или наружу? Конечно, внутрь! Сейчас увидим. Я абсолютно уверен, что они закрыты с той стороны, но давайте попробуем все-таки.

Они вдвоем навалились на раму и совместными усилиями попытались открыть ее. Рама даже не дрогнула. Осторожно ступая по пыли, они прошли к следующему окну и попытались открыть его с тем же успехом. Несмотря на их старания ни одно из четырех окон даже не подалось.

Тэйлрэйн запыхался, он вытер руки носовым платком и сказал:

— Пыль и окна. Что ж, я могу поклясться еще в одном: никто не мог выйти отсюда и через окна.

Они пристально посмотрели друг на друга, потом

Тэйлрэйн перевел взгляд вниз. Большая нелепая фигура Сандерса методично двигалась от витрины к витрине, цвет его ливрея казался почти изысканным по сравнению с этим ужасным потемневшим от времени металлом. Опершись ладонями о пыльные перила, Тэйлрэйн задумчиво разглядывал свисающие со стен знамена: висящий на задних лапах венский лев — темно-коричневый на выцветшем желтом фоне; и золотые геральдические лилии на боевых стягах Короля-Солнца; и флаг с изображением испанского герба, пробитый мушкетерской пулей... пахнущие пылью знамена неподвижно висели внизу. Тускло мерцали стеклянные витрины. Сверху было видно синее распухшее лицо мертвого пэра.

Медленные шаги Сандерса гулко раздавались в тишине...

Наконец он закончил осматривать зал и вернулся к запертой двери.

— Здесь никого нет, сэр, — решительно объявил он. — Могу присягнуть на Библии. И, судя по пыли здесь никого не было.

Фрэнсис, растрепанный, с упавшими на лоб волосами, вытаскивал носовой платок и спокойно стал отряхивать пыль с манишки. Он снова стал говорить с обычной для него бессвязностью:

— Знаете ли, сэр, это тупик. Имею в виду, это очень плохо. Ни входа, ни выхода, внутри никого нет... Вы понимаете, что все подумают?

— Вы хотите ска...

— Пат. Здесь находилась только она.

— Но, Господи, это же нелепо!

— Совершенно верно. Но и что из этого? Понимаете?

— Но неужели же здесь нет никакого выхода? Никакой потайной двери, подземного хода или еще чего-нибудь вроде этого? Ведь не может же быть, чтобы девочка...

Длинное лицо Фрэнсиса немного прояснилось, он поднял брови:

— Извините, сэр. Но вы тоже ходите в кино. Как и Сандерс. Очень жаль, но ничего такого здесь нет. Провидений нет. Потайных дверей нет. И нет... О боже!

Голос его вдруг прервался, глаза расширились, он щелкнул пальцами. И потом, с силой оттолкнув в сторону Тэйлрэйна, бросился к лестнице и, казалось, не сбе-

жал, а скатился
конец последоват
Фрэнсиса зазвучало в
он уже был у гобелен
фламандского гобелен
стену.

— Сюда, Сандерс, —
эту штуковину вот здесь
ше. Еще выше... Я фе
здесь каждый угол, к
был нечто, настолько
дверь.

— Сэр, — начал был
мазанное пылью лицо.

— Помолчи, Сандерс.
Этот зал соединяется с
ка — она, конечно, закрыта.
Но туда ведет дверь... Бо
же прекрасно! Именно
Поднимай, Сандерс, под

Сандерс поднял гобе
стал похож на огромную
леном упал свет, Фрэнс
молк. Потом Тэйлрэйн
Франсис яростно дергал
нув под гобелен, доктор
блестящих металлических

— Я все пытаюсь о
сказал Сандерс, — вы не
разн меня гром, не смо
лость. Пришел сюда вече
глухо, десятипенсовыми
наружу и заколотил ее е

ЖЕМЧУЖ

После нескольких поз
дверь, они медленно гово
— Вот значит, зачем
гвозди, — задумчиво гово
в башню, чтобы подобра
тогда понятно, почему он
Зачем ее заколачивали

жал, а скатился с нее в зал. Чувствуя боль в боку, американец последовал за ним. Громкое эхо частых шагов Фрэнсиса зазвучало в каменных стенах; через мгновение он уже был у гобелена в глубине зала — у огромного фламандского гобелена, который занимал почти всю стену.

— Сюда, Сандерс, — резко приказал он. — Возьми-ка эту штуковину вот здесь и поднимай ее, как можно выше. Еще выше... Я феноменальный идиот, сэр. Знаю здесь каждый уголок, каждую щелку и совершенно забыл нечто, настолько же очевидное, как сама главная дверь.

— Сэр, — начал было лаксй, поворачивая к нему измазанное пылью лицо, — сэр...

— Помолчи, Сандерс. И подними гобелен повыше. Этот зал соединяется со старой Главной башней замка — она, конечно, закрыта, как и все остальные башни. Но туда ведет дверь... Большая дверь... Послушайте, это же прекрасно! Именно этим путем и скрылся убийца. Поднимай, Сандерс, поднимай...

Сандерс поднял гобелен так высоко, как мог, и тот стал похож на огромную палатку. Когда на стену за гобеленом упал свет, Фрэнсис подался вперед и вдруг замолк. Потом Тэйлрэйн услышал сдавленные проклятия: Фрэнсис яростно дергал большую дверную ручку. Заглянув под гобелен, доктор увидел по краям двери ряды блестящих металлических кружочков.

— Я все пытаюсь объяснить вам, сэр, — спокойно сказал Сандерс, — вы не сможете открыть эту дверь. Разрази меня гром, не сможете. Это хозяин, сэр, его светлость. Пришел сюда вечером и заколотил дверь, сэр; наглухо, десятипенсовыми гвоздями. А потом он вышел наружу и заколотил ее еще и с другой стороны.

ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

После нескольких безуспешных попыток открыть дверь, они медленно возвратились в зал.

— Вот значит, зачем ему понадобились молоток и гвозди, — задумчиво говорил Фрэнсис, — и если он лазил в башню, чтобы подобраться к двери с другой стороны, тогда понятно, почему он был так испачкан... Но зачем? Зачем ее заколачивать?

Он задумчиво кусал ногти.

— Послушайте, вообще чертовски странно, что в подобных обстоятельствах ум начинаст обращаться к каким-то выдуманым историям. Я имею в виду баллерику. Люди, прячущиеся в доспехах, и все такое прочее. Ни в одном фильме еще не показали рыцарские латы без того, чтобы они вдруг не восстали и не поразили кого-нибудь мечом — просто традиция какая-то. Даже Сандерс в первую очередь предположил именно это. Черт, — он сердито нахмурился и зашаркал по плитам. — У меня теперь в голове засела улица Морг¹. Я имею в виду ложные гвозди. Которые слишком коротки, чтобы пройти сквозь дверь.

— Ну, только не здесь — хрипло объявил Сандерс через плечо. — Эта дверь заколочена наглухо. Я сам все видел. Да. А после того, как хозяин забил ее с другой стороны, он еще забил и наружную дверь Главной башни — там, со стороны заднего двора. Понимаете, сэр? Это я вам точно говорю.

— Шлик несчастный, — бесцветным голосом сказал Фрэнсис. — Пойди, налей себе что-нибудь выпить, если хочешь. И не мути воду. Да.

Он умолк, уже спокойно разглядывая труп отца.

— Послушайте, нам нужна лупа. У него в кабинете есть. Видите ли, я почти уверен, что убийца был в тех перчатках. У них очень острые наконечники; на этом кожаном шнуре могли остаться следы... Ого!

Он наклонился и указал на пол:

— Отцовский бумажник!

Раскрытый кожаный бумажник, из которого высовывались несколько засаленных бумаг, был брошен около тела. На бумажнике были инициалы Г. С.

— Наверно, не стоит его трогать, а то полицейские поднимут шум, что мы им все как всегда испортили.

Его вымученно-веселый голос гулко звучал над каменными бледно освещенными сводами потолка.

— А не лучше ли нам... — начал Тэйлрэйни.

— Да, конечно. Расспросить Пат. Это все ужасно. Но как хорошо, что я играю в гольф.

— В гольф?

¹ Речь идет о рассказе американского писателя-романтика Эдгара По (1809—1849) «Убийство на улице Морг». (Ред.)

Фрэнсис вытер лицо и шею большим носовым платком, как полотенцем.

— На площадке для гольфа можно познакомиться с интересными людьми,— пояснил он.— Они останавливаются в отеле — помните, мы проезжали мимо? Вы слышали что-нибудь о Джоне Гонтс?

— Нет.

— Думаю, мы все скоро о нем услышим. Пойдите, сэр.

Когда они вышли из Ружейного зала, Фрэнсис снова запер дверь и положил ключ в карман. Они пересекли библиотеку и прошли в гостиную. Сэр Джордж неслышно ступал сзади, словно ручной тигр. Мэссей и Пат свернувшись клубком, в углу кожаного дивана, и ее невидящий взгляд был устремлен на сияющую люстру. Маленький ребенок, бледная кругленькая девочка в вечернем платье с испачканными и измятыми на груди кружевами. Она дышала тяжело и горько. Мэссей сидел рядом на краю дивана, поддерживая ее издох. Сэр Джордж Анструт с ружьем в руках стоял, неподвижно уставившись на Пат, и лицо его казалось очень постаревшим.

— Боже мой,— сказал он.— Это правда или ты все просто посходили с ума?

— Пойдите и посмотрите сами,— ответил Фрэнсис, устало пожимая плечами.— Господи, Пат ботинки! Как же ты испугалась! Но что там произошло?

— Со мной все в порядке, честное слово,— с трудом выговорила Пат прерывающимся голосом и заплакала.

Мэссей спокойно встал из кармана носовой платок и вытер ей лицо, потом высвободил из ее руки пустой стакан и молча сел.

— Все... все в порядке,— с усилием повторила она.— Я не маленькая. А... а он действительно?..

— Да, девочка,— сказал Фрэнсис.— Его больше нет. И ничем этому не помочь. Но расскажи нам, что же там произошло?

Она с трудом приподнялась на тонких руках и посмотрела на них мокрыми, расширившимися от ужаса глазами и пролепетала:

— Я вдруг увидела его. Я чуть не наступила на него. Это было ужасно. Там горела только одна маленькая лампочка, и я увидела его ботинки...

— Но что ты там делала, дорогая?

— Ну как, я выходила оттуда, — с тупым удивлением ответила она, как будто это все объясняло.

Фрэнсис был спокоен:

— Да, конечно. Само собой разумеется, Пат. Но я имею в виду, что ты там делала до того? Что ты делала в Ружейном зале?

Она замаялась с жалким и неуверенным видом, явно подыскивая мало-мальски убедительно звучащую ложь. Казалось, она обдумывает, не заплакать ли ей снова.

— Я просто была там, Фрэнк. Имею я право зайти туда, если мне захочется — или нет? — в ее голосе слышались истерические нотки.

— Конечно. И где же ты «просто была там»?

— Да! Просто! Просто ходила по залу!

Фрэнсис прищелкнул языком:

— Ох, послушай, Пат... В темноте? или почти в темноте? Послушай, дорогая, ты же боишься привидений. Здесь все твои друзья. Ну скажи нам.

— Я была так несправедлива к нему! — она зарыдала. — Так зла! Я дерзила ему... Я скажу! Скажу! Я стояла за печью.

Морщинка перерезала лоб Фрэнсиса. Он взглянул на сэра Джорджа, который с безучастным видом вертел в руках кий. Пододвинув кресло к дивану, Фрэнсис сел около нее и взял ее за руки.

— Ты имеешь в виду большую изразцовую печь в глубине зала?

— Не скажу.

— Но ты сказала.

— Нет! Нет! Нет! — закричала она, трясая головой, как вздорный капризный ребенок. — И вообще это тебя не касается! И я тоже испачкала руки, — непонятно к чему добавила она.

Сэр Джордж тронул Фрэнсиса за плечо:

— У нее сильное нервное потрясение, Фрэнк. Лучше на некоторое время оставить ее одну.

— Какой вы милый! — сказала Патриция и зарыдала с новой силой.

— Ну-ну, — успокаивающим тоном говорил Фрэнсис. — А скажи, ты ведь недолго находилась там?

— Нет. Недолго. Понимаешь, я должна была сначала переодеться. Потом, когда я шла через библиотеку, в

тот милый старичок сидел с закрытыми глазами у камина. Я думала, что он спит, и шла на цыпочках, чтобы не побеспокоить его... да, только чтобы не побеспокоить. Потом я зашла в зал и...

— Ты включала главное освещение?

— Ох, нет! Может быть, кто-нибудь еще... и, пожалуйста, не перебивай меня! Пожалуйста!

— Ты рассказываешь прекрасно, Пат! — Фрэнсис нежно похлопал ее по руке. — Ты бравый маленький солдатик. И что случилось потом?

— Ну, ты понимаешь, — бессвязно и торопливо продолжала она, — я просто ждала... понимаешь? Потом мне послышался какой-то шум. Какое-то движение или звук шагов: было очень плохо слышно из-за шума воды. В общем, я спряталась за печь.

— Это, вероятно, был я, — спокойно сказал Мэссей. — А что было потом, мисс Стейн?

— Ну, прошло довольно много времени — и до меня донеслись звуки разговора. Разговаривали громко — ведь иначе ничего не было бы слышно, — и потом я услышала, как хлопнула дверь.

— Это отец входил, — тихо сказал Фрэнсис. — Теперь, Пат, вспомни как следует: ты выглядывала из-за печи?

— Нет. Господи, нет! Я не хотела, чтобы они увидели... ой, не понимаю, что это я такое говорю. И в любом случае я тогда стояла уже за гобеленом. Я его придерживала руками, чтобы он не касался лица; он ужасный, грязный и, по-моему, там живут клопы, и...

И, глядя в эти испуганные широко раскрытые глаза, глядя на эти тонкие руки с голубыми венами, судорожно вцепившиеся в штанину Фрэнсиса, Тэйлрэйн отчетливо представил себе: огромный темный зал, едва освещенный одиноким желтым огоньком и полный злобных отблесков стали... гулко грохает дверь, и старик колыхается в глубину зала... и вот шаги его уже стали неразличимы в гуле водопада... и в то время, когда его дочь стоит за большим гобеленом, тетива...

Даже если он и закричал, она этого не могла услышать. Но руки в перчатках накиннули тетиву сзади и понадобилась всего минута, — две самое большее, чтобы слабые старческие легкие перестали работать.

Тэйлрэйн видел как наяву эти стальные перчатки с остриями на пальцах... Но как? Как? Убийца не мог

выйти ни через главную дверь, ни через окна, ни через заколоченную дверь, никаких потайных ходов там нет, но он и не прятался в зале¹. По мере того как ситуация становилась все более фантастической, для него и уму непостижимой.

— Может быть, ты что-нибудь видела или слышала? — спрашивает Фрэнсис.

— Там были крики — ответила Патриция, — и поэтому я вышла в то же время.

Фрэнсис покачал головой.

— Тебе лучше идти спать и лечь, дорогая, — сказал он. — Брюс тебя не оставит. И, пожалуйста, Брюс, пошлите к ней миссис Баркер. И мисс Пат.

Очевидно, она не ожидала, что допрос завершится так скоро. Патриция смотрела на брата, словно ожидая какой-то подсказки, но нехитрый ее разум подсказал ей, что произошло нечто нечеловеческое, и тогда как-то жалко и трогательно посмотрела на ее взгляд. Она извинилась за свой покрасневший нос, и слабая благодарная улыбка тронула ее губы. Когда она выходила, опираясь на руку Миссис.

Фрэнсис покачал головой, глядя ей вслед.

— Экспериментировала с косметикой, — с отсутствующим видом сказал он, — и с духами. Выглядит, как раскрашенная кукла под дождем.

Он резко повернулся к Тэйлрэйну и сэру Джорджу; последний растерянно почесывал кием за ухом.

— Знаете, я не особо проникателен, — продолжал Фрэнсис, — но Пат с рождения не была дальше, чем в десяти милях от Элбриджа; кроме одного раза, когда старик взял ее с собой в Париж. И всю неделю, что они провели в Лувре, заставлял ее неподвижно сидеть на стуле и грозился запереть ее в чулан, если она хоть шаг ступит из дома. Она страшно боится темноты и не сунулась бы в этот зал, не будь у нее чертовски важной причины для этого.

— Те гвозди в двери... — начал Тэйлрэйн.

— Почему старик заколотил ту дверь, можно понять. Точно. Главная башня — отличное место для свиданий: туда никто никогда не заходит. А он мог зайти туда через наружную дверь со стороны заднего двора, не возбуждая ничьих подозрений. Только... никто прой-

¹ Отметим, что все это так и было. (Авт.)

ти в башню не мог. Ведь старик заколотил обе двери...

— Он? — повторил сэр Джордж.

Фрэнсис стремительно обернулся. Невусный молчаливый Сандерс стоял у двери Большого зала.

— Сандерс!

— Да, сэр.

— Попроси мистера Кестелана спуститься сюда, будь добр!

Сандерс ушел. Фрэнсис кратко изложил факты сэру Джорджу. Баронет грузно опустился в кресло и безучастно стал что-то насвистывать сквозь зубы.

— Этого я и боялся, — наконец произнес он.

— Вы кого-то подозреваете? — спросил Джордж.

— Не знаю... — медленно ответил сэр Джордж. — Не знаю... Но вы же сами видите. Убийца не стал красть подлинную тетиву с арбалета, которая тут же и лнула бы, накинь он ее на шею жертвы. Он украл новую. Прочную кожаную тетиву. — Сэр Джордж задумчиво стал и развел ладони, пристально на них глядя. — Поступай, Фрэнк, а кто знал, что это была новая тетива?

— Это бесполезно. Да все в округе, насколько мне известно, — ответил тот. — Старик всем нам прожужжал о том, что я натворил в бытность свою подростком. Я имею в виду эту порванную тетиву. Он обычно рассказывал эту историю за обедом, и мы все должны были внимательно ее слушать. Черт возьми!.. Но есть еще другое...

В каком-то вдохновении Фрэнсис вспомнил о своей заветной фляге. Он вытащил ее из заднего кармана брюк и протянул сначала Тэйлорину, потом сэру Джорджу, затем сам сделал большой глоток и печально поболтал спускешью флягу.

— Да, значит. Не знаю, помните вы или нет. По дороге сюда я вам рассказывал о Дорис, что она якобы видела рыцарские латы, стоявшие посередине большой лестницы?

— Эта Дорис в центре событий, — пробормотал сэр Джордж, — но Дорис...

— Ей это не примерещилось, — сказал Фрэнсис.

— Ради всего святого! — прервал его баронет, — уж не собираешься ли ты ставить на нас психологические опыты?

— Ну, я хочу сказать... там на перилах остались от-

мстительны, знаете ли. Пять царапин. Как-будто от железных пальцев перчаток.

Фрэнсис умолк.

Сэр Джордж уставился на Фрэнсиса, потом потянул кий к глазам и, прищурившись, довольно долго смотрел вдоль него, словно прицеливаясь для удара по невидимым бильярдным шарам. Наконец он поднял следом-серый рыбий взгляд и сказал безжизненно:

— Так не пойдет, Фрэнк. Ты можешь рассказывать все, что угодно о разгуливающих по дому латах. Но вся эта история: никто не входил в зал, никто не выходил... слушай, так не пойдет. Кто-то что-то проглядел, ошибся, так ведь?

Общее молчание было красноречивей любых слов. Фрэнсис и Тэйлрэй приоткрыто смотрели на баронета, и нерешительность появилась в его взгляде. Недоверие, смятение, и все это так резко отразилось на лице сэра Джорджа, что оно покраснело еще больше и стало похоже на разъяренного дикого зверя.

В наступившей тишине было слышно лишь, как злобно и настоятельно бормочет в отдаленье водопад... Баронет с треском опустил кий на пол.

— Но этого же не может быть, черт побери! — вскричал он.

— Мне нужно наполнить флягу, — задумчиво произнес Фрэнсис. — Она совсем пустая.

Сэр Джордж рассматривал свои ладони:

— Но что же мы собираемся делать?

— Я спрашивал доктора Тэйлрэйна, он не знает, — сказал Фрэнсис, — но вы-то, наверно, помните это имя? Джон Гонт?

Снова молчание.

— Я знаю Джона Гонта очень хорошо. Но он нам не сможет помочь. Когда я в последний раз слышал о нем, он находился то ли в Персии, то ли еще где-то там... И если ты хочешь найти его, тебе придется написать на конверте: Земной шар, до востребования. Если вообще он еще не загнал себя в могилу беспробудным пьянством.

— Насчет пьянства не знаю, — сказал Фрэнсис. — Но я знаю, что сейчас он находится не в Персии, а не далее, чем в Элбридже, в отеле «Глобус», и проводит время, весьма посредственно играя в гольф с отставным пол-

эвником из Брикстона. Как вы думаете, пригласить его сюда?

— А необходимо ли это? — спросил Тэйлрэйи.

— Сэр, а что вы думаете по этому поводу?

Баронет заколебался:

— Это, конечно, мысль, — согласился он, потирая лоб. — Но он до сих пор весьма равнодушен к... ну вы понимаете. Каждый раз, когда я изредка видел его, он сидел полусонный у выходящих на Пэл Мэл окон клуба, и никто никогда не мог сказать с уверенностью, пьян он или нет. А вообще, он нечасто бывает в Англии.

Крутя в руках кий, сэр Джордж рассматривал его с видом одновременно и восхищенным и смущенным, как будто собирался сообщить нечто, противоречащее нормам этикета.

— О Гонт до сих пор ходят легенды — отрывисто сказал он. — Мне рассказывал Медбери, что однажды тот как обычно дремал в своем большом кресле у окна клуба, и вдруг вскочил, бросился к телефону и позвонил на Вайи Стрит. «Площадь Ватерлоо сейчас пересечет плотный человек в квадратных очках, на нем темное пальто и зеленая фетровая шляпа. — сообщит он инспектору. — Вам бы следовало задержать его. Скоро вы его будете разыскивать в связи с убийством». И точно, позже оказалось, что этот человек разможал жене Годхору, а труп ее нашли только через два дня. Потом, — сэр Джордж задумчиво нахмурился, — потом еще было ограбление банка Лондон — Ливерпуль, помните? Полиция арестовала Партингтона и двоих из его банды, но никак не могла найти похищенные облигации. Все розыски зашли в тупик. И тогда комиссар получил записку, написанную на табачной обертке: «В ножке кровати, чертов кретин. Гонт». И действительно, именно туда Партингтон прятал облигации. Это мне известно доподлинно: сам комиссар рассказывал.

Сэр Джордж вытащил портсигар, глубоко вздохнул и посмотрел на Фрэнсиса, который, казалось, не слушал его.

— Кажется, Сандерс, — мрачно заметил молодой человек, — не может найти нашего друга Кестевана. Извините меня. Мне бы надо заглянуть... да и еще заглянуть к Ирен. Странно, что доктор Мэнинг до сих пор не спустился. Извините, пожалуйста. Смотрите внимательно, чтобы никто не заходил в зал.

Он направился к Большому залу. Тэйлрэйни с любопытством взглянул на сэра Джорджа:

— Никогда не слышал этого имени — кто же это Гонт?

Сэр Джордж снова нахмурился:

— Джон Гонт, — медленно ответил он, — вероятно величайший криминалистический талант Англии. Джорджа бы быль... Гонт: его взлет и падение. И... было весьма эффектно.

— Он был связан со Скотланд-Ярдом?

— Ну как... Некоторым образом. Если бы он не был с ним как-то официально связан, то не было бы и такого внезапного разрыва. Правда, никто не мог определенно сказать, в чем и как именно связь заключалась. Я никогда не слышал ком...

— Вы сказали — разрыв?

— Ну, — замедленно ответил он, — ну, поймите, не хочу сказать ничего дурного. Но, во-первых, он слишком много знал. Кроме того, он о чем не говорит: ведь порок Джентльмена никогда не признается по закону, иначе он был бы просто негодяем. Во-вторых, семь-восемь лет назад Гонт был признан виновным в смерти своей жены. Полностью выбыл из колеи. Однажды помог бежать из страны женщине, явно замешанной в убийстве; потом на процессе по делу Соули устроил скандал у скамьи подсудимых; клялся, что Соули невиновен, но ему не дают возможности доказать это. Еще поднимал какой-то шум по поводу использования новейшей научной аппаратуры в Ярде — сам он, знаете ли, принадлежит к старой школе, очень старой. Во всяком случае, что бы там ни было, отношения со Скотланд-Ярдом он разорвал.

Сэр Джордж аккуратно отрезал кончик сигары. Кий со стуком упал на пол, но он не стал поднимать его.

— Как-то я встретил его на набережной. Это было сразу после его отставки. Высокий тощий малый с усами и длинными бакенбардами, похожий на портрет кабальеро. Он сказал: «Современно! Научно! Они все так чертовски современны и научны, что даже не могут разглядеть истины. Пойдемте-ка выпьем».

— И что с ним было дальше?

— Ему предлагали баснословные гонорары за работу частным сыщиком. Но Гонт сам достаточно состояте-

лен, так что он отказался. Этот малый весьма благородного происхождения: третий сын виконта Барнхассета. Занимался исследованием преступлений он еще только один раз, когда у старого Грунца — вы его знаете? Это венский коллекционер — украли Рембрандта. И то только потому, что Грунц перебежал ему Коро в случае успеха. А Гонт мечтал о Коро пятнадцать лет. Он разыскал Рембрандта в течение 48 часов и выставил всю австрийскую полицию на посмешище, так что им пришлось поспешно замять все это дело. Но в последние несколько лет, насколько мне известно, он полностью отошел от дел: путешествует по миру. — Сэр Джордж говорил тогда ропливо и несколько бессвязно, стараясь не думать о том, что лежит в Ружейском зале. Он стал более и более беспокойным.

— Послушайте, куда же все подевались? Это подозрительно. Никого вокруг...

Наступило молчание. Потом англичанин медленно поднялся на ноги и пристально посмотрел на Томаса. Инстинктивно доктор понял, о чем сейчас думает сэр Джордж.

Тревожная атмосфера сгущалась. Вокруг царил гробовая тишина, лишь раздавался издалека слабый плеск водопада; холодок ужаса заполз в душу Томаса. По каменным галереям замка должны звенеть шаги, должен быть слышен приглушенный шум голосов, должно ощущаться какое-то дыхание жизни. Все мертво — лишь бьется в камине пламя, да потрескивают дрова... Лицо сэра Джорджа приобрело нездоровый оттенок.

— Что-то случилось, — произнес он. — Что-то еще.

Его хриплый голос осекся. И вдруг где-то в здании послышались долгожданные и столь естественные звуки. Глухо хлопнула одна дверь, потом другая. И коричневую гостиную, освещенную лампами в красных абажурах и обставленную красной кожаной мебелью, наполнил гул жизни, который до сих пор был словно придушен.

Снаружи, в Большом зале, раздались медленные шаги. И неестественно прямой Фрэнсис Стейн появился в проеме двери и положил руку на косяк. Толщина стены тень падала на его лицо. Тем не менее, другой рукой Фрэнсис прикрыл глаза, словно от света.

— Джентльмены,— сказал он и судорожно глотнул воздух.— Джентльмены...

Голос сэра Джорджа стал пронзителен:

— Ну? Что случилось? Ты нашел...

— Дорис,— с трудом выговорил тот.

— Что?

Прижавшись лбом к прохладной каменной стене, Фрэнсис сказал сдавленным голосом:

— Я этого больше не вынесу... Ее нашли несколько минут назад в коридоре, ведущем на кухню. Она задушена. В руке у нее зажато жемчужное ожерелье.

НА ПОЛОВИНЕ СЛУГ

При жизни она была прелестна. Она была почти прелестна и в смерти, хотя лицо ее слегка распухло и посинело, а под глазами появились багровые круги. Для того чтобы задушить Дорис Муиндо, не потребовалось большого усилия: мужская ладонь без труда могла обхватить тонкую хрупкую шею. Дорис была мертва всего несколько минут.

Эта картина запечатлелась в уме Тэйлрэйна в каких-то необычайно резких и наводящих ужас тонах. От коридора, ведущего к гостиной, вел открытый проход к кухне и на половину слуг. Он был освещен светом из двери дома с одной стороны и светом из кухни — с другой. Она лежала, скрючившись, на плитняке; ее желтые волосы выбивались из-под кружевного чепчика. С двух сторон над ней поднимались черные влажные стены, полные звезды в высоком ночном небе.

Посмотрев за плечо сэра Джорджа, Тэйлрэйн осознал, что все двери вокруг открываются, и кто-то истошно визжит. Вуд, дворецкий, стоял в дверях своей комнаты, прикрыв глаза ладонью. Маленькая толстая женщина — вероятно, домоправительница — стояла, уставившись в стену и громко читала молитвы.

— Мэм,— сказал Вуд,— не надо. Пожалуйста, перестаньте.

И было еще нечто, потрясающее ужасом душу. Это были голоса, расппевающие гимн, и Тэйлрэйн понял, что они звучали с того мгновения, когда все выскочили из гостиной и замерли над этой маленькой безжизненной фигуркой в черном платье.

И настолько одушевленной показалась эта поднимающаяся волна звуков, что Тэйлрэйн не сразу сообразил, что это пост проигрыватель в комнате Вуда. Страстно, почти исступленно выводили чистые полные голоса:

Вперед же, воины Христа,
вперед, как на войну...

Сгорбившись, Фрэнсис стоял над трупом, и его черный силуэт отчетливо вырисовывался на фоне дверного проема.

Ведет Христос великий нас
на полчища врагов...

— Позовите доктора, — хрипло сказал Джордж Анстутер. — И выключите эту чертову штуковину, Вуд! Быключите же, вы слышите?

— Да, сэр, — онемевшими губами произнес Вуд и из трясущихся ног пошел к себе в комнату. Еще мгновение звучал торжественный светлый гимн, словно броса вызов всем темным силам, потом дико проскрежетала игла по пластинке, послышался щелчок — и наступила тишина.

Тэйлрэйн вытер лоб.

— Следы на шее видны отчетливо, — Фрэнсис опустился на колени у тела Дорис и бессознательным жестом одернул ей платье. — Они заканчиваются остриями, и вот тут еще отпечатались острые ребра металлических пальцев и квадратики кольчуги на запястье. Да. Она была задушена парой латных перчаток.

— Кто ее обнаружил? — спросил сэр Джордж.

Вуд шагнул вперед на негнущихся ногах. Резкие тени ложились острыми углами на его ярко освещенное бледное лицо, и он был похож на испуганного Мефистофеля.

— Я, сэр. Всего несколько минут назад. — Он растегнул воротник. — Я слушал проигрыватель, сэр. Он автоматический, проигрывает двенадцать пластинок подряд, а миссис Картер любит гимны, и...

— Как вы обнаружили ее?

— Было время запереть двери, сэр. Пятнадцать минут одиннадцатого. Я вышел из комнаты и... и увидел ее, сэр, — он указал на труп. — Я ее не трогал. Я понял, кто это.

— Бедняжка,— пробормотал Фрэнсис, поднимаясь.
Несколько мгновений все молчали.

— Что вы сделали потом?

— Я... я хотел найти его светлость. Сказать ему. Я вышел в Большой зал и увидел мистера Фрэнсиса, поднимающегося по лестнице. Я подумал, что, наверно, сможет лучше его светлости разобраться в этом ужасном происшествии. Но я не осмелился громко окликнуть его, так что поднялся за ним наверх, потом мы вместе спустились...

— Значит, вы не пытались,— сказал Джордж,— что его светлость убит?

У Вуда вдруг словно свело судорогой одну ногу, и он должен был схватиться за дверной косяк, чтобы не упасть.

— О господи... — выдохнул он и остекленевшими от ужаса глазами уставился на мертвое тело.

— Но сейчас не об этом,— сказал Фрэнсис.— Вуд, как давно вы находились в своей комнате?

— С тех пор, как я подал кофе, сэр. Все время. Я видел, как вы шли с сэрмом Джорджем по коридору в бильярдную и слышал ваш разговор, а потом закрыл дверь...

— Вы не выходили из комнаты?

— Нет, сэр, клянусь, нет.

— Тогда почему вы не отвечали на мой звонок из бильярдной? Я не мог вас дозваться.

Вуд прижал ко лбу ладонь. Он казался испуганным и сбитым с толку этим вопросом. «Довольно красивая голова для человека его лет»,— подумал Тэйлрэйни, пристально изучая его.

— Виноват, сэр,— сказал Вуд.— Наверно, это музыка. Я не слышал вас. Виноват, сэр.

— Когда вы в последний раз видели ее живой?

— Не помню, сэр. Сегодня вечером, наверно... Эта неприятность...

В это время в разговор вмешался резкий, настойчивый, какой-то утробный голос. Миссис Картер решительно оправила свои юбки и выступила вперед:

— Я вам все расскажу, мистер Фрэнсис. Нам всем все известно,— она указала на тело девушки.— Всякий вам скажет, что я буду последней, кто посмеет отозваться о мертвом плохо. Но она — она была скверная, злая, безнравственная девушка, мистер Фрэнсис. И я надеюсь

лишь, что милостивый
... Это заявление вы
... Это заявление вы
... Это заявление вы

— Ах, прекратите! Я
... Прекрасно, сэр.
... Прекрасно, сэр.

— Прекрасно, сэр.
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

— Когда вы ви
... Когда вы ви
... Когда вы ви

лишь, что милостивый Бог простит ее и примет ее душу.

Это заявление вызвало у Фрэнсиса внезапный всплеск раздражения.

— Ах, прекратите! Ни к чему об этом сейчас. Что же случилось? Когда вы видели ее в последний раз?

— Прекрасно, сэр. Прекрасно! Тогда вот что я вам скажу; я-то знала, что с ней происходит — мснй в таких делах не проведешь. Я рассказала все его светлости, что-бы он послал за доктором Мэннингем, верней, я рассказала мисс Патриции, и она послала за доктором. Потом я отослала Дорис наверх, в ее с Энни спалитно. Это было около половины седьмого. Доктор пришел не раньше восьми. И я оказалась права в своих предположениях, — мрачно кивая, сказала миссис Картер.

— Что потом?

— Потом доктор поговорил с его светлостью, мистер Фрэнсис. Этого разговора я не слышала. Дорис была в комнате наверху. Его светлость хотел, чтобы доктор остался отобедать, но тот не был одет; и будучи истинным джентльменом, и будучи также очень голодным, он попросил позволения перекусить что-нибудь в Трофейной комнате. У нас было вареное мясо. И мы...

— Все это неважно, — оборвал ее Фрэнсис. — Когда вы в последний раз видели Дорис?

— Это и был последний раз, разве я вам не сказала, сэр? Я велела ей оставаться в своей комнате до тех пор, пока мы не решим, как с ней поступить. Я же не могу допустить, чтобы ее порочный дурной пример заразил и других служанок. Я взяла с Энни обещание спать в другой комнате, с Нелли и Джейн, вот так.

— Конечно, — горько сказал Фрэнсис, — вы не могли подвергать Энни такой опасности. — Grimace боли искажала его лицо, он ударил кулаком о кулак. — Но послушайте, нам же надо найти подонка, который убил бедное дитя!.. Сэр Джордж, вы ведь знакомы с Джоном Гонтон?

— Да.

— Тогда помогите нам, пожалуйста. Мы не можем позволить влезать в это дело всяким дуракам. Он в отеле «Глобус», за дюнами. Пусть кто-нибудь отвезет вас туда. Притащите его любой ценой, пообещайте ему все что угодно... Если ему не нужны деньги... чем он интересу-

— Картины. Старые книги. Лошади. Да, и оружие припоминаю...

— Прекрасно! Значит так: в галерее висит Мессонье. Потом у нас есть первое издание «Лирических баллад» Кольриджа с его автографом на титульном листе. И лучшие лошади в Суффолке... Скажите ему, что он может забрать все, что ему понравится, и эту чертову коллекцию целиком, если захочет. Только привезите его сюда!

Сэр Джордж глянул на него из-под кустистых бровей:

— Слушай, Фрэнк. Это тебя расстроило больше, чем смерть отца.

Фрэнк возвысил голос:

— Кто бы ни был этот убийца, этот грязный подонок, клянусь, что увижу его на виселице, чего бы мне это ни стоило.

В гулком коридоре раздался звучный глубокий голос, похожий на голос сержанта: «Ужасно! Ужасно!» — и доктор Мэннинг, поправляя золотые очки, появился из коридора в сопровождении флегматичного Сандерса. Сэр Джордж кивнул и отошел прочь в то время, как доктор склонился над телом Дорис; когда он перевернул его, никто не осмелился взглянуть в ту сторону, кроме Фрэнсиса, который безучастно стоял с побелевшим, ничего не выражающим лицом.

Доктор выпрямился.

— Почти тот же случай, мой мальчик. Она была так же слаба, как твой отец. И в ее положении, ты понимаешь... У нее было слабое сердце. Да и шок к тому же был очень силен. Мертва минут десять, может быть, пятнадцать. Следы на горле какие-то странные.

— Латные перчатки, — сказал Фрэнсис. — Убийца носит их с собой.

— Да-а... — пробормотал доктор; нахмурившись, он протирал очки. — Да, конечно, конечно. Я уже... э-э, уже позволил себе послать в Элбридж за инспектором Тэйпом. Ваша мать героически пережила известие. Я только что ей сообщил.

Фрэнсис кивнул:

— Это очень обнадеживает, — ответил он, и случайно или намеренно в его обычно ленивом протяжном голосе появились интонации доктора: — Мы тоже позволили себе. Сэр Джордж отправился в отель «Глобус» за Джоном Гонтон.

Доктор Мэннинг надел очки, и на его полном гладко выбритом лице отразилось любопытство.

— Детектив...— сказал он,— понимаю. Но...

— Вы нам можете еще что-нибудь сообщить, доктор?

— Боюсь, что нет. Вы, конечно, заметили жемчужное ожерелье у нее в руке? Кажется, это превосходные камни.

— Да, я заметил. Камни превосходные. Это ожерелье мы выбирали все вместе для подарка Ирен на день рождения,— Фрэнсис заколебался и замолк, постукивая пальцем по губам. По коридору тихо приближался Мэссей. Секретарь взглянул на неподвижно лежащее под звездами тело и плотно сжал рот.— Послушайте, Брюс,— продолжил Фрэнсис,— взгляните-ка на эти жемчуга, если вы в состоянии. Я совершенно уверен, что они подлинные.

Незаместная дрожь прошла по тяжелому лицу Мэссея. Но он только кивнул, подошел к телу и поднял тонкую правую руку, в стиснутых пальцах которой засверкали, замерцали, переливаясь, белые камни.

— Это те самые жемчуга, сэр.

— Где они хранились?

— В одном из двух сейфов. Или в конторе, или в спальне лорда. Не знаю, в каком; он постоянно перекладывал вещи из одного сейфа в другой. Для безопасности, как он говорил... Не знаю... Во всяком случае последний раз я их видел в сейфе, что в конторе.

— Она могла открыть какой-нибудь из сейфов?

Мэссей медленно поднял на него озадаченный взгляд, он должен был опереться о пол рукой, чтобы подняться. Голос его был мрачен:

— Бог мой, да любой мог открыть их. Над обоими сейфами на стене написан шифр... Но зачем ей?..

— Мы напрасно теряем время. Я чувствую, что мы совершенно напрасно теряем время,— в отчаянии Фрэнсис постучал себя кулаком по виску.— Но, черт побери, я не представляю, что делать дальше. Вот что. Сейчас мы осмотрим сейфы. Да, еще. Отец обычно имел в пользовании большие суммы денег, так?

У Мэссея вытянулось лицо. Он вдруг рванулся назад по коридору, потом остановился в нерешительности:

— Если это ограбление, Фрэнк... если это ограбле-

нис... я не подумал... Там, в сейфе в конторе лежат деньги чекеров на предъявителя, каждый на тысячу фунтов. Я это знаю, потому что на днях списывал номера их серий.

— А наличные?

— Наличные лежат в ящике стола. Не знаю сколько, потому что ключ от ящика был у хозяина.

— Когда вы там были в последний раз?

— В конторе? Минуточку, — секретарь заморгал в отчаянной попытке справиться с мыслями. — Да, сразу после обеда. Я перенесла диктофон с диктофона, естественно, выпуская проклятия. Он все не появлялся. Так что я пошел его искать. Это было около... о, черт, не помню! До половины десятого, так. Тогда все было в порядке. По крайней мере, так мне казалось. Сейф я не проверял.

— Послушайте, — Фрэнсис резко отнял руку от глаз. — Он бредит этим делом весь день. Оно что, очень важное? То есть?

Мэссей замаялся. Той ночью почему-то вспомнилась круглое лицо желтого человечка, спокойно и неустанно шагающего вокруг циферблата немецких часов в библиотеке.

— Я еще не стер запись с диктофона, — сказал секретарь. — Но осмелюсь сравнить ее с грандиозным скандалом. Вы можете сами прослушать эту запись. Я имею в виду... черт, — он безнадежно всхлинул руками.

К их удивлению заговорил доктор Мэннинг:

— Его светлость был странный человек, мой мальчик. Очень странный. И ты это знаешь, как никто другой. И он позволял себе некоторые... капризы. К несчастью, — с громким щелчком закрыв саквояж, он направился к дому. — И позвольте заметить: этот коридор едва ли самое подходящее место для бесед, не так ли?

— Вы правы. Давайте пройдем в библиотеку. Думаю, не стоит трогать... трогать ее до прихода полиции. Вуд!

— Да, сэр.

— Вы не возражаете против проведения небольшого следствия? Хоть лакеи и не ночуют в доме, все-таки кто-то из них мог заметить что-нибудь. Порасспрашивайте их. Если обнаружится что-нибудь новое — мы будем в библиотеке.

К Вуду постепенно
иной было пригл
взяла. почувствовав

— Очень хорошо, с
Кроме Сандерса. Он?

— Я передаю мистеру
го на ночь, — сообщив
обращаясь ни к кому
с тем пор, как здесь сл
ме... сэр, я помолчу об
этом.

— Ты чертовски н
Пройдем-ка с нами в б

— Да, сэр. Я здесь.

— Будьте любезны
райтесь не пугать их.
ют, и затем пройдите
рида?

Мэссей Картер и
очень похожий на
вадропул — ему пом
витают над этим мес

— Миссис Баунд
ница. — Так она глу
что она спокойно пр
шу у нее.

Фрэнсис осмотрел
— Все здесь, —

Ах, да, Пат. Где вы
— В ее комнате.
маленькая. — Она с
сочувствия. —

не хотела
меня, ч
ей дат
—
своей
те, су
Где к
да

К Вуду постепенно возвращалось самообладание. Он начал было приглаживать седеющие волосы, но остановился, почувствовав некоторую неуместность этого жеста.

— Очень хорошо, сэр... Они все, конечно, уже спят. Кроме Сандерса. Он?..

Сандерс даже не моргнул:

— Я подаю мистеру Фрэнсису стаканчик спиртного на ночь,— сообщил он бесстрастным голосом, не обращая ни к кому в отдельности.— Каждый вечер с тех пор, как здесь служу. Но я ничего не знаю кроме... сэр, я помолчу об этом. Скажу что, во всяком случае.

— Ты чертовски наблюдательный человек, Сандерс. Пройдем-ка с нами в библиотеку. Миссис Картер?

— Да, сэр. Я здесь. Слушаю вас.

— Будьте любезны, поднимите с себя шок и попытайтесь не пугать их. Выясните у них, что они видят, и затем пройдите в библиотеку. А что пока-риха?

Миссис Картер издала резкий блестящий смехок, очень похожий на смехок лорда Бэли. Тимарийн вздрогнул — ему померещилось, что призрак покойного витает над этим местом смерти.

— Миссис Баундер, да? — уточнила докторша-гостьница.— Так она глуха как немь. Даю руку на отсечение, что она спокойно преспала все эти события. Но я спрошу у нее.

Фрэнсис осмотрел всех.

— Все здесь,— нахмурившись, сказал он,— кроме... Ах, да, Пат. Где вы оставили ее, Брюс?

— В ее комнате. Я посидел с ней,— Миссис сказала замаялся.— Она сказала, что не хочет никакого женского сочувствия и утешения. Она не хотела... я хочу сказать, не хотела беспокоить миссис Картер. Сандерс вызвал меня, чтобы сообщить об этом. Но Пат еще не знает. Я ей дал снотворного.

— Значит, мы все собрались. Ирен находится в своей комнате и...— Фрэнсис присвистнул,— послушайте, одного здесь нет. Где же наша танцующая прелесть? Где Кестеван? Кто-нибудь видел его?

— Я ходил за ним, как вы велели,— доложил Сандерс.— Он сидел в сверкающем халате всех цветов радуги, знаете, такая китайская штучка с широкими рукава-

— что-то писал. Он сказал, что должен переодеться и
спустится. Просту прощения, сэр, но по-моему
как раз он идет.

Боковым зрением Тэйлрэйни уже некоторое время
замечал, что кто-то стоит в тени подальше и, вытя-
нув шею, пытается что-то разглядеть поверх их плечей
и в просветах между локтей. После спокойной реплики
Сандерса на свет выступил Кестеван. Его бледное ита-
льянское лицо было бесстрастно — лишь слегка вздрагива-
ли куныки носа. Казалось, он тяжело дышал. Его опу-
щенные руки были плотно прижаты к телу.

— Я здесь, — сказал он довольно резко. — Вы хотите,
чтоб я подошел поближе?

— Она вас не тронет, — сказал Фрэнсис. — Подойди-
те-ка, взгляните на нее. Вы ее видели раньше?

— Сейчас, — с достоинством ответил Кестеван. Его
великолепно начищенные ботинки казались черными
зеркалами на фоне желтой цинковой. Он осторожно, буд-
то прижимаясь к ночному воздуху, высунул голову в
коридор — Конечно, я ее видел. Действительно красивая
девушка. Я ее видел. Сейчас подумаю, когда... сегодня
вечером.

— Где? В какое время?

— У нее красивые ноги, — с отсутствующим видом
сказал Кестеван. — Немного похожа на мою партнершу.

— Когда вы ее видели?

— Сегодня вечером. После обеда, когда поднялся
к себе... Она зашла... Да, очень похожа на мою парт-
нершу... Она зашла в комнату Ирен... в комнату леди
Рейли.

Наступило молчание. Кестеван отошел подальше от
тела.

— В комнату леди Рейли, — повторил Фрэн-
сис. — Странно, не правда ли? То есть, доктор Мэппинг,
разве вы не сидели там с Ирен весь вечер? Вы видели,
как туда заходила Дорис?

Доктор поджал губы:

— Я был там, конечно. Почти весь вечер. Но, вы
знаете сами, я спускался осматривать нашего отца. Да.
И перед этим, припоминаю, тоже выходил на минутку.
Из-за машины. Мне вдруг показалось, что я оставил
мотор включенным. Но я не был в этом уверен, так
что мне не хотелось зря беспокоить слуг. Я спустился
вниз проверить машину, оказалось, что все в поряд-

е мотор был по-прежнему
заставлен. Не могу сказать, что
был.

— Когда вы спускались
— Э-э, — склонив голову,
могу сказать точно, мой
отец. Может быть чуть
— Когда вы видели

Кестевану.

— Видел?.. А, эту деву-
шку? — переспросил К-
эстеван. — обратил внимание на т-
елло и сразу поднялся
ружье, — гордо и смущен-
но в каком-то необъ-
яснимом жанре. —
тогда это было, не знаю.

Сандерс переступил

— Извините, сэр, —
ния. Но боюсь, он гово-
рил совсем правду.

У Кестевана пресека-
замерли.

— Я хочу сказа-
дере, — может быть, с-
разу пошел наверх.
дний двор, к двери Гл-

На мгновение по-
на голове Кестевана, и
выражало. Все молча

— Ты, — сказал он
рожей, приятель, не
узнали.

Его голос да-
вал желтую цин-

— А это
хотели. Я

— Поз-
тор Мэппинг
се послы-

дем устрои-
т уже стои-
— Да, по-
все

ке, мотор выключен... Вероятно, тогда бедняжка и заходила. Не могу сказать точно. Во всяком случае, я ее не видел.

— Когда вы спускались к машине, доктор Мэннинг?

— Э-э,— склонив голову набок, задумался тот.— Не могу сказать точно, мой мальчик. Около половины десятого. Может быть чуть раньше или позже.

— Когда вы видели Дорис? — обратился Фрэнсис к Кестевану.

— Видел?.. А, эту девушку, что похожа на мою партнершу? — переспросил Кестеван.— Не знаю. Никогда не обращаю внимания на такие вещи. Я оставил вас в гостиной и сразу поднялся наверх. Написать письмо тетушке,— гордо и смущенно пояснил он, словно признаваясь в каком-то необычайном достижении в области эпистолярного жанра.— Значит, я поднялся наверх, а когда это было, не знаю.

Сандерс переступил с ноги на ногу.

— Извините, сэр,— вмешался он,— я прошу прощения. Но боюсь, он говорит неправду. Во всяком случае, не совсем правду.

У Кестевана пресеклось дыхание, и его нервные руки замерли.

— Я хочу сказать,— спокойно продолжал Сандерс,— может быть, он и видел Дорис, но позже. Он не сразу пошел наверх. Мистер Кестеван выходил на задний двор, к двери Главной башни.

На мгновение показалось, что волосы встали дыбом на голове Кестевана, но лицо его по-прежнему ничего не выражало. Все молча смотрели на него.

— Ты,— сказал он,— ты... Это грязная ложь. Поосторожней, приятель, не то я позабочусь о том, чтобы тебя уволили.

Его голос дрогнул. Сандерс внимательно рассматривал желтую циновку под ногами:

— А это, сэр, решать мистеру Фрэнсису. Но вы выходили. Я вас видел.

— Позвольте внести предложение,— вмешался доктор Мэннинг. В его звучном хорошо поставленном голосе слышались раздраженные нотки.— Давайте не будем устраивать разборательства на половине слуг. Мы тут уже стоим...

— Да, пойдёмте,— сказал Фрэнсис.

Все молча двинулись из коридора, по которому гулял

мощный ветер, из этого сырого колодца, на дне которого лежало тело Дорис. Тэйлрэйн обернулся. Маленькие темные глазки миссис Картер, казалось, все еще подбрасывают крохи увиденного. Неподвижный силуэт Вудос — вырисовывался в светлом проеме двери. У Тэйлрэйна возникло странное ощущение, что подобную картину он уже видел прежде...

Но когда он обернулся еще раз, Вуд уже выходил из комнаты с красным покрывалом в руках, чтобы накрыть им обтянутое тело Дорис.

ПОЯВЛЕНИЕ ДЖОНА ГОНТА

Когда все вышли в Большой зал, Фрэнсис резко обернулся к Кестевану.

— Знаете ли — заметил он как-будто лениво, — я имею веские основания верить Сандерсу. Брюс понимает, о чем я говорю, и доктор Тэйлрэйн — тоже.

У Кестевана вздрогнули крылья носа. Он подался вперед и заговорил со сдержанной яростью:

— Вы меня не любите, Стейп. Вы постоянно смеетесь надо мной и думаете, я этого не понимаю. Так нет же, я прекрасно понимаю все эти высокомерные издевочки. И я вас тоже не люблю. С вашей заносчивостью. А если вы не верите моему слову, можете убираться к черту. Ясно?

— Человечек, — сказал Фрэнсис почти нежно, — в другое время я бы с удовольствием расквасил вам физиономию. Впрочем, и сейчас вполне могу это сделать, знаете ли... Что будет весьма трагично.

Он лениво чиркнул спичкой и закурил. Какая-то бледная ярость осветила лицо Кестевана; он хотел что-то сказать, но не нашелся.

— Но вот что я вам скажу, — серьезно продолжал Фрэнсис, — мы, конечно, сообщим полиции о том, что Пат находилась в том зале. Но об остальном мы промолчим. Она зашла туда просто посмотреть на коллекцию — и ничего больше... И вы не выходили к Главной башне и не обнаруживали заколоченную дверь с улицы, как она обнаружила ее в зале. Считайте, что мы вам поверили: Сандерс болтает небывлицы. Но при первом же удобном случае вы уберетесь отсюда.

— Неужели? — осведомился Кестеван. — Неужели? Кстати, если вам неизвестно, хочу сообщить, что я — гость вашей матери. Меня пригласила она. А леди Рейли — важная персона в этом доме, и все ее желания исполняются беспрекословно. Понятно?

— Успокойтесь, Фрэнк, — Морсей положил руку на плечо Фрэнкису.

— Ладно, — Фрэнсис глубоко затанулся. — Кестеван, мы поднимаемся вверх. Ваше присутствие среди нас необязательно. И все-таки, Кестеван, вы отсюда уйдете. И на большой скорости. В противном случае вы с месяц будете не в состоянии предстать в своем софитов. Это вам ясно? Пойдемте, джентльмены.

Четверо — Фрэнсис, Той-дэйн, Морсей и Мэвинг — в молчаливой процессии через Большой зал и поднялись по покрытой толстым ковром лестнице.

— Не знаю, поняли ли вы это, — задумчиво говорил Фрэнсис, — этот человек принадлежит к типу людей, который мне омерзителен. Нет, не потому, что он хорошенький — в этом его трудно винить. Я не понимаю за то, что он одновременно и хорошенек, и безразг- лый — как женщина. Впрочем, может быть и в этом его винить нельзя... Бог знает. Давайте сейчас заглянем в контору.

На стенах длинной портретной галереи висели свечи; потемневшие краски картин были сдержанно- роскошны и благородны. Фрэнсис указал на сте- ны:

— Пожалуйста. Ужасный ред. Вот тот длинный логич- ский субъект в плетеном воротнике — Чарльз Стейн. Был ог- рублен головой за государственную измену... А рядом в красной мантии — вот тот, с протиснутыми пальца- ми — судья Хэмфри Стейн. Также был убит за государ- ственной измене и приговорен к казни; между прочим, своим же товарищем по службе. Какой-то душевный не- дуг тяготеет над всеми в этом роду. Не исключая и Мос- го старика. И очень часто, — он судорожно провел ла- донью по измученному лицу, словно желая убедиться, что оно — его собственное, — очень часто мне кажется, что я тоже ненормален. Я никогда не представлял себе, что к чему-нибудь на свете можно относиться серьезно; даже к спорту. Но знаете, когда я сейчас разговаривал там внизу с этим ничтожеством — к слову, совершенно безвредным, — у меня возникло сильное желание швыр-

нуть его на пол и потоптать ногами. Плохо. Мне это не нравится.

— Ну-ну, мой мальчик, — прервал его доктор Мэннинг со свойственной ему благожелательностью и добродушием, — просто все, что произошло здесь — это уже слишком... — Он улыбнулся, почувствовав себя наконец-то в своей стихии. — Ты не должен позволять себе распускаться сейчас. Тебе нужно выпить что-нибудь

— Англия, моя Англия, — возвел руки Фрэнсис, — единственное, что может подвести здесь — это климат; единственное, что может исцелить — это виски. Знаю, знаю. Сюда, джентльмены... Это так называемая «контора». Будьте любезны, включите свет, Брюс..

Вскликнул свет, и они, шурясь, встали как вкопанные.

— Кто-то был здесь, это очевидно, — наконец нарушил молчание Мэссей. — И в большой спешке.

Это была маленькая комната с двумя окнами, в ней находился тусклый стальной шкаф для хранения документов, лампа в зеленом абажуре висела над столом, где стояла еще раскрытая пишущая машинка, рядом с ней на подставке стоял диктофон в футляре, и лежали пластинки. На столе были аккуратно сложены в стопку какие-то бумаги. Но порядок оставался лишь в этой части комнаты.

На полу в осколках стекла лежала сорванная со стены картина, которая прежде загораживала вделанный в стену сейф, сейчас его дверца была полуоткрыта, а вокруг него валялись какие-то бумаги. Вращающийся стул был опрокинут, возле книжного шкафа была разбросана папка брошюр, похожих на каталоги по садоводству. Посередине комнаты на полу лежал раскрытый бархатный футляр с белой атласной подкладкой.

— Здесь лежали жемчуга, — сказал Мэссей, поднимая футляр. — Не знаю, можно ли тут трогать что-нибудь, но мы должны заглянуть в сейф.

— Подождите! — остановил его Фрэнсис. — Не при- трагивайтесь к сейфу. Они всегда поднимают шум из-за отпечатков пальцев, хотя я ни разу не слышал, чтобы они их находили — а вы? Все равно, осторожнее. Возьмите мой носовой платок.

Мэссей медленно отворил стальную дверь, и доктор Мэннинг, поправляя очки, подошел поближе.

— Здесь на стене написаны три или четыре комби-

...инфр — скажи
...и что там
— Пусто, — ответил
...кулаком о стену
...изверчно, меня
...только эти прокля
...в спальне... Я шест
...с этим справлял
...найти себе место

Тэйлорин заглянул
...резинки
...переплете, н
...было написа
...серебряная вазоч
— Память о поко
...книги, — ст
сти...

— Встал они ла
на один выдвижной
хранил наличные?

Мэссей также
стола, там вверх д
робочка.

— Тот, кто эт
вался ключами хо
почке для часов.

Фрэнсис все
на одном предмет
диктофон, сняв с
фона висела гибк
конце и кнопкой
мофонной пла
цилиндр. Су
пластинке.

Внезап
— П
диктофо
чем по
треско
дверь
голос
ко в б
эта п

нации цифр,— сказал доктор,— и последняя — достаточно отчетливо. И что там внутри?

— Пусто,— ответил Мэссей и в холодном бешенстве ударил кулаком о стену.— Ну, мне и достанется за это. Бог мой, наверно, меня обвинят во всем происшедшем. Если только эти проклятые чеки не лежат в другом сейфе, в спальне... Я шесть лет вел его дела и, думаю, неплохо с этим справлялся, а после всего этого никогда не сумею найти себе место в пределах Англии. Посмотрите сюда.

Тэйлройн заглянул внутрь. Там лежали несколько перевязанных резинкой пачек бумаг; пыльная книга в кожаном переплете, на котором золотыми выгнутыми буквами было написано «Стихи Теннисона»; еще там была серебряная вазочка с сахаром. И больше ничего.

— Память о покойной леди Рейли,— Мэссей дотронулся до книги,— странный приступ сентиментальности...

— В стол они лазили тоже,— Фрэнсис тупо смотрел на один выдвижной ящик.— Вон ключ торчит. Он здесь хранил наличные?

Мэссей также с помощью платка выдвинул ящик стола; там вверх дном лежала пустая лакированная коробочка.

— Тот, кто это сделал,— сказал секретарь,— пользовался ключами хозяина. Они всегда висели у него на цепочке для часов.

Фрэнсис все никак не мог сосредоточить внимание на одном предмете. Теперь он так же тупо рассматривал диктофон, сняв с него крышку. На крючке с боку диктофона висела гибкая трубка со стеклянным раструбом на конце и кнопкой включения. Под указателем на граммофонной пластинке на вращающемся валике был надет цилиндр. Судя по тонким, едва заметным бороздкам на пластинке, она была записана полностью.

Внезапно Фрэнсис сказал:

— Писатели сочиняют много какой-то чепухи о диктофонах. А ведь голос из него слышен не громче, чем по телефону и к тому же заглушается страшным треском. В общем, довольно трудно различим и, стоя за дверью, никогда нельзя спутать запись на диктофоне с голосом живого человека. Эти штучки допустимы только в беллетристике... Давайте посмотрим. Как работает эта штука?

— Вы говорите в рупор, — объяснил секретарь, — и держите при этом вот эту кнопку нажатой. Когда вы ее отпустите, запись прекращается. Если вы хотите ее приостановить, вы переводите вот этот указатель над пластинкой назад — и из рупора раздается гелос. Я обычно пользуюсь наушниками.

Фрэнсис снял трубку с крючка и нажал кнопку у основания диктофона. Раздалось гудение, и цилиндр начал работать со слабым жужжанием. Снова щелчок — он нажал кнопку включения, и из рупора раздался произвольный дребезжащий голос, который показался отшумевшим в этой тихой комнате:

— Мэссей, мой дорогой проклятый, возьми документы и собери все, что я скажу. Ха! Слушай меня. Слушай. Это моему поверенному. Так, — пауза, в течение которой слышится лишь жужжание цилиндра. — Прованс, все прощай к дьяволу растреплетому! Я не могу найти адрес! Ты его знаешь. Должен знать. Симпсон и Симпсон. Пами Курт. Иннер Темпл, ты слышал?

— Он всегда так, — вставил Мэссей, — в основном, чтобы выговориться. Он понимал, что мне все придется прослушивать.

— Пами Курт, Иннер Темпл, — дребезжащий голос поднялся до фальцета и звучал агрессивно и оскорбленно. — Джентльмены! Нет. Нет. Ха! Всегда делаю эту ошибку. Я не стану называть этого проклятого старого кретина джентльменом, ты слышишь? Вычеркни это. Пиши просто «сэры». Это тоже для них слишком вежливо, но как еще, черт побери, я могу к ним обратиться?! Значит, «сэры». Готово? В... А это еще что за слово? Мэссей, уточни его. В — что-то такое — четвертую последнюю редакцию моего завещания я хочу внести некоторые изменения. О да! И позвольте заметить вам, которые изменения. О да! И позвольте заметить вам, сэры, — это я вам, Хартли Симпсон, слышите? — позвольте вам заметить, что портвейн, которым меня угощали в вашем доме прошлым августом, и свиньи пить не станут. Так, значит, некоторые изменения. Я желаю, чтобы вы вычеркнули оттуда пункт о завещательном отъезде недвижимости. Сделайте это во что бы то ни стало. Это касается чертова идиота, доктора Горация Мэннинга. Гораций, прямо как в Гамлете...

— Ох, послушайте... — произнес доктор Мэннинг.

...он не могу найти...
...он затем. — Кто-то...
...вычеркни! Так, на...
...детскую клинику...
...Я обещаю ему...
...передать ему...
...поганого полнения...
...вам это неинтер...
...Датские кораб...
...Во всяком слу...
...Вот ч...
...завещается...
...Леди Рей...
...Пока я жи...
...Хартли, и ради...
...более прилич...
...с глубоким уважением...
...подготовить это письмо...
...Проследи, чтобы я отп...
...Фрэнсис отпустил...
...цилиндр продолжал еще...
...Доктор Мэннинг...
...ялся.

— Кажется, я тол...
...что твой отец был ст...
...записывал людей в за...
...неделей позже. Наве...
...Мэссей...
...Да...
...вертой...
...цати...
...та р...
...роу

Ра...
...с...
...и...
...знак

Снова пауза, заполненная лишь жужжанием диктофона.

— Никак не могу найти проклятый сахар! — провозгласил он затем. — Кто-то постоянно прячет его как раз тогда, когда я хочу съесть неско... Мэссей, дурак, это не пиши, вычеркни! Так, на чем я остановился? Да. На Гамлете. Сэр, Гораций Мэннинг хочет построить какую-то детскую клинику для разведения микробов или что-то вроде. Я обещал ему пятнадцать тысяч. Вот, теперь можете передать ему от меня, что он не получит ни единого поганого полпенни. Человек, который так расшифровывает надписи на корпусах датских кораблей... Нет-нет, вам это неинтересно, Хартли, что вы в этом понимаете? Датские корабли в Гам... Чужая какая-то. Я не об этом. Во всяком случае, он не получит ни единого поганого полпенни. Вот что я хотел вам сообщить. Все вместо этого завещается моей жене, как и остальная часть поместья. Леди Рейли хочет заняться производством фильмов. Пока я жив, этого не будет, но деньги я ей оставляю, Хартли, и ради бога, впредь потешайте гостей портвейном, более приличный, чем мне... За сим остаюсь с глубоким уважением ваш и так далее. Так. Не забудь подготовить это письмо к завтрашнему дню. Не забудь! Проследи, чтобы я отправил его...

Фрэнсис отпустил кнопку, и голос смолк, хотя цилиндр продолжал еще жужжать.

Доктор Мэннинг принужденно улыбнулся и откашлялся.

— Кажется, я только что говорил, дорогой Фрэнк, что твой отец был странный человек. Он все время то вписывал людей в завещание, то вычеркивал их оттуда неделей позже. Наверно, вы это можете подтвердить, мистер Мэссей?

— Да, — устало ответил тот. — Он говорит там о четвертой редакции завещания. А их было больше пятнадцати. У меня были большие трудности с переводом, хотя рейльский диалект я научился понимать очень хорошо.

Фрэнсис выключил аппарат.

— Послушайте. Эта штука наводит на интересные размышления. Может ли эта запись являться юридически правомерным свидетельством? Это явно его голос, и, теоретически, Брюс тоже является свидетелем... Не знаю, вряд ли, конечно, но все-таки интересно. Гм.

Наступило напряженное молчание. Никто не знал, что сказать. Лицо доктора Мэннинга становилось все более и более холодным.

— Другой сейф находится в спальне, вы знаете, — сказал Фрэнсис. — Надо бы посмотреть и его. Все так же молча они пошли по слабо освещенным помещениям.

— Его комнаты — спальня и гардеробная, как и комнаты леди Рейли, расположены одна за другой с той стороны дома. Между прочим, не ожидайте увидеть там что-нибудь, кроме кошмарного беспорядка. Он жил в чем-то вроде свинарника; как-то пытался работать там, и от этого беспорядок стал еще больше. Он делал заметки для книги, которую все грозился написать — по истории оружия, и все бумаги раскиданы по комнате. Осторожно, здесь ступенька. А это открытая галерея.

Через дверной проем в виде арки они вышли на прохладный ночной воздух. Сюда на прогаженную галерею выходили четыре комнаты — в каждой окно и дверь; внизу простирался внутренний, или задний, двор замка.

Луна стояла уже высоко и заливала голубоватым сиянием четырехугольник просторного двора. Они увидели четко вырисовывающиеся на темном небе зубчатые стены, тяжеловесные очертания главной башни и легкие готические шпильки небольшой часовни, возведенной у задней стены замка. Вверху красным и голубым сияли в темноте освещенные окна Большого зала. Освещенный двумя тусклыми лампочками длинный переход с квадратными сводами вел мимо окон и дверей спален. Прямо под ним была такая же крытая аркада.

— Это самая неуютная часть замка, — пояснил Мэс-сей Тэйлрэйну. — Ее чертовски трудно отапливать. Но он оченх хотел, чтобы его комнаты и комнаты леди Рейли находились здесь. Что случилось?

Тэйлрэйн перегнулся через каменные перила и внимательно посмотрел вниз; потом, вытянув шею, он пешток на фоне лунного неба.

— Та дверь в главную башню... — сказал он, — та, что забита, где она? Я вижу ведущую к часовне крытую аркаду внизу; туда, кажется, тоже выходят какие-то комнаты? Но где же дверь?

— Это тоже спальни. Ими не пользуются: слишком

сырыс. А дверь в главную башню находится в самом конце галереи. Кестеван...

Черепица на крышах серебрилась в лунных лучах, хотя туман уже поднимался. Грохот водопада казался громче и резче в ночном безмолвии. Фрэнсис, опершись рукой о столб арки, посмотрел на густой лес печных труб на изломанных скатах крыши.

— Вот что, — рассеянно пробормотал молодой человек. — Кестеван сказал, что он видел, как Дорис выходила из комнаты Ирен... Интересно, что это он шнырял тут по этим сквознякам? Неужели предавался созерцанию красот Боустринга в лунном освещении? Что-то сомнительно...

Он встряхнул головой и последовал за остальными. В одном окне горел свет, и Мэссей сказал:

— Это комната леди Рейли. А вот мы и пришли.

— А куда выходят окна спальни с той стороны? — поинтересовался Тэйлрэйн. — Там что, глухая стена?

Фрэнсис нахмурился:

— А, это! Там Ружейный зал за ними. Туда выходят те ложные окна. И...

— Можно ли предположить, что убийца скрылся через них? — спросил доктор Мэннинг.

— Нет, — ответил Фрэнсис. — Мы их осматривали. Все равно, нужно проверить запоры, конечно. Брюс, дверь открыта?

Из спальни раздался приглушенный голос Мэссея:

— Открыта, — он на что-то пнатнулся в темноте, — тут другое. Он не хотел проводить электричество ни в свою спальню, ни в гардеробную... Подождите, сейчас я зажгу спичку...

Замерцал огонек, потом еще один и еще — Мэссей зажигал свечи. «Побывали грабители в этой комнате или нет, определить невозможно», — решил Тэйлрэйн. В этом довольно большом помещении с высоким потолком, освещенном тусклыми язычками свечей, царил ужасающий беспорядок. Постель не была застелена, и белье на ней, похоже, давно не менялось. Письменный столик был заляпан чернилами и свечным салом; и стол — ей пронесся ураган сокрушительной силы. Дверь стенопризрачно маячила с полдюжины мрачных белых балдахонов. Тускло мерцало мозаичное окно.

— Смотрите-ка, — сказал Мэссей, — электрический фонарик. Никогда не видел, чтобы он пользовался чем-нибудь таким. Но это лучше, чем свечи. Сейф находится там, за гобеленом у кровати.

Длинный белый луч фонарика заплясал по комнате. Приближаясь к гобелену, Мэссей споткнулся о несколько пар туфель и нижнюю рубашку из красной шерсти. Он приподнял гобелен, и они заглянули за него. Вделанный в стену сейф, такой же, как и в конторе, был закрыт, но не заперт. Внутри его ничего не было, кроме высохшей бутылки чернил, нескольких когда-то ярких птичьих перьев для письма и китайской вазочки с сахаром.

Индивидуальность вздорного маленького пэра ощущалась в этой комнате столь же отчетливо, как и влажный затхлый воздух. Он незримо присутствовал во всем; дотронуться до любого предмета в этих стенах было все равно, что дотронуться до одного из его засаленных монашеских балахонов.

Мэссей закрыл сейф.

— Я еще мог содержать в чистоте контору, — сказал он извиняющимся тоном, — но сюда не осмеливалась заходить ни одна служанка. Он запрещал. Так... что дальше?

Мэссей выжидательно посмотрел на Фрэнсиса.

— Дайте-ка мне фонарик, Брюс, — попросил Фрэнсис. — Давайте осмотрим эти окна. Нет, бесполезно. Заперты.

Это были тяжелые медные запоры, которые заворачивались наглухо, как запоры на иллюминаторах корабля. Для того чтобы открыть их, требовалось значительное усилие.

— Теперь в других комнатах, — сказал Фрэнсис. — Сначала пройдем в гардеробную, а потом заглянем к Ирен.

Окно в гардеробной было тоже плотно закрыто. Фрэнсис отряхнул пыль с ладоней и, положив фонарик в карман, выругался.

Когда они постучали в комнату леди Рейли, там некоторое время было очень тихо. Потом мелодичный, хотя чуть резкий и звенящий голос пригласил их войти.

Эта комната находилась в таком контрасте с предыдущей, что Тэйлрэйи растерянно заморгали. Если лорд

Рейли был медиевистом¹, то вопроса о том, привержен-
кой какой эпохи является его жена, возникнуть не мог-
ло. Архитекторы здесь постарались блеснуть мастерст-
вом: стены украшал геометрический орнамент из свер-
кающих тонких линий и углов; бледные белые лампы
отражались в зеркалах; в конструкциях стульев и кресел
было такое обилие коленчатых серебряных трубок и ше-
стеренок, что, казалось, они были спроектированы стра-
дающим косоглазием водопроводчиком. Прямо- и ост-
роугольные диванные подушки были, похоже, задуманы
кем-то, кто не был знаком с анатомией человеческого
тела.

Леди Рейли сидела на одном из этих кресел под
плавно раскачивающейся лампой. Около нее лежала ма-
ленькая собачонка, а на столе рядом лежала коробка шо-
коладных конфет и с полдюжины французских романов,
в названии каждого из которых было слово «l'amour».
Сухому чопорному Тэйлрэйну все это показалось про-
явлением откровенно дурного вкуса, даже без малейшей
возможности казаться забавным.

Но леди Рейли не была ни безвкусной, ни забавной.
Эти декорации вокруг нее сияли, как сияло бы презмер-
ное обилие краски на прекрасном лице. А сама она была
прекрасна: зачесанные на уши бледно-рыжие волосы и
густые рыжеватые брови над дымчатыми жемчужно-зелены-
ми глазами. У нее было тяжеловатое бледное лицо,
сильная шея и сильные ухоженные руки. Едва заметная
улыбка скользнула по ее губам.

— Добрый вечер, джентльмены.

При звуке этого очаровательного, довольно низкого
голоса сразу стали очевидными две вещи: первое, что
она искренне ненавидит своего пасынка, и второе, что в
ней нет и намека на женское качество, называемое сума-
сбродством. И еще можно было предположить, что не-
когда она пела в оперетте.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — неожиданно
сказала она. — Вас удивляет, что я не изображаю горя по
поводу смерти мужа. Будем откровенны. Мы не испы-
тывали особой привязанности друг к другу. И пред-
роны. Я ненавижу лицемерие. В наше время с ним прак-
тически покончено.

¹ Историк, изучающий средние века. (Ред.)

— Извини, Ирси,— дружелюбно сказал Фрэнсис.— ты отняла у нас удовольствие посочувствовать тебе. Доктор Гэйлрэйн, это моя мате́ха.

Она почти рассмеялась:

— Конечно. Я вас знаю. Сэр Джордж Анструтер часто говорил о вас. Вы — насколько я помню — автор нескольких довольно скучных книг о романах викторианской эпохи. Терпеть не могу подобные писания.— Она перевела взгляд из эlegantный книжный шкаф, в глубине которого особенно сверкали красные корешки книг, потом потренировала по голове маленькую мерзкую собачонку — и та залаяла с довольно злобным видом.— Это несогласие. Сейчас нужна правда; правда — сила, смелость. Но, что я называю телом. Вы понимаете?

— Да, кажется, и слышал где-то именно такое определение,— задумчиво ответил Гэйлрэйн. Он знал, что между ними не может быть понимания.

— Вы не согласны со мной? — довольно резко спросила она.

Фрэнсис осел на стул:

— Послушай, Ирси. Мы пришли сюда как раз, чтобы обсудить эту тему. Тело, во всяком случае. Тело Дорис Мундо.

— Ох,— она ущипнула собачонку за шею.— И что Дорис?

— Она была здесь сегодня вечером?

— Да.

— И что?

— Она всегда была мне довольно симпатична,— ответила леди Рейли таким тоном, будто торговалась с продавцом, категорически не соглашаясь с его ценой.— Но она дурочка. И так ей и надо.

— Тебе не кажется, что это слишком жестоко по отношению к девушке? Почему ты так говоришь?

— Меня не волнуют проблемы нравственности,— сказала леди Рейли; китайская собачонка заворчала и гавкнула гадким голосом.— Но девушка, которая позволяет себе забеременеть,— просто дурочка. Я не позволю таким. Как вы понимаете, я говорю совершенно искренне. Почему бы нет?

Фрэнсис мягко присвистнул сквозь зубы:

— Ладно, пусть тебя и дальше не волнуют. Она уже ушла. Я имею в виду, умерла. Была задушена полчаса назад.

Он медленно встал со стула.

Леди Рейли, не вздрогнув, устремила на Фрэнсиса неподвижные дымчатые глаза. Прямой и тяжелый взгляд. Наконец она осведомилась:

— Это что, шутка? — и протянула руку, чтоб снова погладить собаку.

— Нет.

— Сожалею. Искренне сожалею.

— Она долго находилась здесь сегодня вечером?

— Нет. Недолго. Она просила меня заступиться за нее перед мужем. Сочувствую, сказала я, но это невозможно.

— Так... Когда это было?

— Когда доктор Мэннинг спустился вниз к своей машине. Она не хотела с ним встречаться еще раз. Мне пришлось ей сказать, что меня не особо трогают ее слезы. Слезы — это старомодно.

Фрэнсис кивнул.

— Кстати, — как бы между прочим сказал он, — не ты ли пригласила сюда Лоуренса Кестевана?

— Да. Я большая поклонница его искусства. И я должна сказать тебе, Фрэнк, что когда весь этот шум уляжется, я, вероятно, займусь производством кинофильмов и буду играть главные женские роли в паре с ним. Я хочу вернуться в кино.

— Ну-ну, — ответил Фрэнсис. — И я тоже должен сказать тебе. Что когда весь этот шум уляжется, я вышвырну этого поганого сутенерчика воп из нашего дома... Спокойной ночи, Ирен.

Она побледнела. Тяжелое лицо ее вдруг стало мрачным и злобющим, как греческая маска. На мгновение Тэйлрэйну показалось, что она запустит во Фрэнсиса коробкой шоколада, — тот улыбался. Он был естественен и непринужден, и за его спиной уходила вдаль освещенная свечами галерея, по обеим сторонам которой висели потемневшие от времени портреты его предков.

Но сцены не произошло. Раздался стук в дверь — и леди Рейли вынужденно улыбнулась. Это был Вуд.

— Извините, сэр, — сказал он. — Прибыл инспектор Гонт. Могу я доложить им, что вы сейчас спуститесь?

ЧТО ЭТО БЫЛ ЗА ЩЕЛЧОК?

У камина в библиотеке высокий худой человек грел руки над огнем. Сэр Джордж представил ему Тэйлрэйна в то время, как Фрэнсис объяснял ситуацию инспектору Тэйпу.

Достаточно было одного короткого взгляда на инспектора, чтобы понять, что это за человек. У него была военная выправка сержанта и большие голубые глаза навыкате, чей взгляд, одновременно и пристальный и пустой, приводил собеседника в замешательство. Кроме того, его худое лицо украшали рыжие усы, равных которым Тэйлрэйну не знал (по крайней мере, за пределами Франции), прямые острые кончики их торчали по обеим сторонам его рта — длинные, как вязальные спицы. Инспектор все время поглаживал и вытягивал их большим и указательным пальцами, пока слушал Фрэнсиса, склонив голову набок и поджимая губы.

Но Тэйлрэйна больше заинтересовал Джон Гонт, который отчужденно стоял один у камина. Американец ожидал увидеть угрюмого и, вероятно, очень раздраженного человека с натянутой вежливой улыбкой, поэтому он был очень удивлен, когда Гонт повернулся к нему лицом. Это был тип человека, к которому принадлежал и сам Тэйлрэйн: консервативный, как парламентарий старой школы, и утонченно вежливый.

Внешность его сэр Джордж описал очень точно. Худой человек в старомодном застегнутом на все пуговицы смокинге и в черном галстуке, величиной чуть ли не с якорь; на его груди болтался монокль на черной ленточке. Узкое длинное лицо с высокими скулами, серебристые волосы гладко зачесаны назад с высокого лба. Серые глаза под черными бровями были сонными, печальными и едва ли не добрыми. Усы и пушистая борода клинышком делали его похожим на похудевшего кавалера с картины Франса Хальса. Он был слегка пьян, но это становилось очевидным только при ближайшем рассмотрении, несмотря на исходящий от него сильный запах бренди. Морщинки у глаз, вокруг рта и на высоком прекрасном лбу выдавали в нем человека, видавшего в жизни так много зла, что теперь оно на него может только нагонять сон. Перегоревший человек, ска-

зали бы вы, но все еще в ореоле былых приключений; некий символ давних — стремительных и опасных — дней: вежливый, спокойный, беспощадный, будто овеванный атмосферой университетских коридоров и — полусонный.

Он протянул длинную руку и улыбнулся:

— Конечно, я слышал о вас, доктор Тэйлрэйн — сказал он, и Тэйлрэйн сразу же почувствовал, что полюбил этого человека. — В прошлом году я посетил несколько ваших публичных лекций в Кембридже. Ваши доклады о Теккере были особенно хороши, так же хороши, я полагаю, как доклады самого Теккерея об английских юмористах — тот же блестящий стиль. Говорите и раздражать вас.

Тэйлрэйн поклонился.

— Благодарю вас, мистер Гонт. Вы, как это говорится, взялись вести это дело?

— Да, я взялся вести это дело — инспектор Гонт; взгляд его был прохладен и ироничен. Он посмотрел на сэра Джорджа с затаенной усмешкой:

— Между прочим, Джордж, — медленно сказал он, — я совсем случайно встретил комиссара в Париже с месяц назад. Он был с доктором Бланшаром из сыскной полиции, и они были столь любезны, что сообщили мне несколько интересных соображений по поводу меня. Кажется, они употребили слово «устаревший». Я вышел из моды. Прогресс современной науки... Я взялся вести это дело, да. Еще одна попытка, мой дорогой Джордж, дань увлечениям молодости перед тем, как уехать отсюда навсегда. В Англии невозможно жить спокойно...

— Рассказал ли вам Джордж о...

— Кое-что. Я бы хотел услышать все из ваших уст, доктор, прежде чем инспектор начнет допрос.

Он пододвинул к камину стул с высокой спинкой. Красные пляшущие языки огня вились уже совсем низко над побелевшими угольками. Гонт сидел очень прямо, резная спинка стула возвышалась над ним, на лицо его падала густая тень.

— Да, вот что, — задумчиво сказал он. — Прежде чем я осмотрю тела... Джордж, вы всегда были хорошим ривершником. Будьте любезны, набросайте мне планы верхнего и нижнего этажей дома, пока доктор Тэйлрэйн рассказывает о происшедшем. В этом огромном здании

очень трудно ориентироваться... Спасибо. И — если можно — графинчик бренди...

Сэр Джордж позвонил Вуду и послал его за бренди. Потом присел, достал большой конверт и принялся рисовать. Тэйлрэйи, чувствуя себя очень свободно в обществе Гонта, подробно рассказал обо всем, что здесь происходило, начиная от обеда до момента обнаружения второго трупа. Гонт сидел неподвижно, прикрыв глаза ладонью, и, казалось, дремал. Когда Вуд принес бренди, он сделал лишь единственное движение правой рукой, чтобы взять стакан спиртного и поднесения пальцы его левой руки стали нервно подергиваться.

— Конечно, — продолжал Тэйлрэйи, — мы можем записать наши свидетельские показания, вероятно, инспектор Тэйп...

— Благодарю, — скучным голосом сказал Гонт. — Думаю, я смогу запомнить.

Долгое молчание. Плеск водопада стал громче, но привыкший к этому постоянному шуму Тэйлрэйи уже и не замечал его.

Сэр Джордж молча протянул Гонту свой план; тот достал длинную тонкую трубку, набил ее, закурил. Рассматривая лежащий у него на колене план, Гонт потирал переносицу; голубые струйки дыма свивались над его головой. Наконец он заговорил:

— Для начала, доктор: кто знал о том, что те двери заколочены, кроме Сандерса?

— Насколько мне известно, никто.

— Кто-нибудь еще, кроме вас двоих, мистера Фрэнсиса Стейна и мистера Мэссея, видел у лорда Рейли молоток и гвозди?

— Не думаю. Как я говорил, он тут же их спрятал, как только мистер Стейн обратил на них внимание.

Гонт кивнул.

— Это не убийство «с фокусом», конечно. Убийца, очевидно, вовсе не хотел, чтобы следствие оказалось перед этой немыслимой ситуацией. Убийца хотел, чтобы все подумали, что он скрылся через дверь за голбеком. Ее он не проверил, ему даже в голову не пришло, что она может быть забита. Он приблизился к жертве не с той стороны... — Гонт поднял скучающий взгляд. — Я полагаю, медицинским освидетельствова-

нием будет установлено, что мисс Стейн не могла задумать своего отца.

— Думаю, да. Она очень слабая.

— И я надеюсь, доктор, что инспектор Тэйл не слишком увлечется этой версией. Я не то чтобы выступаю в защиту мисс Стейн. Просто есть еще обстоятельства... — Дым вился над его головой. Гонт снова поднял стакан бренди и отпил из него почти половину. — У вас замечательная способность запоминать детали, доктор, — с отсутствующим видом сказал он. — Меня, например, заинтриговал щелчок, который вы слышали. Тут важно вот что: когда вы его слышали? Этот щелчок из Ружейного зала?

Тэйлрэйн пожал плечами:

— Извините, мистер Гонт. Это-то как раз я и не могу вспомнить. Некоторое время спустя после того, как лорд Рейли зашел в Ружейный зал — или до или после его убийства.

— Но, черт возьми... — выражение скуки в один миг исчезло из глаз Гонта, и в них полыхнула огонь, будто внезапно отворились настежь двери теньки; потом он снова расслабился и стал пускать вверх выходящие струйки дыма.

— Так, значит, — сказал он. — Можете ли вы как-нибудь объяснить это?

— Я пробовал. Это могло быть...

— Доктор, извините, бога ради, мои дурные манеры. Когда вы упомянули этот щелчок, мне сначала все показалось ясным, но есть еще некоторые обстоятельства... Итак, это могло быть... что, например?

— Может, звук выключателя? Это мне пришло в голову.

— Кажется, вы сказали, что дверь была закрыта, — Гонт бросил взгляд в сторону Ружейного зала. — Никакой щелчок, как бы резок он ни был, невозможно было бы услышать сквозь такую толстую дверь.

— Или, — задумчиво пробормотал Тэйлрэйн, — это лорд Рейли, входя в зал, мог включить главное освещение за мгновение до того, как дверь захлопнулась. Это совершенно естественное действие. Убийца мог выключить его позже.

Гонт покачал головой.

— Вы говорили, что верхнее освещение очень ярко.

А библиотека была освещена лишь огнем камина да несколькими тусклыми свечами на каминной полке. Другими словами, за дверью Ружейного зала должно было быть темно, в противном случае вы бы обязательно увидели свет, если бы он его включил до того, как захлопнулась дверь... как вы полагаете?

— Да. Пожалуй.

— Давайте проверим. Джордж, окажите нам любезность. Будьте добры, пройдите к Ружейному залу, быстро зайдите туда, включите свет и сразу же закройте дверь.

Пока сэр Джордж совершал эти действия, Гонт сидел с закрытыми глазами. Под сводами библиотеки гулко раздалось эхо от удара двери.

— Итак, доктор? — спросил Гонт.

— Я видел свет отчетливо.

— Именно. У вас есть еще какие-нибудь предположения?

Тэйлрэйн заколебался:

— Может быть, это просто игра воображения...

— Дорогой доктор, я всегда поощрял игру воображения. В отличие от комиссара. Прошу вас, продолжайте.

— Предполагается, что убийца, который задушил лорда Рейли, был в перчатках, как и в случае со служанкой. Эти перчатки тяжелые. Если железные наконечники на пальцах ударились бы об пол... если бы убийца уронил одну из них... другими словами...

Приподняв черные брови, Гонт пристально изучал свою трубку; на его бледном лице под скулами лежали глубокие тени.

— Этот звук скорее всего не мог раздаться из середины зала, где был задушен лорд Рейли, и наверняка не мог раздаться из глубины зала, ближе к заколоченной двери.

— Почему?

— Водопад, доктор! Вы забыли про водопад. Если вы верно процитировали мисс Патрицию, она говорила, что в глубине зала шум водопада так силен, что едва можно расслышать и очень громкие отчетливые звуки. Тогда как вы здесь не только слышали разговор, но слышали даже скрип шагов лорда Рейли, когда он приближался к этой двери, что говорит о...

Сэр Джордж смущенно потер лоб и сказал:

— Послушайте, что же Гонт склоняется к тому, что Я не был бы обязательно сказан внимание и слишком уж нем...

Он замолчал, трубки потухли, жались в темноте.

В дверь бегал человек. Впечатления. Мэйнтинг с сис, Кестева

Тэйлрэй Ружейный как в библиотеке произнес своей трубки

Даже сколько стальных мантий висящих

— Ничего такого гротескного до шепота новилис

Гонт дверь за приглас

— А Тэйлрэй — подошел глазами

цать, д

— Послушайте, Гонт, вы, наверно, можете предположить, что же делала мисс Патриция там, за печью, а?

Гонт склонил голову:

— Я не буду говорить об этом, Джордж,— торжественно сказал он.— Думаю, я смогу как-нибудь отвлечь внимание инспектора Тэйпа от этого, если у него слишком уж разыграется воображение... А тем временем...

Он замолчал и снова откинулся в тень. Огонек его трубки потух. И только мерцающие огни камина отражались в темно-красной бутылке бренди.

В дверь библиотеки вошла процессия из нескольких человек. Впереди, поглаживая усы, шел инспектор Тэйп, чрезвычайно энергичный и хмурый; за ним — доктор Мэннинг со своим черным саквояжем; потом — Фрэнсис, Кестеван, Мэссей и Вуд.

ПЕРЧАТКИ НАЙДЕНЫ

Тэйлрэйн, Фрэнсис и Джон Гонт медленно прошли в Ружейный зал за инспектором Тэйпом. С той минуты, как в библиотеку вошел инспектор и другие, Гонт не произнес ни слова и, казалось, был всецело поглощен своей трубкой.

Даже лишенный воображения инспектор был несколько подавлен видом торжественных и мрачных стальных фигур. Среди тяжелых шлемов и багряных мантий его форма смотрелась весьма убого. Он оглядывался по сторонам, трогая кончики усов.

— Ничего себе! — и под гулкими сводами раздалось такое громкое эхо, что инспектор понизил голос почти до шепота.— Ничего себе! — Его выпученные глаза остановились на Гонте: — Сэр?

Гонт кивнул. Тэйлрэйн обернулся и увидел, что в дверь заглядывает доктор Мэннинг, инспектор знаком пригласил его зайти.

— А вот и его светлость,— констатировал инспектор Тэйп.— Бедняга, вот кто он, джентльмены. Итак,— он подошел к телу и, поглядывая на него прищуренными глазами, стал что-то писать в блокнот.— Не буду отрицать, — сэр Джордж Анструтер рассказал мне очень странную историю. Надеюсь, вы меня понимаете? Но об

этом позже, — глубокие складки, пролегшие от крыльев
носа до углов рта инспектора означали вежливую улыб-
ку, его выпуклые глаза блеснули. — ...Конечно, какая-то
ошибка, джентльмены... Пожалуйста, доктор, скажите,
как долго он мертв?

Доктор Мэннинг посмотрел на часы.

— Уже часа два. Он умер, скажем, между девятью
тридцатью... он ведь именно в это время зашел сюда,
доктор Тэйлрэйн?

— Приблизительно. Может быть, чуть позже. Да, по-
мню, били часы. Значит, он вошел в зал в девять трид-
цать пять или чуть позже.

— Точно, — сказал доктор, — значит, между девятью
тридцатью пятью и девятью сорока пятью. Он был
мертв совсем недавно, когда я увидел его.

Инспектор Тэйлрэйн записал это в блокнот.

— Так, джентльмены, теперь, если вы мне поможете
перевернуть его... Впрочем, нет, благодарю, не надо. У
него легчайшая весовая категория, полагаю...

Когда инспектор нагнулся, Тэйлрэйн инстинктивно
отвел взгляд в сторону, но потом все-таки посмотрел на
тело. Rigor mortis¹ уже наступил, и лорд Рейли лежал в
ужасной позе — задрал вверх согнутые в коленях ноги,
словно собираясь крутить бочонок на арене цирка. Были
видны белки его глаз, синела отпавшая челюсть. Тэйл-
рэйн услышал, как Фрэнсис судорожно глубоко вздох-
нул — да и сам доктор почувствовал приступ легкой
дурноты.

— Гм, — произнес инспектор, чье кирпично-красное
лицо тоже выразило некоторое смущение. Потом Тэйл
взял себя в руки и прищурился: — Очень странная поза,
взял себя в руки и прищурился: — Очень странная поза,
джентльмены. Слово он был достигнут сзади в то вре-
мя, как делал упражнение с приседанием. Мы в армии
это называли шведской муштрой, — казалось, Тэйл был
очень доволен этим взлетом воображения; откашляв-
шись, он осторожными пальцами потрогал кончик
уса. — Хотя, постойте! Похоже, здесь была драка... Да.
Здесь была драка. От балахона оторвана костяная пуго-
вица. Сам балахон разорван сверху вниз до середины.
Цепочка от часов вытаскана из-под рубашки, запонки в
воротничке нет и рубашка испачкана. Да — и около него

¹ Трупное окоченение (лат.).

лежит бумажник. Пустой. Руки тоже испачканы, и вот тут царапина.

Фрэнсис подался вперед, чтобы все это рассмотреть и хмуро спросил доктора Мэннинга:

— Послушайте, доктор, вы же говорили, что на него напали сзади и задушили без всякого шума.

— Мой дорогой мальчик! — запротестовал доктор сдавленным голосом, — ты меня слишком буквально понимал. Я не говорил ничего подобного. Я сказал, что для того, чтоб его задушить понадобилось весьма незначительное усилие. Но об остальном... нет, нет.

Инспектор Тэйп достал фонарик. Он стоял на коленях около трупа и, водя вокруг фонариком, высвечивал ужасные черты искаженного лица.

— Извините сэр, — сказал он Фрэнсису. — Это очень странно. Очень странная поза, вот что. И шнур на шее сзади завязан по меньшей мере на три узла... Тетива, как мне кто-то сказал. А, именно сэр Джордж Анструтер. Вон из той витрины. Что вы на это скажете, сэр?

Тэйп поднял голову.

Очевидно, инспектор все больше и больше нервничал — об этом свидетельствовало его постоянное покашливание. Факт наличия на трупе тетивы был им воспринят почти как личное оскорбление, он медленно поднял голову и посмотрел на Гонта. Постепенный стоял неподвижно, медленно похихивая трубкой. Гонт, казалось, всегда стоял в чьей-то тени, вот и сейчас он выступил вперед из-за широкой спины доктора Мэннинга. Поставив на пол стакан бренди, он взял у Тэйпа фонарик.

Все молчали.

Опустившись на колени, Гонт протер носовым платком свой монокль. Заглянув ему через плечо, Тэйлрэйн увидел, что это был вовсе не монокль, а очень сильная — как у ювелиров — лупа. Сверкнули серебристые волосы. Пока Гонт осматривал тело, стояла полная тишина, исключая приглушенный плеск воды. Гонт упрямился скоро: в основном он рассматривал глаза и нос и попытался просунуть палец под шнур на распухшей шее.

— Скажите, доктор... — он все еще разглядывал трун, не вынимая увеличительное стекло из глаза, — доктор Мэннинг, если не ошибаюсь? Спасибо. Конечно, это

очевидно, что он был очень слаб. Скажите, можно ли задушить просто руками?

— Дорогой сэр, я говорил об этом, — довольно раз-
друженно ответил доктор, — несколько раз. Для его серд-
ца было бы достаточно и сильного потрясения. Если
здесь была драка — его могло убить одно это напряже-
ние сил.

Доктор Мэннинг сокрушенно махнул рукой.

— Именно — задумчиво сказал Гонт. Он повернулся
на каблук — Инспектор, думаю, вы должны знать, что
этот человек был уже мертв до того, как на его шее была
затянута тетива.

Инспектор уставился на Гонта и машинально полез
за записной книжкой.

У Гонта сейчас почему-то было очень странно, се-
рос, и напряженно. Он истянулся за своим стаканом
так же машинально, как инспектор — за блокнотом.
Трубка погасла, и он отрывисто заговорил, не вынимая
ее изо рта.

— Вы это сами увидите, доктор, при более тщатель-
ном осмотре. Ни в ноздрях, ни в глазах нет кровоизлия-
ний. Хотя лицо слегка посинело. А шнур затянут так ту-
го, что, если лорд Рейли действительно задушен
им, — обязательно должны быть кровоизлияния и в ноз-
дрях, и в глазах. Э-э... есть у кого-нибудь спички? Спа-
сибо, сэр. Тетива была завязана на шее через минуту-
две после смерти. Но убила его не она. Инспектор, если
вы воспользуетесь моей лупой, — пожалуйста — вы уви-
дите незаметные ссадины на шее. Ничего определенно-
го, конечно. Пальцы. Или, как предположил сэр Джордж
в разговоре со мной — перчатки.

Он осушил стакан.

— Но зачем? — спросил Фрэнсис у Гонта, который
бесцельно включал и выключал фонарик. — Я имею в
виду, зачем тогда тетива? И если была драка, то почему
он находится в такой неслепой позе? Вы же понимаете,
это неестественно. Похоже, что убийца поднял его в воз-
дух и держал так до тех пор, пока тот не умер, а потом
бросил тело на пол, так что его ноги подогнулись. То
есть...

Он неуверенно замолк.

— Итак, сэр? — спросил инспектор. Гонт начал в за-
думчивости вышагивать вокруг. Этот человек с бородкой
клинышком и с высокими скулами самым естествен-

ным образом влиял на
— Думаю, говорить
лишь весьма условно.
достигает пят. В случае
или его полы были бы
му что и сам лорд, и с
пел бы на них. Ничего
кой разорван на груди
сбивания капюшона.
значительным: это яв
Рейли пытался убежать
трубку. — Позвольте м
даль ситуацию. Скаже
зается на этого неиз
тот совершает какие-
Рейли, вероятно, по
близко — в противно
поднять тревогу. А о
на. Убийца рванулся
потащил назад и по
жал.

— Так, сэр, — пр
знаете ли, один дог

И он замолк, я
раву и прогуливал
словно совершено
все пристукивали
ных шагов.

— Вот что, дж
спектор, — если в
ратно в библиоте
ло и буду вам да
тельно осм

— М
та, — м
И
что с
рил
Гонт

ици
пра
поч

ным образом вписывался в окружение вооруженных фигур.

— Думаю, говорить о драке, — сказал он, — можно лишь весьма условно. Этот балахон, как вы заметили, достигает пят. В случае драки он был бы изорван втиску, или его полы были бы истоптаны и испачканы — потому что и сам лорд, и его противник обязательно наступали бы на них. Ничего этого, как вы видите, нет. Балахон разорван на груди и сильно разорван в месте присоединения капюшона. Последний факт представляется значительным: это явно не свидетельство драки. Лорд Рейли пытался убежать от убийцы, — Гонт снова зажег трубку. — Позвольте мне, инспектор, попытаться воссоздать ситуацию. Скажем, лорд Рейли неожиданно натывается на этого неизвестного человека в то время, как тот совершает какие-то подозрительные действия. Лорд Рейли, вероятно, подошел незамеченным достаточно близко — в противном случае он успел бы убежать и поднять тревогу. А он, значит, подошел слишком близко. Убийца рванулся за ним, схватил его за капюшон, потащил назад и потом... — Гонт сделал выразительный жест.

— Так, сэр, — прервал его инспектор Тэйл, — но это, знаете ли, одни догадки...

И он замолк, яростно крутя усы. Гонт отошел в сторону и прогуливался между стеклянными витринами, словно совершенно забыв о деле. Несколько мгновений все прислушивались к эху его размеренных приглушенных шагов.

— Вот что, джентльмены, — наконец резко сказал инспектор, — если вы не возражаете, давайте пройдем обратно в библиотеку. Я прикажу констеблям вынести тело и буду вам весьма признателен, доктор, если вы действительно осмотрите его. Вы идете, сэр?

— Минутку, — откуда-то издалека донесся голос Гон-та, — минутку.

Инспектор явно первничал. Это выражалось в том, что он часто порывисто оглядывался через плечо, говорил громко, почти бо-ораторски, и его повелительный голос стал еще звучней и глубже.

— Я вам могу объяснить, сэр, — доверительно сообщил он Фрэнсису по пути в библиотеку. — Я — человек практический. Не признаю никакой чепухи — вы меня понимаете, а? Но мне все это не нравится. Ни капельки.

А почему не нравится? Что ж, сэр, ничего определенно-
то из этого поведи склепать не могу. Просто там, в за-
сиде этих доспехов у меня возникло какое-то чувство...
у меня иногда вдруг возникает какое-то чувство...
Глядя в его широкою солдатскую спину...
ни на минуту не усомнившись...

Глядя в его широкую солдатскую спину, Тэйлорэйн ни на минуту не усомнился, что чувство, в котором так стыдливо признается инспектор — это не что иное, как чувство ужаса.

Кто-то подбросил дров в камин; бледные лица присутствующих были обращены к огню; все стояли неподвижно, как и те стальные манекены со спрятанными под забралами лицами. Мэссей прижимал к груди свой портфель, сэр Джордж хмуро смотрел на пламя, исполненный достоинства Вуд замер поодаль у дверей; Кестерман медленно перебирал блестящими ботинками по полу...

И что это за мистический ужас возникал при виде этих манекенов? Нет, это было не ощущение страха от мысли, что под забралами могут быть скрыты живые лица. Эти заостренные спереди глухие шлемы рождали в воображении образы каких-то хищных птиц с могучими клювами — бесчеловечных и холодных; да, блестящие железные птицы, готовые к нападению. И было еще что-то, даже более странное: этот блеск и роскошь пустых лат. Полые фигуры, что звенят и лязгают при малейшем толчке; но вот, стоят — грудь выгнута, руки согнуты в локтях, как у человека, готового к схватке, и даже по постановке их ног нельзя догадаться, что внутри у них лишь пустота...

— Итак? — спросил сэр Джордж.

— Итак, сэр, — в глубокой задумчивости произнес инспектор, — я осмотрел оба тела и теперь мы можем начать. Если вы не возражаете, сэр, — он медленно повернулся к Тэйлрэйну и достал блокнот. — Сначала ваши показания.

Тэйлрзэйн приступил к изложению событий. Он говорил как-то автоматически; вдруг у инспектора Тэйпа сломался карандаш.

— Но послушайте, сэръ!.. — краснея, запротестовал он.

— Доктор говорит абсолютную правду, — угрюмо подтвердил Фрэнсис; он становился все более раздраженным. — И бога ради, давайте не будем начинать все сначала! У всех есть одинаковые основания удивляться и сомневаться. Я сам знаю, что так не может

84

— Но я же не
сказал он, с
пол

— Но я же не
Стеди,— сказал он, —
такой рапорт я полу-
ет изначальника поли-
цейского!..
У вас есть в
Тайл

— У вас есть
— Доктор Тэйл
Инспектор пове
— Вы все это п
— До единого
очень усталым и
рассыпающиеся
вы теперь хотите

Он рассказал, кофе, он поднялся после девяти тридцати. Когда он дошел, увидел его в Руслановском переулке.

— Ага! Он в
— Очень ра
Было очень тем
А главное освеще
чески запреща
что он был

— И что
тельные! — пр
Мэссей
— Это
ся, «взя
вроде. I
сил ег

Болы
И
сал

быть, но именно так все и было. Продолжайте, пожалуйста!

Тэйл вытянул шею из воротника и стал похож на черепаху; он обвел присутствующих выпуклыми глазами.

— Но я же не могу это записывать, мистер Стейн, — сказал он, барабанив пальцами по блокноту, — за такой рапорт я получу — извините — большой нагоняй от начальника полиции. Послушайте, сэр, здесь какая-то ошибка!..

— У вас есть еще вопросы? — осведомился Фрэнсис. — Доктор Тэйлрэйн ждет.

Инспектор повернул к Мэссею:

— Вы все это подтверждаете, сэр?

— До единого слова, — ответил секретарь. Он казался очень усталым и все приглаживал машинально прямые рассыпающиеся волосы. — Осмелюсь предположить, вы теперь хотите выслушать меня. Итак...

Он рассказал, как сразу после обеда, не дожидаясь кофе, он поднялся в контору, напечатал письмо и вскоре после девяти тридцати спустился вниз в поисках хозяина. Когда он дошел до того, как лорд Рейли пронесся мимо него в Ружейный зал, инспектор Тэйл подался вперед:

— Ага! Он выглядел расстроенным, сэр?

— Очень расстроенным, насколько я могу судить. Было очень темно: горела лишь одна тусклая лампочка. А главное освещение я не включал. Он всегда категорически запрещал это. Но я могу сказать с уверенностью, что он был чем-то страшно потрясен.

— И что же именно он вам сказал? Будьте внимательны! — предупредил инспектор.

Мэссей нахмурился:

— Это-то я и пытаюсь вспомнить весь вечер. Кажется, «взяли жемчуга» или «украли жемчуга», или что-то вроде. Не могу утверждать ничего определенного. Я просил его подписать письмо...

— Он не назвал ничьего имени?

— Нет. Это точно.

— Что он сделал потом?

— Просто выпихнул меня за дверь и захлопнул ее. Больше я ничего не видел.

Инспектор тщательно записал все в блокнот и почесал карандашом лоб.

— Вот что, сэр. Вы можете предположить, зачем он пошел в Ружейный зал? Он вам не говорил — зачем?

— Нет.

— Ага. Так, значит, — инспектор.

Его манеры становились

— Her.

— Ага. Так, значит, — инспектор снова стал писать. Его манеры становились все более конфиденциальными и неуклюже дипломатичными — Я так понял, — продолжал он, — я так понял, что мисс Патриция Стейн находилась в зоне в то время, как был убит ее отец. Да? Ага. Она увидела убитое тело. Скажите-ка мне...

предстала с ноги на ногу. Гул водопада становился все глубже и глубже, им следовало до появления инспектора сочинить какую-нибудь историю, чтоб Патриция могла остаться в стороне от следствия.

— А что с ним делала? — поинтересовался инспектор, выслушав историю.

Медведь по-прежнему стоял на него невинными глазами:

— Бейте! — смотрела оружие. Мы... мы часто смот-

Последние слова прозвучали явно натянуто. «Из него плоской дубинкой — подумал Тэйкгрэйп. — Ему надо быть поосторожнее». Мэссей преувеличенно внимательно изучал замок своего портфеля.

— Хм, — сказал инспектор. — В темноте?

— О, там было не совсем темно — так, полумрак. Там горела одна лампа. Кажется, я говорил вам уже, что его светлость категорически запрещал кому бы то ни было включать верхний свет.

— Да, вы говорили,— инспектор уставился на него выпуклыми глазами, откашлялся и нахмурился.— Значит... вы ее видели, сэр?

— Нет, конечно, нет. Этот зал длиной в девяносто футов; и мне и отца-то ее было трудно разглядеть. А она находилась вообще в другом конце зала.

— Ага! Но когда вы вошли туда, вы же искали там его светлость. Вы тогда ее видели?

— Я вам уже говорил, — бесстрастно продолжал Мэс-сей, — что не дошел и до середины зала. Я просто не-сколько раз окликнул лорда Рейли, и...

— Так-так! — воскликнул инспектор, слегка возбуждаясь. Его лицо стало густо кирпичного цвета, и он не сводил с секретаря пристальных глаз. — Но почему она не откликнулась? Почему не подошла?

— Почему не подошла? — переспросил Мэс-сей. — Но я же звал не ее. И, кроме того, если она находилась в том конце зала, она меня и не могла услышать. Водопад, знаете ли. И если она... если она ходила между тех стеклянных витрин, она меня и увидеть не могла.

Инспектор внимательно разглядывал Мэссея.

— Нам надо побеседовать с мисс Стейн, — медленно сказал он. — Хорошо, хорошо, сэр, — он успокаивающе махнул рукой запротестовавшему было Фрэнсису, — если вы возражаете — хорошо, не сейчас. Завтра. И обязательно. Она видела, как убили ее отца?

Вопрос не был обращен ни к кому в отдельности, и ответил Фрэнсис.

— Инспектор, — начал он. — Вы — человек рассудительный. И человек с богатым воображением. То есть... не правда ли?

Тэйлрэйн снова кашлянул:

— Да, наверно, сэр. Я, конечно... — явное полицейский, он погладил усы. — Я хотел бы знать...

— Вы когда-нибудь чувствовали странный инет окружающего мира? — серьезно спросил Фрэнсис. — Хотелось ли вам когда-нибудь отделиться от самого себя? Одиночество, инспектор. Я имел в виду, она была погружена в мысли. Разве вам никогда не приходилось полностью отключиться от всех внешних звуков?

Тэйлрэйн попытался представить себе Патрицию погруженной в мысли и нашел это невозможным. Эта романтическая картина, нарисованная Фрэнсисом, была вовсе не убедительна; и кроме того, молодой человек говорил несколько бессвязно. Тэйлрэйн взглянул на бесстрастное лицо Кестевана. На нем, казалось, было написано: «Что? Уж не собираются ли здесь обсуждать мои любовные дела?» — похоже, он намеревался оскорбиться, но вместо этого просто достал карманный зеркала и стал тщательно изучать крылышки своего галстука.

— Да, конечно, сэр, — упрямо сказал инспектор. — Я люблю иногда погружаться в мысли. Но я не могу натить, как в одном со мной помещении происходит драка и совершается убийство.

— Но вы же слышали, мистер Гонт сказал, что, собственно, драки не было. Убийца просто схватил его сза-

ли? Если он и успел крикнуть — грохот водопада все равно заглушил этот крик.

— А... — инспектор Тэйп склонил голову к плечу — Ладно, — он принял загадочный вид. — Я не стану пока что говорить о своих соображениях, сэр. Давайте продолжим. Так, теперь... остальные. Где вы находились все это время?

Фрэнсис бросил на него настороженный взгляд из-под тяжелых век, потом, вытянув длинные ноги, откинулся в кресле.

— Сэр Джордж и я играли в бильярд после обеда... — он взглянул на баронета, и тот кивнул. — И потом...

— Вы все время там находились, сэр?

— Фу ты! — сказал Фрэнсис. — Я хочу сказать, не перебивайте меня. Значит, дальше. Посередине игры я почувствовал жажду. Мне надо было подкрепиться спиртным. Итак, я позвонил Вуду (вполне естественное движение). Но у него в комнате громко играл проигрыва-тель, так что он не слышал, — Фрэнсис свел ладони и стал задумчиво разглядывать соединенные кончики пальцев. Потом взглянул на Вуда — тот опустил голову.

Приняв еще более загадочный вид, инспектор Тэйп что-то строчил в блокноте.

— Значит, я отправился на поиски спиртного. И заглянул в следующую дверь — в Трофейную комна-ту. Там на закусочном столике я увидел остатки ужина. Миссис Картер — это домоправительница — позже объяснила, что там было накрыто доктору Мэннингу. Я учуял запах виски, но долго не мог най-ти его. После долгих поисков оказалось, что какой-то хитрец спрятал виски за одной из пирамид для винто-вок.

— Как? — удивился инспектор.

— Извините, сэр, — выступил вперед Вуд. — Думаю, я смогу это объяснить. Это — идея миссис Картер. Она подозревает — не знаю, есть у нее основания на это или нет, — что кто-то из лакеев имеет привычку... — на этом он закончил предложение и откашлялся.

— Сандерс! — догадался Фрэнсис и впал в задумчи-вость. — Таскает виски, не так ли? Вот, значит, почему я никогда не могу найти выпивки в буфетах и везде. Ясно. Дальше, инспектор...

— Пожалуйста, продолжайте, сэр.

Фрэнсис приподнял бровь.

— Кажется, я уже тогда был приятно разгорячен. Вы понимаете, что это такое. Мне пришло в голову, что все человечество жаждет пропустить стаканчик. В частности, я подумал о моем добром друге докторе Тэйлройне, одиноко сидящем в библиотеке и мечтающем о глотке виски. Итак, я предал сэра Джорджа и отправился в библиотеку. Остальное вам известно.

Наступило молчание.

На длинном лице Тэйпа изобразилось раздражение. Он уже исписал полблокнота и сейчас, нахмурившись, изучал записи.

— И как долго вы отсутствовали в бильярдной?

— Отсутствовал в... О боже, инспектор! — устало произнес Фрэнсис, — вы хотите сказать: «есть ли у вас алиби»?

— Сэр, я просто подумал...

— Дело в том, что я не знаю. Может, пять минут, может десять. Точно не знаю.

— Я ничего такого не предполагаю, — торопливо заговорил Тэйп. — Это такой порядок. Если бы вы знали, сколько всяких ненужных формальностей приходится соблюдать, вы бы удивились. Я вот что имею в виду: когда вы были в Трофейной комнате, вы с сэром Джорджем находились в поле зрения друг друга?

На лице Фрэнсиса появилась злобная улыбка.

— Все дело в том, знаете ли, что нет. Раньше между бильярдной и Трофейной комнатой была дверь, но старик велел заложить ее. У него было обыкновение сидеть в Трофейной комнате и его страшно раздражал стук бильярдных шаров и звук голосов по соседству. Я его понимаю, меня точно так же раздражает вид людей за бриджем. Мы все слегка с привидом. Вся семья... Нет, инспектор, мы не находились в поле зрения друг друга.

— Все верно, инспектор, — подтвердил сэр Джордж. Его лицо еще больше покраснело от огня, и вид у него был озадаченный, будто он пытался что-то вспомнить.

— Мы не видели друг друга. Но, Фрэнсис, прекрати болтать чепуху, пожалуйста. Продолжай.

Фрэнсис, похоже, забавлялся.

— Но мог иметь место заговор. Мы с сэром Джорджем могли организовать кошмарный злодейский заго-

вор. Я же говорил, что я с приветом, а сэр Джордж все-
да завидовал коллекции старика, так что...

— Прекрати! — почти сердито сказал сэр Джордж. — Инспектору и так есть над чем подумать без твоей болтовни.

— Нет, сй-богу, — рассеянно продолжал Фрэнсис, будто и не слыша его, — сплошные заговоры. У меня блестящий ум. Доктор Тэйлор и Брюс сговорились убить вдвоем старика и теперь рассказывают нам эту фантастическую историю, чтобы покрыть друг друга. Или еще: это доктор Мэннинг и Ирен...

Он оборвал себя, и глаза его сузились. Все молчали. Никто не знал, что сказать. Инспектор с неожиданным интересом рассматривал присутствующих. К счастью, гробовая тишина была нарушена резким движением Вуда; он вдруг скрылся за дверью, и оттуда раздался пронзительный женский голос. Когда дворецкий вернулся, Фрэнсис посмотрел на него почти испуганно.

— Извините, сэр, — бесстрастно произнес Вуд. — Миссис Картер нашла перчатки. В комнате Дорис Мундо. Она отказывается притрагиваться к ним. Если вы позволите, я привнесу их сюда.

ОТКРЫТОЕ ОКНО

Инспектор Тэйп отправился за Вудом; все остальные остались на своих местах.

— В комнате Дорис, — пробормотал Фрэнсис, доставая сигареты. — Интересно.

— Послушай, Фрэнк, — резко сказал сэр Джордж, — пока у нас есть время для передышки, хочу предупредить тебя: давай-ка полегче. Прекрати свои дурацкие выходки, не то он начнет воспринимать тебя всерьез. Он опасен и ему нужна жертва. Так что давай-ка полегче.

Ко всеобщему удивлению вдруг заговорил Кестеван.

— Очень остроумно! — воскликнул он, раздувая нос-
дри. — О леди Рейли. Вы практически намекнули...

— А вы умны, о да, умны, — со вновь вспыхнувшим интересом Фрэнсис разглядывал актера. — А я как раз подумал, что пора бы уж пропеть нашим часикам с кушковой. Послушайте, Кестеван, что это за фильм вы с Ирен собираетесь делать? Она — большая поклонница

вашего искусства, но только не говорите мне, что мечтаете сыграть Гамлета. Я этого не переживу.

— Кто вам сказал это? — спросил Кестеван, и глаза его сузились.

— Агенты, — туманно ответил Фрэнсис. — Но все-таки, Кестеван? Какое-то роковое предчувствие подсказывает мне, что это будет что-то страшно русское. Один из тех могучих романов без диалогов, где автор решает все-ленские проблемы, после чего его ссылают в Сибирь. Долгие годы, — задумчиво продолжал Фрэнсис, — издательства мира отчаянно соревновались между собой: кто сумеет напечатать русские романы самым метким шрифтом. В пределах такого микрокосмоса автор становится богом. Кроме того, мы, англичане, убеждены, что произведение, имена героев которого можно выговорить без труда с первого раза, — хорошим быть не может. Во всяком случае, Ирен убеждена в этом. Да, Кестеван, я чувствую, что это будет что-то русское. По всей вероятности «Зараженная семья» Бориса Стива.

Кестеван поднялся с кресла, положил руки на бедра и шагнул вперед.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказал он, — но вы оскорбляете леди Рейли. И если вы знаете так много, то можете намотать это себе на ус. И вот что мы собираемся делать: что-то хорошее. Что-то хорошее. Да, это будет Россия, — это вы, вероятно, тоже знаете, — но очень по-английски. И сценарий, между прочим, написала ваша родственница. Женщина. Поэтому думайте получше, что вы говорите, Стейн.

— Как? — переспросил Фрэнсис. — Родстве...

— Во всяком случае, у нее такая же фамилия, как у вас, — оборвал его Кестеван, раздраженно махнув рукой. — И вам лучше не забавляться на этот счет...

— Не Гертруду ли Стейн вы случайно имеете в виду? — задумчиво спросил сэр Джордж.

— Да. Именно. А что?

— Надо же! — сказал Фрэнсис. — Да-да, конечно. Блестящий стилист в нашем роду. Она из Ворчестершира.

— И что? Что в этом смешного? Я еще не видел сценария, но леди Рейли говорит, что я буду отлично смотреться в главной роли. Вам все ясно, Стейн? И что касается вашего указания покинуть этот дом...

— Я не сомневаюсь, — сказал Фрэнсис. — Ей-богу, я

ничуть не сомневаюсь. Вы будете великолепны, мой мальчик. Но ваш личный вклад?.. Я имею в виду, что именно вы там будете играть? Счетную логарифмическую линейку, пропущенные знаки препинания или щебечущую тарелку крыжовника? И Россия к тому же. Прощай, Голливуд! Эта вещь будет подлинным бунтом художника.

Он говорил все громче и оживленней, и лицо его разгорелось.

— Спокойно! — оборвал его сэр Джордж. — Фрэнк, на твоём месте я бы все-таки унялся. Там, за стеной лежит твой отец. Ты это знаешь?

Фрэнсис обратился к нему странное лицо.

— Позвольте мне веселиться, — попросил он. — Позвольте мне безумствовать. Я насвистываю среди кладбища; и если я не буду болтать чепуху — я рехнусь окончательно... Кроме того, его уже там нет. Посмотрите.

Но сам он не посмотрел. Он отвернулся и попытался зажечь спичку в то время, как констебль в голубом мундире и Сандерс вынесли из Ружейного зала окоченевший труп. Впереди шел доктор Мэининг. Эта безмолвная процессия, скрывшаяся в темном коридоре, показалась почти призрачной. Тэйлрэйни услышал голос доктора:

— В музыкальную комнату, пожалуйста.

— *Sic transit*¹, — произнес Фрэнсис, неверной рукой зажигая сигарету, и тихо добавил, — упокой, Господи, его сумасшедшую старую душу. У него были свои достоинства. Ну и что нам делать теперь? Вот, кстати, и мистер Гонт.

Вытирая руки носовым платком, в библиотеку вошел Гонт.

— Итак, — поинтересовался сэр Джордж, — вы нашли еще что-нибудь?

Прежде чем ответить, Гонт налил себе стакан бренди. Его бледное лицо слегка порозовело, и в глазах появился блеск.

— Не беру на себя смелость сказать что-либо определенное, — медленно ответил он. — Но план, который вы нарисовали, Джордж, оказался весьма полезен.

¹ Так проходит (мирская слава) (лат.).

Я случайно слышал ваш разговор. Итак, перчатки найдены.

— Да.

— В комнате служанки Да. Понимаю. Между прочим, мистер Стейн, вы сделали очень интересное замечание касательно позы тела.

— Что-нибудь ценное? — спросил Фрэнсис.

Гонт ответил не сразу. Он рассеянно рассматривал присутствующих, словно обдумывая и отвергая какие-то возможности. Наконец, его взгляд остановился на Кестеване. Тот, бледно розовея от негодования, подошел к камину и встал там спиной к Гонту.

— Вы сказали, — продолжил Гонт — что, похоже, убийца душил вашего отца, поднял в воздух, и держал его так, пока тот не умер. Я сейчас предполагаю, что в этом замечании есть доля истины. С моей лишь разницей. Например...

Он вдруг резко вытянул руки вперед. Тонкими сильными пальцами обхватил шею Кестевана, поднял того в воздух, как игрушку, и повернул голову к остальным.

Какое-то нечеловеческое блеянье и визг вырвалось из губ актера. Фрэнсис вскопился на ноги, сэр Джордж испуганно вскрикнул.

— Посмотрите на его ноги, — сказал Гонт.

И бережно, как фарфоровую статуэтку, он опустил Кестевана на пол. Тот едва устоял на трясущихся ногах; лицо его покрылось пятнами; одной рукой он схватился за измятый воротник, другой вцепился в спинку кресла. Но они увидели, они увидели этого бледнолицего человека с блестящими приглаженными волосами в ужасной позе: одна нога резко выброшена вперед, другая подтянута к животу, носки вытянуты, руки судорожным рывком заведены назад...

— Боже... вы, что вы... — прохрипел Кестеван и глотнул воздуха. — Вы порвали мне воротничок... Вы мне все помяли...

— Должен принести глубочайшие извинения, сэр, — произнес Гонт. Он не был сильно пьян и вовсе не был раздражен. — Умоляю вас, простите меня. Мне нужен был некрупный человек. У мистера Мэссея подходящий рост, но он тяжеловат для подобного эксперимента. И я должен был застать вас врасплох.

— Жертва эксперимента принимает ваши извине-

ния, — сказал Фрэнсис. — Бог мой, ну и напутали вы меня. Но о чем это говорит?

— Человек, которого душат — сзади ли, спереди ли, — ведет себя так, как мистер... извините?

— Кестеван, — подсказал Фрэнсис.

— Как мистер Кестеван. Его колени сведены вместе и подтянуты к животу; он пытается нанести ногой удар вперед или назад — в зависимости от того, где находится убийца. Потом, скорей всего, убийца бросит труп так, что тот упадет навзничь — это инстинктивное движение. После смерти тело, конечно, обмякнет.

Вы, конечно, обратили внимание на отсутствие запонки в воротнике. Почти невозможно представить себе, что кто-то в драке хватается за такой крошечный предмет и вырывает его. Если вы сейчас, совершенно спокойно попытаетесь выманить из воротника собственную запонку, вам покажется это довольно трудным. Она выскочила, — так же, как выскочила из кармана рубашки цепочка для часов, — когда лорда Рейли кто-то нагибал назад, схватив за шею, в то время, как он, выгибая грудь вперед, старался выпрямиться. Вы видели, как это делал мистер Кестеван.

Вы спросите, о чем это говорит. Скажем, после смерти обмякшее тело лорда Рейли лежало на спине. Как очень проницательно заметил инспектор Тэйп, на его балахоне не хватает верхней пуговицы. И пуговичная петля сильно разорвана, но в очень любопытном направлении... Вы помните, в каком?

— В каком направлении? — тупо повторил Фрэнсис. — Бог мой, конечно, нет! Что вы имсете в виду?

— Она разорвана усилием, направленным снизу вверх, — сказал Гонт. — Я не буду больше экспериментировать, но... — он повернулся к Кестевану, который с раздраженным ворчанием попятился назад, — но представьте себе, что я борюсь с мистером Кестеваном. Он одет в широкий застегнутый балахон. Я должен схватиться за балахон и разорвать его так, чтобы оторвалась верхняя пуговица на груди — как это было у лорда Рейли. Но если я хватаюсь за балахон, то неизбежно — сверху, и разрываю сверху вниз. Не стану же я хвататься за балахон снизу и тянуть вверх, словно пытаюсь стащить его с жертвы через голову.

— Значит... — начал Фрэнсис.

Гонт глотнул из стакана.

— А в нашем случае балахон разорван именно снизу вверх. Этого не может случиться ни в какой драке. Коро-
че говоря, джентльмены, наша драка начинает казаться
всёма незначительной и, конечно, односторонней... Од-
нако, если лорд Рейли после смерти лежит на спине, а
под его застегнутым балахоном находится нечто, мне
необходимое... скажем, ключи или бумажник... и я
страшно тороплюсь...

Фрэнсис кивнул, не свести с Гонта пристальных
глаз:

— Вы хватаете балахон снизу и раздираете его до-
верху, отрывая при этом пуговицу. Снизу вверх, да. Как
будто открываете банку сардин.

— Фрэнк, — мягко заметил сэр Лжорж — в разгово-
ре о твоём отце это сравнение с банкой сардин...

— Конечно! — резко прервал его Фрэнсис. — Ясно.
Все ясно. Я хочу услышать дальше. Продолжайте, мис-
тер Гонт.

— Итак, значит, он лежит на спине пока убийца ро-
ется в его карманах. Но как бы он ни унаследовал его не
могли принять то странное положение, какое мы увида-
ли позже; для этого было необходимо вмешательство
убийцы... Мы знаем, что после смерти лорда Рейли
убийца относительно неспешно завязал на его шею тети-
ву. И что потом? Мы можем понять, зачем он перевер-
нул труп лицом вниз: надо было завязать те три узла на
шнуре. Но...

Гонт подался вперед. Сейчас он стоял спиной к ка-
мину, и его худое лицо было скрыто в густой тени, но
Тэйлрэйни почувствовал, насколько сильно оно напряже-
но и сосредоточено. Гонт вытянул в их сторону руку со
стаканом:

— Но зачем убийца придавал обмякшему телу эту не-
обычную позу? Вот, джентльмены, один из трех основ-
ных вопросов следствия. Ведь это было не только не-
пужно, но для того чтоб уложить труп в позу ватной кук-
лы с вывороченными членами, потребовалось бы значи-
тельное время. А времени у убийцы, как нам известно,
не было. Насколько я понял, между моментом, когда
лорд Рейли вошел в зал, и моментом, когда его дочь об-
наружила тело, прошло не более восьми минут, во-
семь — это максимум. Ему же надо было успеть как-то
скрыться. Почему он терял время?

Фрэнсис вынул сигарету изо рта:

— Дело становится все темней. Вы ставите вопросы, на которые нет ответа, мистер Гонт. Вместо одной загадки вы предлагаете несколько. Три основных вопроса. Хм. Осмелюсь предположить, что первый из них — это зачем убийца затянул на трупе тетиву? Второй вы только что сформулировали. А третий?

— На одежде убитого не хватало пуговицы и запонки, — сказал Гонт. — Но ведь где-то они должны были находиться? Я их нашел. И это весьма любопытно. Как вы думаете, где же я их обнаружил?

— На полу, наверно.

Гонт медленно покачал головой:

— Нет, не на полу. У лорда Рейли в кармане!

Взметнулся в камине огонь, затрещали поленья. Сэр Джордж, похожий на перепуганного Пиквика, яростно потер лысину:

— Боже мой! То есть, убийца не только возится с трупом, укладывая его в эту позу, но и ползает по полу в поисках запонки и пуговицы, чтобы положить их в карман... Послушай, Джон. Так не бывает.

— Вот они, — сказал Гонт, подбрасывая на ладони вышеупомянутые предметы. — И, по-моему, объяснить это будет не так трудно, как вам кажется. Бог мой! — вдруг воскликнул он, — хотел бы я, чтоб здесь присутствовал комиссар и этот Бланшар со своими новомодными инструментами. Извините, джентльмены, я только хочу сказать, что из всего этого можно сделать несколько поразительных умозаключений. Например...

Его горящие глаза под черными бровями вдруг погасли, он уронил руку и вяло опустился в кресло у камина в то время, как в библиотеку вошел инспектор Тэйп.

— Вот, — произнес полицейский. У него в руках были латные перчатки со скрюченными ребристыми пальцами. Он поднес их к огню, и все подошли поближе.

Тэйлрэйи тщательно рассмотрел их. Как и говорил сэр Джордж, это была пара перчаток эпохи поздней готики — с заостренными железными пальцами и прекрасно сработанными щитками на фалангах. Их металлические запястья были отделаны истлевшей алой тканью с некогда золотым оттиском герба. Тонкой работой манжета длиной почти до середины предплечья затя-

живалась вокруг руки шнурком с металлическими нако-
лечниками.

Перчатки чуть покачивались в вытянутой руке ин-
спектора, и сталь тускло мерцала в свете камина.

— Послушайте, джентльмены,— вдруг сказал
Тэйп,— убей меня, никак не могу понять одну вещь.
Очень странно. Я всегда считал, что средневековые вой-
ны — или как их там — были эдакими великанами. Да,
вот как их представляют. Огромные люди, все высокие,
как — ну, например, я.

Он поморгал.

— Вот. А эти латы — они же рассчитаны на невысо-
ких и довольно худощавых людей. А сами доспехи ка-
жутся такими тяжелыми.

Сэр Джордж взял у инспектора одну перчатку и по-
вертел ее в руках.

— Совершенно верно, инспектор,— подтвердил
он — полное рыцарское снаряжение весило около 85
фунтов. Боевое снаряжение — чуть меньше, а доспехи
пехотинцев были вообще совсем легкими. Хотя в
наше время вы едва смогли бы и стоять в них. Они
были невысокими людьми, и у них не было лишнего
жира, он сгорал под тяжестью этого железа. Но почему
вы обратили внимание на это?

— На крупную руку эти перчатки не налезут — ин-
спектор с сомнением покачал головой — Я пробовал их
примерить — и никак. Я думаю... Вас не обидит, если
вы не возражаете, джентльмены...

— Ладно,— мгновенно откликнулся Фрэнсис — Я
попробую. Дайте их мне.

Его длинная ладонь была очень узкой, так что пер-
чатка сидела на ней, хоть и не очень плотно. Фрэнсис с
любопытством рассматривал свою руку над огнем ка-
мина.

— Так... Шарниры двигаются легко,— сообщил он,
сжимая и разжимая пальцы.— Потренировавшись, я
смог бы даже брать этой рукой всякие мелкие предметы.
Это даже проще, чем в простой перчатке,— все равно,
что орудовать палочками для еды. И... да, шарниры бы-
ли смазаны совсем недавно. Попробуйте сами, джентль-
мены.

Что-то ужасное и призрачное было в виде этих бле-
стящих металлических крючков, шевелящихся у лица
молодого человека, Тэйлрэйн с трудом подавил дрожь.

Потом Мэссей осторожно взял и несколько раз судорожно сглотнул, прежде чем с обычным спокойствием и аккуратностью надеть обе перчатки. За ним была очередь сэра Джорджа, которому они были так тесны, что ему не удалось их натянуть вовсе. Тэйлрэйну они были впору. У него мурашки поползли по телу, когда он почувствовал пальцами прикосновение истлевшей подкладки, и доктор поспешно снял их. Когда он протянул перчатки Кестевану, прославленный исполнитель гантстерских ролей отшатнулся.

— Ну? — спросил Фрэнсис. — В чем дело? Надевайте же!

Кестеван инстинктивно поднял руку к измятому воротничку, свирепо глянул на Фрэнсиса и потом попытался надеть перчатки как можно более непринужденно — будто он всю жизнь только к этим и занимался.

— Вот, — отрывисто сказал он, вытягивая руки вперед. — Что-нибудь еще?

«Это любопытно, — подумал Тэйлрэйн, — вид этого человека у камина». Эти перчатки, что на всех смотрелись, как безобразный антагонизм, придавали облику Кестевана какую-то кощунственную грацию и прелесть. Они были к месту, они подходили ему не только физически, но и эстетически и бросали свет средневекового величия на бледное красивое лицо актера. Кестеван тоже почувствовал это, и как ему ни хотелось снять перчатки поскорее, он продолжал бессознательно позировать в них. И Тэйлрэйн подумал: «Не знаю, как у него получится роль русского возлюбленного леди Рейли, но в роли Цезаря Борджиа он был бы восхитителен». Но стоило актеру снять эти ужасные стальные перчатки — и он вновь превратился в надутого, избалованного, капризного человечка.

— Остальные? — инспектор Тэйп огляделся и тяжело покачал головой. — Ладно, потом. Так, теперь...

Клубы дыма вились над головой Тэйлрэйна, который сидел, прикрыв глаза ладонью. Он сказал:

— Где вы нашли их, инспектор?

— А! Вы об этом! В комнате девушки, как вы слышали.

— Где?

— Где... сэр, если вы еще не поднимались наверх...

— Благодаря сэру Джорджу у меня есть план дома. Так где они были?

— у кровати
кто-то столкнул
Прямо загляну

— Кто-нибудь
Нет, сэр.

— Кто-нибудь
спала там
и отка
мисси
в другой ко
своей

— Фрэнсис спра
до того
спра

— Вы не рас
кто-то мог
вечера.

— Я еще не
Никто ничего

— О Дорис. Но
запрещено.

— Ах, да, — г
пример,
Гонт.

Гонт поднял

— Тут неско

— задумчиво
комнату, но

— Был ли

— Нет, сэр. С

стели — там

покрывало

— Гонт выколач

— С помощью

вероятно, б
тем вы, хот
теперь
да, сэр.
И когда
ли?

— у кровати бедняжки, сэр. Лежали там. Словно их кто-то столкнул с кровати. Их нашла миссис Картер. Просто заглянула в комнату, включила свет — и увидела.

— Кто-нибудь еще живет в комнате?

— Нет, сэр. Обычно девушка по имени Энни Моррисон спала там тоже, но сегодня ночью... — инспектор замаялся и откашлялся. — В общем, по той или иной причине миссис Картер велела Энни Моррисон ночевать в другой комнате с двумя служанками. Дорис находилась в своей комнате одна приблизительно с восьми тридцати до того, как... вы меня позвали?

Фрэнсис спросил, рассеянно крутя перчатки:

— Вы не расспрашивали других служанок? Я имею в виду, кто-то мог видеть или слышать что-нибудь в течение вечера.

— Я еще не успел. Но миссис Картер расспрашивала. Никто ничего не видел и не слышал. Похоже, болтали. О Дорис. Но к ней в комнату никто не заходил: им было запрещено.

— Ах, да, — горько сказал Фрэнсис, — заразительный дурной пример, конечно. Продолжайте, мистер Гонт.

Гонт поднял взгляд от плана.

— Тут несколько интересных моментов, инспектор, — задумчиво произнес он. — Конечно, я сам осмотрю комнату, но мне пришла в голову одна неожиданная догадка... Был ли в комнате беспорядок?

— Нет, сэр. Она, очевидно, некоторое время лежала на постели — там остался отпечаток тела, но она даже не сняла покрывало. Что меня поражает, так это почему перчатки были именно в ее комнате?

Гонт выколачивал из трубки пепел.

— С помощью моего плана, инспектор, я составил себе, вероятно, более отчетливое представление о замке, чем вы, хоть вы и успели уже побывать наверху. Да, теперь об этой комнате: там есть окно, не так ли?

— Да, сэр.

— И когда вы поднялись наверх, оно было открыто, не так ли?

Инспектор Тэйн уставился на Гонта и полез за блокнотом.

— Да. Точно. Это окно выходит в тот открытый пе-

реход, где было обнаружено тело. Вы имете в виду, сэр, что ее забили и выбросили из окна?

— Именно.

— Но послушайте! — вдруг загорячился Фрэнсис. — Ее комната находится в двух шагах от комнаты миссис Кэтер и Вуда. Невозможно же выбросить тело из окна с высоты 15—20 футов так, чтобы никто не услышал звука удара о землю.

— Да, возможно, мистер Стэйи, — спокойно сказал Гонт. — Такую-то я помню, как раз в то время, когда она была в комнате Вуда большой граммофон распевавший особенно шумные гимны.

Инспектор Тэйп покосил кончик карандаша: — Но сэр... это же бессмысленно. Зачем убийце рисковать, выбрасывая тело в коридор? Кто-нибудь запросто мог увидеть его или услышать этот шум, разве нет? Почему бы не оставить ее в комнате? Он же оставил там перчатки, значит, и не собирался скрывать своего присутствия. Так что...

— Действительно, инспектор, — сказал Гонт, — зачем? Он очень странная личность, этот наш убийца. Но я вас, кажется, перебил. Прошу вас, продолжайте допрос, инспектор.

ПРИВИДЕНИЕ В ЛАТАХ

Фрэнсис кратко изложил события, происходившие с момента обнаружения тела Дорис Мундо до прибытия инспектора Тэйпа. Вид у последнего был очень озабоченный и явно недоверчивый. Его заинтересовала пропажа денег.

— Десять тысяч в чеках на предъявителя, — он крутанул рыжий ус и важно нахмурился. — Это очень плохо, джентльмены. Если бы у нас были номера...

— К счастью, они у меня есть, — сказал Мэссей, открывая портфель. Он порылся в бумагах и тут же вручил инспектору листочек. — Но наличные я не регистрировал.

— Вы знаете, сколько их было?

— По меньшей мере, несколько сот фунтов. Деньги на расходы.

— Да, десять ты... — инспектор как-то зарычал, заурчал и весь встряхнулся, как вылетающий из воды

— Не обращайтесь внимания, джентльмены. Но зачем он держал при себе такую сумму наличными?

— Покупки антиквариата. И вообще он вообще не мог выписывать чеки, потому что, во-первых, это хлопотно, а во-вторых, он никогда не пересчитывал оставшиеся корешки в книжке, поэтому всякий раз, выписывая чек, был уверен, что банк попытается обокрасть его.

— Хм. Так. Теперь, это странное письмо, адресованное доктору Мэннингу. А? Не хочу никого обидеть... — приподняв густые рыжие брови, Томас доверительно ухмыльнулся.

— Оно не странное, — устало ответил Фрэнсис — Я случайно узнал, что первым из завещателей банк вычеркнул меня. Потом вписал снова Фигурару. В то время, когда я в завещании в данный момент, я не знал — он помолчал и добавил, положив перчатки на журнальный столик, — и меня это не волнует особенно.

— И все-таки, я должен побеседовать с доктором Мэннингом. Тоже формальность, конечно. С извинениями, сэр, я так понимаю, что основной наследницей является леди Рейли.

— Полагаю, да. И от этого зависит будущее кинематографа.

— Буду...? Извините?

— Нет, нет, ничего, — сказал Фрэнсис. — Я хочу чего-нибудь выпить. Побеседуйте с кем-нибудь другим.

Он, сгорбившись, побрел прочь, и инстинктивно некоторое время пристально смотрел ему в спину, потом обернулся к остальным и предостерегающе поднес карандаш:

— Итак, джентльмены, — продолжал он энергичным тоном, — уже поздно, все дела можно отложить до завтрашнего утра. Да и моя жена беспокоится, когда я задерживаюсь. Конечно, — поправился он, опустив углы губ, — это обстоятельство не может препятствовать исполнению служебных обязанностей, но... но мы же не можем беспокоить дам среди ночи, правда? А? Да, можем. Так что, теперь вы, сэр, — он неожиданно указал на Кестевана — и тот вздрогнул, — теперь вы расскажите о событиях этого вечера.

Кестеван отряхнул с рукавов невидимую пыль, неуверенно огляделся и встретился с предостерегающими взглядами сэра Джорджа и Мэссея. Но в отсутствие

Фрэнсиса он чувствовал себя значительно непринужденней.

— Ну, лично я ничего не знаю, инспектор,— сказал он.— Абсолютно ничего.

— И все-таки расскажите, пожалуйста, как вы провели вечер.

— Так... я... значит, сразу после обеда поднялся наверх,— заговорил Кестеван каким-то сомнамбулическим голосом, устремив испуганный взгляд на сэра Джорджа.— Я все время писал в комнате. Моей тетушке Маргарет. Если вы не верите, я могу показать вам письмо,— вызывающим тоном добавил он — Я узнал о случившемся, только когда ко мне поднялся лакей и все рассказал. Потом я... и спустился вниз. Вот и все, что я знаю.

— Вы не покидали комнату в течение вечера?

Кестеван открыл было рот для неосмотрительного «нет», но тут вмешался сэр Джордж.

— О! Только тогда, когда вы видели Дорис! Правда, мистер Кестеван?

— Да,— после короткого молчания тот. Настороженный взгляд его лакированных глаз скользнул от сэра Джорджа к инспектору, но, не почувствовав никакого подвоха в вопросе, Кестеван продолжил. — Я, э-э... да. Я ее видел. Она была в комнате леди Рейли. Я вам говорил.

Морщина на лбу инспектора стала глубже; он грузно наклонился над Голтом, чтобы заглянуть в план здания, лежащий на ручке его кресла.

— Хм. Так... Комната леди Рейли. Но ваша собственная комната находится в противоположной части дома. Абсолютно в противоположной. Как вы умудрились увидеть ее?

— Ну как... Я собирался заглянуть на минутку к леди Рейли,— слегка изумившись, ответил Кестеван.— Я частенько к ней захожу. Мы беседуем о... о книгах и прочем.

— Фу-ты! — пробормотал инспектор и подкал языком. Его лицо выражало сильное неодобрение, и глаза были выпучены сильнее обычного.

— Сэр, у вас есть обыкновение заглядывать к замужним леди в спальни? И по ночам?

Вид Кестевана был жалок.

— Я... ну, я... о, какого черта! — произнес он. В его

лакированных глазах впервые мелькнуло что-то человеческое. До сих пор даже в гневе он казался лишь дерзкой театральной куклой. Он бессильно развел в сторону мягкими ручками и пожал плечами.

— И вы зашли туда?

— Нет. Я увидел служанку и не стал заходить, — наивно объяснил Кестеван. — Я вернулся к себе.

— Ага, — очень многозначительно протянул инспектор. Прижав к подбородку указательный палец и как-то наклонившись всем телом вбок, верзича глядел сверху вниз на актера.

— Понятно. Вы не стали заходить. Идти, это не мое дело. Когда именно вы ее видели?

— Ох, боже мой! Ну откуда мне знать? Все постоянно задают мне этот вопрос, но я не могу знать? Где-нибудь около половины двенадцати.

Трэйп сделал еще одну пометку в блокноте.

— Итак, вы сразу вернулись? И правильно вас понял?

— Да. Послушайте, вы не верите? Клянусь вам!

— Ну хорошо, — согласился инспектор, морща большой нос. Немецкие часы в углу комнаты жизнерадостно отбивать полночь, и сияющий жеманный человек пошел вокруг циферблата.

— Еще надо задать пару вопросов доктору Моннинггу, — продолжал Трэйп, — подняться наверх на минутку... И на сегодня, думаю, можно закончить.

Когда он ушел, сэр Джордж вскочил с кресла и стал взволнованно вышагивать взад и вперед перед камином.

— Все это, — сказал он, — начинает казаться все ужасней и ужасней. Давайте смотреть правде в глаза. Теоретически можно предположить, что эти преступления совершил взломщик или кто-либо извне. Но мы знаем, что это не так. Взломщик не стал бы красть вчера перчатки, чтобы сегодня вернуться и начать душить ими людей. Так что, давайте признаем: преступником является кто-то из нас.

Гонт наклонился к камину, чтоб выбить пепел из трубки.

— Между прочим, Джордж, — вдруг спросил он, — а когда именно были украдены перчатки и тетива?

Сэр Джордж заколебался и взглянул на Мэссея.

— Точно сказать невозможно, — ответил тот. — Лорд Рейли порой заходил в Ружейный зал каждый день, а временами не бывал там чуть ли не неделями. Сначала он обнаружил пропажу перчаток — это было два или три дня назад. А пропажу перчаток он обнаружил сегодня вечером, поэтому и закатил мне такой грандиозный скандал (что бы здесь ни случилось — всегда во всем виноват бывал я). Но это вовсе не значит, что их украли в разное время. Лорд Рейли мог просто не заглянуть в витрину, где лежали перчатки, может быть, она уже пустовала к тому времени.

— Именно это мне и кажется странным, — сказал сэр Джордж. — Но постойте. Давайте все по порядку. — Он потер глаза толстой ладонью и потом сделал туманный жест, словно пытаясь схватить нечто неосознанное. — Начнем с того, что любой из нас — любой из нас — мог убить Генри... лорда Рейли. У всех самым удивительным образом отсутствует алиби именно на эти критические десять-пятнадцать минут после полновинны десятого. Я находился один в бильярдной. Конечно, чертовски маловероятно, что я прополз (если вообще можно представить меня ползущим) в Ружейный зал, незамеченный Брюсом или доктором Тэйлрэйном, и убил его. Но все-таки, в бильярдной я находился один.

— О, послушайте... — неуверенно запротестовал Тэйлрэйн.

— То же относится и к Фрэнсису. И это маловероятно. Но, все-таки, он ведь пропадал где-то в поисках виски. Мы оба выглядим довольно неубедительно в роли обвиняемых. Но алиби у нас нет.

Мистер Кестеван один сидел и писал в комнате — или прогуливался по замку. У него тоже нет алиби.

Потом, леди Рейли и доктор Мэннинг. Они могли бы поручиться друг за друга, если бы в самое опасное время доктор не пошел бы проверять мотор своей машины.

Показания Вуда или миссис Картер тоже бездоказательны. Конечно, граммофон орет оглушительно — но, все-таки, на звонок дворецкий не ответил. Более того (это все только мои фантазии), мы можем уверенно заявить, что звуки такого граммофона вовсе не означают присутствия в комнате человека. Это устройство автома-

тическое и
без необходи
В самом
ция. Она ф
совершилось
мы должны
бедительны

И, након
сте — докто
таком же о
верно сказа
но немысли
какой-то пр
те клясться
главную две
навести сле
через дверь
что она был
себя подозр
торией.

У Тэйлр
в кресле и н

— Это,
знаешь...

— Я нич
считаю, что
ка я ничего
но правдив
зрения.

Все замес
стым стака
Тэйлрэйну
ный сон. М
щие полени
Все посмот
почти враж

— Споко
не должен
дению — м
вать надо
виновнос
— Вы
сом...

тическое и проигрывает двенадцать пластинок подряд без необходимости их смены.

В самом угрожающем положении находится Патриция. Она фактически присутствовала в помещении, где совершилось убийство. И что бы мы об этом ни думали, мы должны признать, что ее показания — наиболее небедительны в глазах инспектора.

И, наконец, единственные двое, кто были вместе — доктор Тэйлрэйни и Мэссей — находятся почти в таком же опасном положении, как Патриция. Фрэнсис верно сказал: сговор. Они нам рассказывают совершенно немыслимую историю. Теперь представьте, что по какой-то причине вы двое убили лорда Рейли. Вы можете клясться, что никто не входил и не выходил через главную дверь, вы можете клясться в чем угодно, чтобы навести следствие на мысль, что убийца проник в зал через дверь за гобеленом. Только вы-то не знали о том, что она была заколочена. Итак, ваша попытка отвести от себя подозрение оборачивается этой фантастической историей.

У Тэйлрэйна холодок пробежал по спине. Он поерзал в кресле и начал было:

— Это, конечно, твои домыслы, ты же прекрасно знаешь...

— Я ничего не знаю, — отрезал сэр Джордж. — Да, я считаю, что подобное объяснение нелепо. Но наверняка я ничего не знаю. Так же, как не знаю, насколько правдивы показания остальных. Вот моя точка зрения.

Все замолчали. Гонт, закрыв глаза, сидел в тени с пустым стаканом в руке, его дыхание было так ровно, что Тэйлрэйну вдруг показалось, что он погрузился в пьяный сон. Мэссей подошел к камину, поворошил пылающие поленья, и медленная дрожь прошла по его телу. Все посмотрели друг на друга внезапно подозрительно и почти враждебно...

— Спокойно! — предупредил сэр Джордж. — Никто не должен обижаться. Просто это нужно принять к сведению — может быть, в целях самообороны. А подозревать надо того, кто слишком громко вопиет о своей невиновности.

— Вы имеете в виду меня? — произительным голосом спросил Кестеван.

— Я никого не имею в виду, — мягко ответил баро-

нет.— Так, теперь давайте поразмыслим над остальным...— Он замолчал, увидев входящего Фрэнсиса. Худое узкое лицо молодого человека раскраснелось, в глубине его глаз мерцал огонь. Похоже, он принял не один стакан. Под светлыми жидкими его усами играла кривая усмешка, и он был как-то мрачно возбужден.

— О, не трясись окровавленными кудрями при виде меня, друг мой. Я имею в виду: что за трагичные взгляды? Мне не нравится выражение вашего лица.— Он остановился посередине библиотеки и прищурился.— В чем дело?

Сэр Джордж вытер потный красный лоб:

— Боюсь, я тоже вливаю в это дело, Фрэнк. Я как раз говорил о том, что ни у кого из нас нет алиби на время, когда был убит твой отец. Поэтому... Где находился каждый из нас в момент убийства Дорис?

— Ого! — Фрэнсис подошел к камину и протянул ладони к огню — Нашем вопросе, когда именно Дорис умерла? Убей меня боги, если я помню.

Снова молчание. Тонко растерялся: перед его умственным взором проплывали какие-то бессвязные видения — чьи-то лица, слышимые звуки, огромный граммофон, ревущий гимны, и Вуд с красным покрывалом в руках над телом Дорис.

— Я тоже не помню, — услышал он собственный голос.— Мы все были очень взволнованы. Сомневаюсь, чтоб кто-нибудь обратил внимание... Доктор сказал, что она умерла минут за десять до того, как мы ее обнаружили. Вот и все.

— Давайте посмотрим, — Фрэнсис потер руки над огнем.— Мы отвели Пат в гостиную... мы осмотрели тело... вышли и расспросили Пат... Брюс проводил ее наверх... потом мы — вы, сэр Джордж, доктор Тэйлор и я — поговорили некоторое время в гостиной. Потом я пошел за Кестеваном... Пойдите-ка, а мы точно знаем, как долго она была мертва? Я имею в виду, доктор Мэннинг действительно говорил лишь о десяти минутах?

Сэр Джордж нетерпеливо притопнул ногой:

— Лично я в этом сомневаюсь. И лично я подозреваю, что этот Мэннинг незаурядный позер. И что тогда он заботился больше о произведенном его словами эффекте... Но, тем не менее, давайте допустим, что он был прав.

— Тогда все сходится на мне, — сказал Фрэн-

сис.— Да, я пошел за Кестеваном. Но, уверяю вас, этот джентльмен не особо волновал меня. В действительно-сти я хотел посидеть где-нибудь в темноте и немного успокоить нервы.— Он говорил решительно и отрыви-сто.— В столовой было темно. Я сидел на стуле и трясся. Я слышал граммофон Вуда. Эта чертова штукавина пела «Веди нас, Свет благой».— Он взъерошил волосы и по-пытался небрежно улыбнуться.— Я хочу сказать... бо-юсь, я заметил слезы в глазах старика Стейна. Чувствую ка-кая-то! У меня было ощущение, что я смотрю какой-то дешевой фильм. Потом я сказал себе: «Послунай, па-рень, это все вздор. Ну-ка, соберись сейчас же». Что я и сделал. И пошел наверх. Как долго я сидел в столо-вой — не знаю. Уже наверху меня нагнал Вуд. Вот и все.

Вдруг Тэйлрэйна озарило.

— Стойте! — он приподнялся с кресла.— Я вспом-нил. Вуд упомянул время, когда он обнаружил труп. Он сказал, что собирался делать вечерний обход... в десять с четвертью. Вот так.

Сэр Джордж снова забежал перед картином:

— Короче говоря, если мы принимаем заключение доктора Мэннинга, значит, убийство произошло около десяти часов. Посмотрим. Мы с вами, Майкл, разгова-ривали в гостиной. Сначала вы были вместе с Брюсом, потом — вместе со мной. Ваши дела, кажется, не так уж плохи, да и мои тоже. А вы, Брюс?

На круглом лице Мэссея изобразилась напряженная мысль. Он медленно заговорил, сопровождая речь лег-кими жестами, словно водя указкой по невидимому плану.

— Сначала мы все были в гостиной... Потом я про-водил Пат наверх. Да. Дал ей снотворного, попытался ее успокоить, немного поговорил с ней — но как долго, не знаю. Когда Пат собралась раздеваться, я ушел. Нет, ес-ли речь идет об алиби, не думаю, чтоб это могло им считаться. Но я говорю правду.

Сэр Джордж обернулся к актеру:

— Мистер Кестеван?

— Я вам уже сказал один раз и повторю столько раз, сколько вы пожелаете: я не выходил из своей комнаты.

— Так... Мы знаем, что доктор Мэннинг спускался осматривать тело Генри. Потом он пошел наверх сооб-щить новости леди Рейли. Надо уточнить у него, сразу ли он отправился куда. И то же самое леди Рейли. И то

же самое Вуд и все остальные. Почти такая же ситуация, что и в случае первого убийства, потому что мы не знаем наверняка, была ли Дорис убита незадолго до лорда Рейли или сразу после него. Опять ни у кого нет алиби...

Движения Фрэнсиса стали тяжелы и вялы. Он больше не изображал ни безучастность, ни истерическую оживленность: это был просто смертельно уставший человек.

— И... что же, сэр? — спросил он.

— А вам не приходит в голову, — медленно продолжал баронет, пристально глядя на дверь Ружейного зала, — что денежная сторона дела — всего лишь попытка отвлечь наше внимание. Мы все заняты мыслью об украденных чеках и прочих деньгах. Но все остальные детали дела совершенно не укладываются в схему ограбления. Другими словами, вам не кажется, что эти чеки украли лишь для отвода глаз.

— Никто, — бесстрастно сказал Мэссей, — не станет красть десять тысяч фунтов лишь для отвода глаз.

— Ох, Брюс, ради Бога напрягите свое воображение! — недовольно завернул сэр Джордж. — Чеки — даже на предъявителя — это совсем не то, что наличные. Мы располагаем номерами серий, а уж в полиции знают, что с ними делать. Нужно быть полным идиотом, чтобы убить Генри из-за этих чеков. И значит, ему... или ей... остается самое большее несколько сотен наличными. Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Оно не имеет никакого отношения к ограблению. Я имею в виду привидение.

— Как? — моргнув, переспросил Фрэнсис. — Привидение?

— Этим вечером ты упоминал о нем в разговоре с нами по дороге сюда, когда старательно изображал из себя нерадостного идиота. Не знаю, почему ты о нем вспомнил. Ты рассказал о том, как Дорис Мундо была страшна напугана, когда ей привиделись рыцарские латы, стоявшие на лестнице в Большом зале. И не стану скрывать, это встревожило меня.

— Встревожило? Почему?

Сэр Джордж смущенно теребил белый жилет на брюшке.

— Очень долгое время, Фрэнк, — осторожно заговорил он, — ты настойчиво подчеркивал, что весь ваш род

одержим легким помешательством. Это стало у тебя навязчивой идеей... Ох, мне пужно бы как-то поделикатней. Но, шутя и посмеиваясь, ты вряд ли осознавал, насколько сильна и опасна эта черта в твоём отце. Ты только не волнуйся.

— Продолжайте, — поворачивая к сэру Джорджу бессмысленное лицо, сказал Фрэнсис; у него дрожали руки.

— Я не стал бы категорически утверждать, что он не мог выкинуть подобную шутку. Постой... Я не имею в виду, что он надевал латы. Это слишком нелепо; и даже если ему это не казалось слишком нелепым — он все равно не смог бы нарядиться в костюм, весящий почти столько же, сколько он сам. Но Генри мог надевать шлем и пару латных перчаток и пугать слуг. Это должно было доставлять ему истинное наслаждение. Только я, я испугался, что, увлекшись своим шутовством, он сможет совершить нечто действительно безумное и опасное. Происшествия подобного рода как-то не смотрятся в прессе. Да и слуги могли подать на него в суд, не говоря уж о том, что вся ваша семья была бы выставлена на посмешище.

— Понимаю, — задумчиво сказал Фрэнсис. — И вы думали, что в качестве жертвы он выбрал самого суеверного человека в замке — Дорис.

— Теперь я так не думаю. Я думаю, что ее пугал убийца — и очевидно, у него были на это какие-то важные причины. Ты упоминал еще лунный свет. Посмотрите на эти перчатки, — сэра Джордж указал на безобразно скрюченные железные пальцы. — Сквозь цветные окна по сторонам лестницы в зал проникает таинственный и зловещий лунный свет. Если кто-нибудь в этих перчатках просто неподвижно стоял на ступеньках, положив руку на перила, — обратите внимание, что перчатки доходят почти до локтя — Дорис могла легко вообразить, что по замку разгуливают рыцарские латы. Тем более, если прежде ее пугали историями с привидениями. Понимаете? Ты помнишь какие-нибудь подробности этого происшествия?

Фрэнсис кивнул и некоторое время молчал, теребя усы.

— Не знаю, пробовал ли когда-нибудь старик пугать Дорис, — наконец ответил он. — Но я знаю, кто пробовал. Ирен.

— Ирэн? — сэр Джордж был удивлен и даже можно сказать потрясен. — Ты хочешь сказать...

— Ах, черт возьми, сэр! Вы же ее прекрасно знаете. Ее взгляды: «смотреть в лицо фактам», «голая правда», «сила», «смелость» и прочий вздор. Всякое суеверие она чует за версту — почище охотничьего пса. Она заинтересовалась Дорис для того, чтоб иметь удовольствие терзать ее. И называла это — «излечить от глупости». Восхитительно, да? Я видел, как она клала похи на полное крест-накрест, чтоб заставить Дорис вздрагивать. Я видел, как она толкала ее под локоть, чтоб та уронила и разбила зеркальце. Или рассказывала какую-нибудь леденящую кровь историю, чтобы потом расхохотаться и обозвать Дорис гусыней за то, что она поверила... Ирэн говорила, что провела с ней такой психоаналитические опыты.

Бессильная ярость и отвращение застыли на лице Фрэнсиса, как тонкая маска. Он сжал кулаки и продолжал без выражения.

— Иногда мне казалось, что я могу убить эту женщину. Вот она ваша жена, сэр, с ее насквозь гнилой сущностью, черт ее знает!

Наступила неловкая пауза. Не придумав ничего лучшего, Тэйлрэйн вынул часы и невидящими глазами уставился на циферблат. Мэсси начал было рыться в портфеле, но почувствовав, что бессмысленность этого действия слишком очевидна, закрыл портфель и посрзал в кресле с самым несчастным видом. Сэр Джордж стоял, расставив толстые ноги, и маленькими пронизательными глазками изучал Фрэнсиса...

— А сам ты слышал какую-нибудь историю о привидении в латах?

— Нет.

— А можешь вспомнить, что именно случилось в ту ночь, когда Дорис увидела привидение?

— Да, — ровным голосом ответил Фрэнсис. — Могу. У меня есть веские основания помнить это — Он вздрогнул, и лицо его вдруг словно рассыпалось на части. — Извините. Кажется, сегодня я больше не смогу быть бесстрастным британцем. Больше... не смогу.

Значит, было очень поздно, где-нибудь второй час. Я сидел здесь, в библиотеке, и читал и пил потихоньку... Но я не был пьян, — почти яростно добавил он и несколько мгновений пристально смотрел на них; потом

мгновенно опустил взгляд: — Клянусь, я не был пьян. Ей-богу. Я услышал, что кто-то ходит в гостиной или где-то поблизости. Было уже, конечно, очень поздно, но я не обратил на этот шум особого внимания. Я подумал, что это может быть Сандерс. Он, понимаете ли, подает мне стаканчик-другой на ночь и не ложится до тех пор, пока не заберет у меня поднос...

Итак, я читал у каминя и вдруг услышал, как Сандерс входит в библиотеку. Я даже не поднял глаз, а просто сказал: «Поставь на стол и, бога ради, ступай к себе». В ответ раздался голос Дорис.

Я так и подпрыгнул. У нас служанки ложатся спать в десять пятнадцать. Но это действительно была Дорис. Она задержалась у Ирен, расчесывая ей волосы. А потом Ирен вспомнила, что забыла — или солгала, что забыла — книгу одного из своих любимых русских писателей внизу: в гостиной или библиотеке или где-то тут.

И она послала за ней Дорис. Она не помнила точно, где оставила книгу и прекрасно знала, что бедняжка страшно боится темноты. И вот Ирен дала ей свечу и предупредила не включать нищие свет, чтобы не злить старика. В гостиной Дорис книгу не нашла, поэтому заглянула в библиотеку. И пошевелил немного вместе с ней, а потом посоветовал подняться наверх и послать Ирен к дьяволу.

Он протяжно вздохнул.

— И дальше что?

— Я вернулся к чтению. А ей велел включить столько ламп по дороге назад, сколько ей захочется. Я бы сам включил, если б знал, что она так боится Ирен, что не посмеет... Потом я услышал ее визг и стук упавшего на пол подсвечника в Большом зале. Когда я прибежал туда, она была в глубоком обмороке. Лично я ничего не видел. И только на следующий день я узнал из разговоров, что именно она видела.

Мэссей тихо чертыхнулся. Фрэнсис колебался, казалось, он хотел еще что-то добавить к сказанному. Он думал сейчас о Дорис, и это было так очевидно, будто он говорил о ней вслух. Но он только произнес:

— Такая вот история. И делайте с ней, что хотите.

ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО

Сэр Джордж кашлянул:

— Не предполагаешь ли ты, — начал он, — что леди Рейли...

— Я ничего не предполагаю. И мне надоело постоянно находиться в центре внимания. Вы слышали достаточно много, мистер Гонт, — Фрэнсис резко обернулся, — что вы думаете по этому поводу?

Когда Гонт пошевелился и открыл сонные глаза, у всех появилось такое ощущение, что оживает холодная статуя.

— А вот, кажется, и доктор Мэннинг собирается присоединиться к нам, — задумчиво произнес он. — Я бы предпочел задать ему несколько вопросов...

Из ведущего к библиотеке коридора показался Мэннинг; он оправил пиджак и, потирая большие розовые руки, с необычайно мрачным видом направился к камину.

— Просту прощения, — сказал он, — я, кажется, слышал свое имя?..

Гонт сделал легкое движение рукой по направлению к стакану. И к своему удивлению Тэйлрэйн увидел за спиной Гонта Сандерса с графином бренди; до сих пор американец лакея не замечал и совершенно не представлял, сколько времени тот уже находился среди них. Теребя старомодную бородку, Гонт изучал доктора.

— Вы осмотрели тела, доктор Мэннинг? Меня интересует, в частности, тело девушки.

— В общем, да. Но перед следствием надо будет еще составлять подробное заключение экспертизы.

— У меня есть причины интересоваться девушкой. Мы пришли к выводу, что она была задушена и выброшена из окна в открытый коридор, где ее и нашли. Может ли это явствовать из результатов осмотра тела?

Глаза доктора чуть расширились, он кивнул.

— На теле девушки есть слабые — почти незаметные — синяки на боку и левом плече; и у нее вывихнуто бедро. Но такие телесные повреждения она могла получить и в случае отчаянного сопротивления, все же...

— А я полагаю, что она и получила их именно при отчаянном сопротивлении, — раздраженно заговорил сэр

Джордж. — Б
тело с высо
оно не разби
— Можн

тело. Ведь т
когда-нибудь
на сцене (л
таком паден
вяка. Жокс

ми — тоже з
му смертел
правмы: они
практически
да абсолютн

вечно, эти м
детельствую
ригоре. Что
она падала
на ее нежной
следы. Я пра

— Безусл
и в отличие
— Подожд
изурившись
зубам. — У м

торда Рейли
метили, у п
то лорду Ре
зому на пол
зесные повр
оты пятнад

близительно
лия... Не бы
еремя драки
Мэннинг

— Соверш
— У него
хотел на теле?
— Сэр, я
вершено
— Это
Гонт. — С

Джордж.— Боже правый! Джон, нельзя же вышвырнуть тело с высоты пятнадцати-двадцати футов так, чтобы оно не разбилось вмятку.

— Можно,— сказал Гонт,— можно, если это мертвое тело. Ведь тогда оно совершенно расслаблено. Вы видели когда-нибудь, как страшно падают клоуны или комики на сцене (любой другой сломал бы себе позвоночник в таком падении) — и вскакивают на ноги без единого синяка. Жокеев — особенно на скачках с препятствиями — тоже знают этот прием. И, кстати, именно поэтому смертельно пьяные люди редко получают серьезные травмы: они могут падать с лестниц или даже с крыш практически без вреда для себя — все потому, что их тела абсолютно расслаблены, будто лишены костей. Конечно, эти малозаметные синяки на теле девушки свидетельствуют скорее о том, что ее задушили в самом коридоре. Что она сопротивлялась — очевидно. И если бы она падала на землю от ударов убийцы, будучи живой, на ее нежной коже остались значительно более заметные следы. Я прав, доктор?

— Безусловно. И кроме того, ее кости молоды и гибки в отличие от костей лорда Рейли. А он..

— Подождите, пожалуйста, минуточку,— Гонт нахмурившись, легонько постукивал краешком стакана по зубам.— У меня есть кое-какие соображения и насчет лорда Рейли. Скажите мне, прав ли я? Как вы верно заметили, у него старые хрупкие кости. И мне кажется, что лорду Рейли, просто задушенному в драке и брошенному на пол, нанесены значительно более тяжелые телесные повреждения, чем девушке, вышвырнутой с высоты пятнадцати футов. Посмотрим, смогу ли я приблизительно прикинуть, что это за телесные повреждения... Не был ли ему нанесен сильный удар по голове во время драки?

Мэннинг вытаращил глаза.

— Совершенно верно, мистер Гонт. Но как...

— У него сильный вывих бедра и следы сильных побоев на теле?

— Сэр, я не понимаю, откуда вы это знаете? Но вы совершенно правы.

— Это сделал убийца,— задумчиво сказал Гонт.— Скорей всего. Это еще одна темная загадка. Но все они ведут к свету.

— Джентльмены,— после паузы отрывисто сказал

доктор Мэннинг, — думаю, на сегодня я здесь сделал все что мог. Я поговорил с инспектором Тэйпом, он оставит в доме констебля, чтобы вам было поспокойней...

— Вот еще! — резко произнес Фрэнсис. — Вы что, думаете, мы не можем сами о себе позаботиться?

Доктор доброжелательно улыбнулся.

— Мой дорогой мальчик, я просто подумал...

— Прежде, чем вы уйдете, доктор, — прервал его Гонт, — вот еще что... Мы тут скучали и томились, размышляя над несколькими незначительными деталями дела, и были бы вам признательны, если б вы помогли нам. В начале вечера меня здесь не было, но, насколько я помню, вы говорили, что выходили к своей машине около времени убийства лорда Рейли?

Улыбка Мэннинга стала такой широкой, что в глубине рта с мистическим сиянием показалась золотая коронка на заднем зубе. Он был очень непринужден, почти возбужден.

— Ах, да. Я только что говорил обо всем этом с инспектором Тэйпом. Это очень неприятно. — он задумчиво поджал губы. — И очень неприятно также, что чудачества лорда были именно в это время обнародованы посредством диктофонной записи. Все же...

Его улыбка превратилась почти в ухмылку.

— Все же, инспектор сказал мне, когда именно была убита Дорис. Как вы помните, я был здесь, внизу, и осматривал труп сго светлости, потом по просьбе мистера Стейна я поднялся к леди Рейли, чтобы поставить ее в известность о случившемся. Это было, припоминаю, без пятнадцати минут десять — то есть до смерти девушки. И я оставался с леди Рейли (она может это подтвердить) до тех пор, пока почти часом позже меня не позвали осмотреть второй труп. Я не могу настаивать, чтобы вы немедленно уточнили этот вопрос у леди Рейли, потому что она сейчас, несомненно, нуждается в сне после всего этого... э-э... утомительного вечера.

Гонт просто кивнул, и Фрэнсис протянул Мэннингу руку.

— Все в порядке, сэр, — сказал он. — Бесконечно вам благодарны, доктор, и спокойной ночи. Вуд вас проводит.

— И все-таки, — мягко настаивал Мэннинг, кивком головы прощаясь с остальными присутствующи-

ми, — вы ведь спросите ее? Я бы хотел упрочить свое положение в этом деле. Спасибо. Спокойной ночи, джентльмены.

И он проплыл в гостиную, как величественный линкор.

Фрэнсис глубоко вздохнул.

— А теперь, — сказал он, — в постель. Я совершенно вымотан. Все равно, до завтра делать нечего. Я велел Вуду отнести ваши вещи в Королевскую комнату, мистер Гонт. Я провожу вас, если вы сейчас пойдете...

Гонт покачал головой.

— Благодарю. Пожалуй, я еще посижу тут немного. Мне все равно будет не уснуть.

На мгновение вдруг вскинулись его сонные глаза и напряглись ладони, лежащие на ручках кресла.

— Вы можете уснуть. Я вам завидую, мистер Стейн. Я вам завидую.

...И только когда Тэйлрэйн взял свою свечу со стоявшего у лестницы Большого зала столика, он вдруг осознал, что устал смертельно. Кестерли и Мессей уже разошлись по своим комнатам; Фрэнсис отправился на последнее собеседование с инспектором Тэйном. А Тэйлрэйн в обществе сэра Джорджа стал подниматься наверх, чувствуя странную слабость в ногах.

Час ночи. Единственный приглушенный удар гулко прозвучал сразу из нескольких похожих на темные пещеры комнат. В Большом зале горели лишь несколько тусклых ламп; огонь в каминах уже потух, и здесь становилось холодно. Вуд неподвижно стоял у входной двери, готовый проводить инспектора.

Наверху, в портретной галерее, все свечи были уже потушены. Баронет как-то замялся и сказал нерешительно: «Ну что ж... спокойной ночи, старина». Он опустил свечу так, что в ее свете стали отчетливо видны лишь нижние части портретов — ноги в чулках или рейтузах, острия мечей и шпаг.

— Мне в Аббатскую комнату, это в другую сторону. Но послушайте, Майкл, вам не кажется, что по замку сейчас бродит маньяк? То есть убийца?

— Кажется, — спокойно ответил Тэйлрэйн.

— Вот и мне тоже, — сказал сэр Джордж. — На вашем

месте, я бы запер на ночь дверь спальни. Спокойной ночи.

По дороге к своей комнате Тэйлрэйн попытался разобратся в своих ощущениях. Он тщательно сосчитал свой пульс и не обнаружил в нем никаких нарушений. Если это был страх — то страх, весьма отличный от того, который он знал прежде. Сейчас в его висках будто стучал маленький молоточек и удары сердца были тяжелы и гулки. Но Тэйлрэйн готов был поклясться, что никакого страха он не ощущает.

Он не стал включать лампы в своей спальне — ее заливал лунный свет сквозь два окна, выходившие во внутренний двор. Стены были очень толстые; стекла в центре наборных окон были украшены гербами рода Рейли; одно окно было открыто.

В глубине спальни Тэйлрэйн различил кровать, над которой серебром таинственно мерцала драпировка. Под резной каменной полкой чуть теплился огонь, у камина стояли кресло и столик с серебряной вазой фруктов и графином виски.

Высоко подняв свечу, доктор пошел в глубину комнаты. Желтый язычок пламени вдруг вспыхнул в зеркале над комодом. Он остановился, поставил свечу на комод и уставился в зеркало.

На него смотрел худой человек с седящей острой бородкой и близоруко прищуренными глазами. Ему уже столько раз советовали завести очки; он поморгал своему отражению и вдруг почувствовал почти страстное желание выпить глоток ликера и ощутить блаженное тепло, разливающееся в крови. Да, надо бы сходить к окулисту; как странно, как невероятно, что такие обыкновенные мысли могут приходить на ум, когда внизу, в музыкальной комнате, лежат два окочевевших тела, и убийца спит под этой самой крышей. Но в этом темном зеркале он увидел вдруг нечто большее, чем просто свое отражение. У доктора заслезились глаза, и он почувствовал, как тяжело колотится его сердце о слабые ребра. Как-то таинственные видения неожиданно очнулись к жизни в этом туманном стекле.

...Тихий городок в Новой Англии, омываемый серым морем. Полный граненого стекла белый дом, где он вдыхал теплый и чуть затхлый воздух своей юности. Рассвет: шум и плеск воды в туалетных комнатах согласно распорядку, которому подчинена вся жизнь в ча-

Спокойно
пытался
но сосчита
нарушения
ный от то
сках буд
были та
ться, что
— ее за
шие бо
текла в
и рола
на
Под
мина
ов и
м-
а-
у-
й

стной школе; чтение утренней молитвы с еще слипаю-
щимися от сна глазами; долгожданные письма, полные
суровых отцовских наставлений, написанные паукооб-
разными буквами; или гротонские игровые площадки
ранней весной, когда пицат летучие мыши гоняще еще
мертвого леса...

Потом Гарвард; тихие деревья в университетском
дворе; мрачные здания из красного кирпича с белыми
рамами окон; времена, когда еще звучал сардонический
голос мистера Вильяма Джеймса, и был жив еще на-
смешливый доктор Оливер Холмс; пение в хоре списки
в журнале декана; и — в течение следующих тридцати
лет — полный покой.

Созерцая свое отражение, Тэйлрэйн вспомнил и ти-
хие комнаты на Братли Стрит; камин голубого фарфора
и три белые стены, заставленные книгами. Однажды
вечером он видел убийцу. Гнев и ненависть, что голубые
хлопотать в человеческом сердце, он ощутил тогда как
отдаленное эхо. Почему-то он был тронут сильнее,
не больше, чем если бы наблюдал ее в ярмарочном ба-
лагане.

Что это, врожденный порок души? Трудно сказать.
Но одно несомненно: молодой Фрэнкис Стэнли любил
Дорис Мундо.

Движимый внезапным порывом Тэйлрэйн пронес
ладонь над огнем свечи. Но пронес быстро — и ничего
не почувствовал. Для себя он не мог вообразить такую
степень отчаянья и безумства, чтобы можно было стать
безжалостным к самому себе: сжигание рук над ог-
нем — не для него. В его собственном прошлом, где то
очень далеко, маячили лишь бледные призраки влюб-
ленности. Та девушка с желтыми розочками на талии,
которую он водил в старый Критерионский театр в
Нью-Йорке на пьесу Вильяма Жилетта. После спектак-
ля они ехали в кэбе — и она сидела, почти прижавшись
к нему; но он говорил тогда (самым неуместным обра-
зом) о Генрике Ибсене. Потом был еще безразумный
синий чулок из Бикон Хилла; на ней он чуть было не
женился. Но — что скрывать? — просто испугался. Было
так легко развеять все мечты и думы, сотканные из
шрифта романов и света настольной лампы сочного
покоя библиотеки и братства таверны Мермюйда. А же-
на (бедняжка) — это существо, которое интересуется
шляпками и светской болтовней, да тем, как была одета

миссис Кто-то-там к чаю. И самое плохое — она стремится воплестить в муже свои честолюбивые помыслы. И согласно холодной логике лучше было не рисковать в поисках счастья и не пытаться раскрасить страницы книги жизни.

Тэйлрэйни резко накрыл ладонью язычок пламени и немного сплющил горячий мягкий кончик свечи. Комната погрузилась во мрак, и лишь бледно-голубой свет луны лежал на полу, повторяя очертания окон. И где-то в ночи плакал Фрэнсис о том, что маленькая девочка умерла...

Тэйлрэйни наощупь пробрался к камину, налил себе полстакана виски, и выпил не поморщившись.

Ему стало несколько лучше. Он вдруг почувствовал, что ему передались настроения покойного лорда: здесь, в этом замке, электричество казалось просто анахронизмом. Он зажег свечи, приготовленные на каминной полке для благонамеренных гостей, и присел на кровать чтобы раздеться. Его халат висел в стенном шкафу. Было немного непривычно, что в этом доме совсем не пользовались деревянными шкафами. А эти, стенные, очевидно, сделаны относительно недавно: строители просто вынули из толстой стены несколько каменных блоков. Еще в спальне лорда Рейли Тэйлрэйни с некоторым удивлением обратил внимание на эти глубокие ниши. Двери их были сделаны из толстых дубовых панелей, и каждый шкаф прорезался таким образом в маленькую звуконепропускаемую камеру. «И наверное, — подумал Тэйлрэйни, беспокойно глянув на кровати, — в них легко разводятся всякие насекомые-паразиты».

Ночь была приятно прохладной. Помешав угли в камине, Тэйлрэйни в халате подошел к раскрытому окну, сел на край глубокой ниши и зажег трубку. Конечно, есть опасность получить ревматизм — в его возрасте надо быть осторожней, — но вид из окна действовал на него необычно умиротворяюще.

Легкий туман поднимался над призрачным двором; окна напротив слабо серебрились в лунных лучах, и где-то очень далеко бормотал водопад. Он видел протяженный крытый балкон над аркадой; тот самый балкон, что вел к спальням лорда и леди Рейли.

В одном окне горел свет.

У Тэйлрэйна слипались глаза; слегка заемела при-

ходя к каменной ст...
нужно, не в си...
дантика. Во всем...
е не было видно...
одно светилось по...
Сосредоточенно...
расситал воздух...
данный совсем не...
мше совсем не...
ания. Этог темн...
слишком б...
слишком ста...
то действия ста...
и столь же тр...
уж уж страшны...
ли целью-дву...
делению изр...
вариятые, к...
рыках. Было...
же Горация...
иф'. Нет, что...
злось для то...
жаса...

Тэйлрэйни
зотизирован
ромном здан
ась вертиг
спальни лед
Слабо р
злюбный в
балкону в
прекратил
лась.

«Собака...
убежала,
поняла, ч...
на, задум...
Ино...
в ту нощ...
ных л...
ком...

жата к каменной стене спина, но он продолжал сидеть неподвижно, не в силах отвести взгляд от этого светлого квадрата. Во всем замке царила гробовая тишина; нигде не было видно ни огонька — и только одинокое окно бледно светилось под навесом балкона.

Сосредоточенно нахмурившись, Тэйлрэйн трубкой пересчитал окна. Точно, это спальня леди Рейли. Прохладный воздух забирался ему под халат, но доктор больше совсем не ощущал трагичности мрачного окружения. Этот темный замок в лучах заходящей луны казался слишком бесплотным, слишком призрачным; место действия старинных легенд, полных традиционного зла и столь же традиционных привидений. Они были не так уж страшны, эти привидения: они стегали и потрясали цепью-двумя, и произносили соответствующие их положению изречения — столь же однообразные и общепринятые, как поздравления на рождественских открытках. Было сомнительно, чтоб они могли испугать даже Горация Уолпола или романтическую миссис Радклиф¹. Нет, что-то большее, значительно большее требовалось для того, чтобы заставить готические колокола ужаса...

Тэйлрэйн все глядел и глядел. Он был почти затинирован видом маленького светящегося окна в огромном здании напротив... Рядом с окном вдруг появилась вертикальная полоска света: открылась дверь спальни леди Рейли.

Слабо раздались приглушенные звуки, похожие на злобный визгливый лай. Крошечная тень метнулась по балкону в луче света, за ней — другая, большая; и лай прекратился. Полоска света исчезла: дверь закрылась.

«Собачка леди Рейли, — понял Тэйлрэйн — Чуть не убежала, но леди Рейли успела ее поймать... Тут доктор понял, что у него совсем слипаются глаза; он слез с окна, задул свечи и улегся.

Иногда ему казалось, что он вообще не сомкнул глаз в ту ночь. Безобразные видения, неясные образы огромных людей в масках проплывали перед его взором в каком-то бредовом полусне. Все страхи, которые он поста-

¹ Гораций (Хорас) Уолпол (1717—1797), Анна Радклиф (1764—1823) — английские писатели, авторы «готических» романов. (Ред.)

рался подавить днем, вдруг хлынули в его спящее сознание. Постель была холодной и жесткой; один раз Тэйлрэйну показалось, что он кричит во сне. Но все-таки, видимо, он спал, потому что когда он вновь полностью очнулся, за окнами уже брезжил бледно-серый свет.

Всю ночь ему слышался шелест плюща за окнами и мерещились шорохи, будто кто-то карабкается по стене. Он смутно припомнил, что последнее предостережение сэра Джорджа «на вашем месте я бы запер дверь» очень долго звучало в его ушах и что он действительно вставал и ходил босиком к двери, чтобы запереть ее. Сквозь утренний полусон уже давно он слышал мерный звук чьих-то шагов.

И вот, уже совершенно проснувшись, он лежал и слегка дрожал под одеялом. Вски были налиты тяжестью, и его старые кости ломило. Проснулись птицы и оживленно и многоголосно защебетали в зарослях плюща; слышался плеск крыльев.

Но звук размеренных шагов, который Тэйлрэйн почитал было частью своего сна, продолжался и наяву. Предрассветный холодок был резок; шаги звучали очень отчетливо, и по гулкому их эху Тэйлрэйн догадался, что кто-то прохаживается по галерее внизу. Мир уже был наполнен щебетом и частым хлопанием крыльев. Дрожа всем телом и чувствуя легкое головокружение, Тэйлрэйн встал, неловко накинул халат, подошел к окну и, шурясь, выглянул наружу.

Внутренний двор был погружен в неверный полусвет. На востоке небо чуть розовело, но зубчатые стены замка еще дышали ночью. И все звучали мерные шаги под сводами галерси.

В комнате леди Рейли до сих пор горел свет.

Светлое окно казалось неким символом жизни в мире, где все, кроме птиц, еще объято мертвым сном; этот свет будто охранял глубокий покой замка, как охраняли его одинокие шаги, звучащие по каменным плитам. Очевидно, из окна Тэйлрэйна раздался шорох, потому что шаги вдруг прекратились. Потом на середину замощенного грубым булыжником двора вышел высокий худой человек и несколько мгновений стоял неподвижно, глядя на доктора.

Потом человек легким кивком головы поманил его к себе. Внезапный ужас стеснил грудь Тэйлрэйна: Никто в таинственном молчании появляется из-под старинных

галерси, и
его пера
Тэйлрэйна
Доктор долгое
внизу, пре
Он автоматиче
так: это а
покидати
вни
сквозьякам
джентл
по той ли
нибудь по
нелепо.
Но он по
Пока он п
дрзм, он ус
какое чувст
его телу.
в небо
еще стел
Генту.

Тот, в
черной шл
бал Тэйлр
и разжег
сводами

И так
ка не от
ходили
не откр
трубам
ми сте

И
ликий
от уж
ней.
объя
щущ
серд

снодов галерей, и хоть видом он схож с человеком, но черты его неразличимы в полумраке. И этот Некто манит Тэйлрэйна вниз разделить с ним призрачную прогулку.

Доктор долгое время пристально смотрел на неясную фигуру внизу, прежде чем понял, что это Джон Гонт.

Он автоматически потянулся за одеждой и при этом думал так: это абсолютно нелепо. Я, Майкл Тэйлрэйн, должен покидать теплую постель в этот ранний час и спускаться вниз, чтобы прогуливаться по предубаюмой сквозняками галерее со слегка помешанным помещиком, очень похожим на меня самого, — по той лишь причине, что ему взбрело в голову с кем-нибудь пообщаться. Да, я понимаю, что это абсолютно нелепо.

Но он пошел вниз.

Пока он плутал в потемках по протяженным коридорам, он слышал отдаленный звон будильников, и некое чувство облегчения теплой волной разлилось по его телу. Розовые облачка летели узкими вымпелами в небе над восточными башнями замка; но по земле еще стелился туман, когда доктор присоединился к Гонту.

Тот, в наглухо застегнутом черном пазыто и мягкой черной шляпе, надвинутой на глаза, молча приветствовал Тэйлрэйна и протянул ему кисет. Американец набил и разжег трубку и зашагал в ногу с Гонтом под сырыми сводами галерей.

И так они ходили молча взад и вперед до тех пор, пока не отпустили Тэйлрэйна все ночные ужасы. Так они ходили, пока не стали громче звуки жизни в замке; пока не открылись двери и не завились струйки дыма над трубами; и пока рассвет не разлился рекой над зубчатыми стенами.

И так они все еще ходили, когда с балкона раздался дикий визг служанки, и та, полусонная и обесумевшая от ужаса, все визжала и визжала, когда они подбежали к ней. Ей потребовалось несколько долгих минут, чтобы объяснить им, что она обнаружила леди Рейли, лежащую на кресле в своей гардеробной с простреленным сердцем.

СТЕННОЙ ШКАФ ЛОРДА РЕЙЛИ

Тэйлрэйни никогда не узнал, как Гонт сумел успокоить девушку и убедить ее не поднимать на ноги весь дом. Очевидно, дело было не в конкретных словах, пусть и произнесенных с характерной для Гонта доброжелательностью и спокойствием; скорей — в неотразимом воздействии самой его личности на людей.

Собственно, Тэйлрэйни особенно и не задавался этим вопросом. Он знал только, что выкурил с полдюжины трубок натоцак, и что его подташнивает как по этой причине, так и от ужаса перед лицом новой трагедии.

Гонт спокойно расспрашивал служанку. Это была приземистая девица с бесстрастным лицом, та самая Энни Моррисон, что дежурила в комнате с Дорис Мундо. Всхлипывая и всхлипывая, она рассказала следующее. По приказанию миссис Кэмпбелл она была встать пораньше, пойти на кухню, посмотреть в чайные комнаты и затопить печь, чтобы к завтраку было тепло в гостевых, к восьми часам, вода для мытья уже успела нагреться. Проходя мимо раскрытой двери в спальню, она увидела, что в спальне леди Рейли горит свет. Так как ее светлость часто забывала выключать лампы на ночь то в одной комнате, то в другой, а его светлость страшно скандалил по этому поводу, Энни решила предотвратить возможные неприятности.

Заглянув в окно спальни, она увидела, что постель леди Рейли пуста. Она постучалась, но безрезультатно. Дверь была открыта и, войдя в комнату, Энни обнаружила, что там никого нет. Тогда она постучалась в гардеробную и, также не получив ответа, осторожно заглянула туда...

Тут Энни Моррисон попыталась описать картину, представшую ее глазам в бледном свете раннего утра, но отчаянно разрыдалась и стала говорить невнятно и бессвязно. Гонт, горящим напряженным взглядом окидывая балкон, хлопнул ее по плечу.

— Послушайте, милая, — мягко сказал он. — Об этом никто не должен знать; пока что, по крайней мере. Вы меня поняли? — Он подождал, пока стихнут рыдания и продолжил: — Я остановился в Королевской комнате, вы слышите? — в Королевской комнате. Пойдите вниз и посидите там, куда я не спущусь. Если кто-нибудь за-

тупит тула, сделайте
хите!
Он некоторое время
жертвом свете электри-

— Вам не кажется
лучше разбудить Фрэнк
Почти возбужденно
— Наконец-то сче-

мшем распоряжении
мел, как я вел дела
Пойдемте, доктор.

Он надел пару то-
дверь спальни. Тэй-
кем, что видел про-
балконе и о том, ка-
Гонт прищуренный
спальню.

В ней было сто-
мешности, как в га-
кануне. Вдоль оди-
вать, покрывало
тела. У изголовья
абажуром. На ст-
книга с заложен-
лом. Надкушен-
положена на кр-
яли две желтые

Тэйлрэйни
реиком трубки
тался уследит

Тот, нах-
вос кресло,
ловый пен-
вел взгляд
напоминаю-
у кровати.

Гонт с-
робную
рез о-
осве-
пер-

глядит туда, сделайте вид, что прибираете комнату. Ну, бегите!

Он некоторое время смотрел ей вслед, и лицо его в мертвом свете электричества казалось серым и безобразным.

— Вам не кажется, — спросил Тэйлрэйни, — что нам лучше разбудить Фрэнка Стейна?

Почти возбужденно Гонт ответил:

— Наконец-то сцена действия находится полностью в моем распоряжении. Это случается впервые с того времени, как я вел дело об убийстве Мордроя в Париже. Пойдемте, доктор.

Он надел пару тонких лайковых перчаток и толкнул дверь спальни. Тэйлрэйни поспешно рассказал ему обо всем, что видел прошлой ночью: о появлении собаки на балконе и о том, как внезапно оборвался ее лай. Кивая, Гонт прищуренными глазами осматривал освещенную спальню.

В ней было столько же блеска, острых углов и современности, как в гардеробной, где Тэйлрэйни побывал накануне. Вдоль одной стены стояла длинная низкая кровать, покрывало на ней было смято и на нем остались отпечатки тела. У изголовья бледно сиял торшер с серебряным абажуром. На столике рядом лежала осыпанная бумагой книга с затопленным в нее изогнутым серебряным книжало. Надкушенная шоколадная конфета была аккуратно положена на край серебряной пепельницы, рядом стояли две желтые коробки дорогих сигарет.

Тэйлрэйни слышал, как Гонт легко постукивает черенком трубки по передним зубам. Американец попытался уследить за взглядом Гонта.

Тот, нахмурившись, рассматривал низкое квадратное кресло, на котором лежал кружевной розово-лиловый пеньюар с широкими рукавами; потом перевел взгляд на две нежно-розовые вещицы с бантиками, напоминающие ночные тапочки, они аккуратно стояли у кровати.

Гонт стремительно прошел к двери, ведущей в гардеробную, и открыл ее. Утренний свет, проникающий через окно, был уже достаточно силен, чтобы как следует осветить безобразную и жуткую картину, представшую перед их глазами.

Леди Рейли лежала на спине в том самом кресле, в котором Тэйлрэйни видел ее накануне. Ее голова была за-

прокинута, рассыпавшиеся рыжие волосы свисали со
пола, и руки были раскинуты в стороны, как-будто она
встречала смерть объятием. Но в мертвых ее густая
словно застыло выражение боли, и потрескалась воссо-
шая помада на мучительно искривленных губах. Она
была в бледно-зеленой ночной рубашке без рукавов, да
без рукавов, потому что довольно грязный черный капот
сполз с ее обнаженных плеч.

Но в первую очередь в глаза бросались огромные
темные пятна на ночной рубашке. Казалось, у нее была
вся грудь разворочена выстрелами.

Тэйлрэйн вздрогнул, когда Гонт неожиданно схватил
его за локоть. Взгляд сыщика больше не был ни сон-
ным, ни скучающим, и голос его дрожал от возбужде-
ния.

— Здесь он наверняка оступился, — сказал
Гонт. — Наверняка оступился. Прошлой ночью он не ос-
тавил ни одной улики. Но здесь скорей всего, можно
будет найти нечто, столь же очевидное и вещественное,
как пуля... и вот на этом-то я его и поймаю...

Притупленное внимание Тэйлрэйна было занято
ужасными кровавыми пятнами на груди леди Рейли. Он
содрогнулся и спросил:

— Вы имеете в виду убийцу? У вас есть какие-то по-
дозрения?

— Я знал, кто является убийцей, еще не пробыв в
этом доме и часа, — ответил Гонт. — В свидетельских по-
казаниях, которые мы с вами слышали, один человек
солгал настолько явно, что я сразу его узнал. Но он
умен. Он не оставил нам никаких прямых улик. И мо-
жет быть, я найду их здесь. Идите-ка сюда.

Позже, пытаясь оценить свои тогдашние ощуше-
ния, американец пришел к выводу, что им владел тог-
да не дикий тошнотворный ужас: он был просто не
в состоянии что-либо чувствовать; он словно медлен-
но погружался в небытие после смертельной дозы
снотворного. Обессиленный Тэйлрэйн позволил под-
тащить себя к креслу, на котором лежало окоченевшее
тело...

— Выпущено три пули, — медленно проговорил
Гонт, нагибаясь над трупом. — И — смотрите! — одна
прошла точно сквозь сердце; такого меткого попадания
я еще не встречал. Две другие прошли чуть стороной, на
несколько дюймов. — Он прищелкнул языком. — Край

темных отверстий на
стене в упор.
Тэйлрэйн больше не
— Страшный голос Гонт
— Послушайте!

— Нет.

— Но собачий лай.

— Неотчетливо.

— Что наводит

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

— Что наводит в спя

пулевых отверстий на рубашке обожжены порохом. Стреляли в упор.

Тэйлрэйни больше на труп не смотрел, но слышал бесстрастный голос Гонта.

— Странный капот Старый и рваный. И шлепанцы такие же. Послушайте, доктор, а выстрелов ночью вы не слышали?

— Нет.

— Но собачий лай слышали.

— Неотчетливо.

— Что наводит на некоторые мысли,— Гонт устремился обратно в спальню, и Тэйлрэйни с грудом подавил истерическое желание последовать за ним; но он сжал кулаки и остался неподвижно стоять у тела леди Рейли. Мгновение спустя Гонт вернулся.

— Все в порядке,— спокойно сообщил он.— Я нашел под кроватью труп собаки. Задущена. Собака пыталась убежать, убийца гнался за ней через эту комнату и спальню и задушил ее, пока она не успела разбудить кого-нибудь лаем... Посмотрим. Дверь этой комнаты раскрыта. И я не думаю, чтоб оружие он оставил здесь. Будьте любезны, поищите пистолет.

Тэйлрэйни мог провести только весьма поверхностный обыск. Слабо представляя, где именно следует искать, он заглянул под диванные подушки, поглядел на полу и тупо осмотрел мебель. Гони, что-то бормоча себе под нос, стремительно двигался по комнате. Лишь один раз он остановился и пристально взглянул на Тэйлрэйни.

— Вы ее видели вчера, доктор? — спросил он.— Смелая и решительная женщина, я полагаю?

— Не боялась ни черта,— ответил Тэйлрэйни.— Думаю, это и явилось одной из причин моей неприязни к ней.

— Да-да. Это совершенно очевидно. Ага, вот он,— Гонт запустил руку в перчатке за бездыханное тело и извлек оттуда револьвер с курком в виде козлиной ноги, настолько маленький, что весь уместился в ладони.

— Но эта... эта крохотная безделушка... — начал Тэйлрэйни.

— Браунинг двадцать второго калибра,— пояснил Гонт, вертя в руках блестящую игрушку.— О, нет, доктор! Она была застрелена не из него, а из револьвера во-

енного образца, значительно более крупного калибра, думаю, сорок пятого. А этот принадлежит ей. Да, его инициалы на рукоятки.

— Доктор, вы видели когда-нибудь тело человека, застреленного из боевого револьвера? — после паузы продолжал он, рассматривая пистолетик. — Мне приходилось — я был вынужден — применять такое оружие несколько раз. Его пуля не просто делает дыру в теле. Однажды в Рангуне я имел дело с одним человеком, у меня оставалось буквально мгновение до удара его по голове — и я выстрелил. Он был профессиональным борцом (комиссар может рассказать вам эту историю), в общем он весил больше 13 стонов. От удара пули он летел через всю комнату как сбитая кегля. А здесь... вы видите... у леди Рейли даже инициалы с ног не свалились.

Гонт почти уронил пистолет, когда обошел кресло, внимательно разглядывая его.

— Убийца леди Рейли. У него великолепное воображение. Вот почему он сумел убить лорда Рейли таким непостижимым образом. Посмотрим-ка. Это слишком уж смелая надежда, и все же... так, левая рука, вероятно...

Он взял в руку окоченевшие пальцы леди Рейли.

— Да. Этого могло и не быть, конечно, — но вот: следы воска между большим и указательным пальцами.

Тэйлрэйи потер ладонью уставшие глаза.

— И что же? — спросил он. — Что это означает?

Гонт подошел к окну; осмотрев раскрытую раму, он повернулся и чиркнул спичкой, чтобы зажечь трубку. Огонек отразился в его глубоко посаженных глазах.

— Давайте, друг мой, слушаем ваши предположения. Что же здесь произошло?

— Не знаю. Не могу предположить ничего определенного... Очень хочется спать; у меня такое ощущение, что я не спал дня три. — Тэйлрэйи колебался и потом произнес слова, которые в любом другом случае его старомодность и сдержанность никогда не позволили бы ему произнести: — Мне приходит в голову только какое-нибудь любовное свидание...

— Это было не свидание, — нахмурился Гонт. — Далеко не свидание. Что здесь произошло — абсолютно ясно.

Она лежала на кровати, читала и ела конфеты. Услы-

...какой-то подозрительный звук в комнатах мужа. А леди Рейли была смелая женщина. Она поднялась, наде-
ла капот и шлепанцы и взяла браунинг из стола; прошла
через гардеробную лорда Рейли, смежную с ее гардероб-
ной, в его спальню и зажгла там свечу.

Ее подозрения полностью оправдались: убийца был там. А точнее, прятался в стенном шкафу. Она заметила там движение и подошла, чтобы проверить. Преступник начал действовать, только когда она открыла дверь. Он выбил из ее рук свечу, зажал ей ладонью рот и втащил внутрь. Леди Рейли увидела его и узнала. Он закрыл дверь стенного шкафа, прижал ее к себе в темноте и вы-
стрелил в нее три раза в упор. И только потом отнес те-
ло в эту комнату и положил на кресло. Собака побежала от него в спальню и на балкон, где и была поймана и за-
душена... Думаю, в спальне лорда Рейли мы найдем до-
казательства этой версии.

Тэйлрэйи непонимающе уставился на Гонта.

— Надеюсь, вы не шутите? — после долгого молча-
ния спросил он. — Вы ведь еще там не были. Откуда же
вы все это знаете?

— Спальню, конечно, мы сейчас осмотрим. Но объ-
яснить ход своих рассуждений я могу и сейчас.

Гонт как-то странно посмотрел на доктора и улыб-
нулся.

Он пересек комнату.

— Да, дверь в комнаты лорда Рейли открыта, — он повернул ручку, — ах, помню, да, вам говорили, что ле-
ди Рейли обычно запирает ее со своей стороны. Вот
ключ. Хм.

В гардеробной покойного пэра даже окно не было
вымыто. Но при тусклом свете можно было убедиться,
что название «гардеробной» достаточно условно для это-
го помещения. Казалось, лорд Рейли все делал только в
спальне: и раздевался, и одевался, и облачался в один из
висящих в стенном шкафу балахонов. А эта комната бы-
ла страшно пыльной, но почти аккуратной. Они прошли
в спальню.

Хотя Тэйлрэйи не успел основательно рассмот-
реть эту комнату в прошлый раз, ему показалось,
что все здесь осталось в том виде, в каком было нака-
нуне. Но Гонт сразу же указал на свечу в медном под-
свечнике, стоявшую на столе справа от двери при вхо-
де в гардеробную. Свеча была надломлена посередине-

не, и на одной ее стороне застыла выющаяся стружка воска.

— Убийца поставил свечу обратно, — сказал Гонт, — на место, откуда ее взяла леди Рейли, пойдя в спальню. Он внимателен. Так. Ситуация начинает проясняться. Теперь надо заглянуть в стенной шкаф. Было бы здесь посветлее...

— Вчера где-то тут был фонарик...
Потирая лоб, Гонт огляделся по сторонам.

— Что-то его не видно. Конечно, нет... Впрочем, ничего страшного. Достаточно и моей зажигалки.

Он шагнул к стенному шкафу

— Закрывает, видите? Убийца очень осторожен. — Гонт щелкнул зажигалкой и потянул на себя высокую толстую дверь.

— Смотрите, перья ручка есть и изнутри. Я так и думал. Не пропала же. Понюхайте-ка воздух, доктор. Дверь была закрыта со времени убийства. Это оплошность; наш приятель должен был бы подумать об этом. Чувствуете запах пороха? Вот именно. Выстрелы были произведены здесь. Хм. Ну, наконец-то!

Он стоял на коленях, освещая огоньком зажигалки пол, и говорил торопливо и несколько бессвязно:

— Пятна свечного воска. Она уронила свечу. Та сразу потухла, иначе балахоны могли бы загореться. Этот чулан все равно что отдельная комната. Дверь — посмотрите сами — толщиной дюйма три. Итак, друг мой? Это наводит на одну мысль. Опять наш убийца зачем-то тратит время. Он не оставляет труп лежать здесь. Напротив. Ему важно заставить вас поверить, что леди Рейли была убита в другой комнате, и отвлечь наше внимание от этого стенного шкафа. И тут он постарался изо всех сил: он не только отнес тело в гардеробную, но и поднял свечу и поставил ее обратно на стол около двери... Почему он не хотел, чтобы кто-нибудь заинтересовался этим стенным шкафом? Вы заметили что-нибудь, доктор? Ну, скорей же, доктор, в чем тут дело?

Тэйлрэйн не мог ответить, какое-то смутное воспоминание забрезжило в глубине его сознания... Мерцали свечи; до его слуха доносились обрывки невнятных разговоров; люди суетились вокруг него в этой полутемной комнате; и когда Фрэнсис осматривал окна, сам он стоял, тупо рассматривая этот стенной шкаф; и он помнил

висящие в темной его глубине призрачные балахоны... Но сейчас в этой картине словно появилось нечто новое, произошло какое-то неусловимое изменение, но какое именно — определить невозможно. Тэйлрэйни подошел поближе. Нет, все казалось таким же, как и накануне. И все же что-то изменилось. А что — он смог бы вспомнить, наверно, лишь с помощью какого-нибудь мгновенного озарения или уже не смог бы вообще. А сейчас он только смятенно покачал головой, встретившись с пристальным напряженным взглядом Гонта.

— Не знаю. Ничем не могу помочь. Все же.

— Я могу вам подсказать, — медленно произнес Гонт, — но я хочу, чтоб вы ответили без подсказки. Между прочим, могу заметить, что один из балахонов измят до неузнаваемости. Посмотрите! Даже для лорда Рейли это чересчур. Как-будто...

Он смолк и, по выражению лица Тэйлрэйна поняв, что это замечание не наводит его ни на какие мысли, с сухой улыбкой поднялся с коленей. Но перед этим нагнулся и пошарил по полу.

— Гильз нет, — сообщил он — Это может означать либо, что убийца пользовался пистолетом который не выбрасывает гильз, либо — что у него — он просто аккуратно подобрал их, чтоб не оставлять следов. Судя по свече, он очень осторожен.

— Но я не понимаю... — Тэйлрэйни помолчал и сделал неопределенный жест. — Должно быть, это происходило именно так, как вы говорите. Но откуда вы это узнали? По каким признакам?

— А? — повернулся Гонт. — Каким признакам?

— Как вы узнали, что это был посторонний человек, а не кто-нибудь, кого она ждала? И почему вы решили, что она была убита именно здесь?

— О, это все неважно. И слишком просто, — Гонт был как будто раздражен этим вопросом. Он стоял, не сводя глаз со шкафа, и рассеянно поглаживал подбородок. — Она лежала в постели и читала. Кто-то зашел в одну из этих четырех комнат. И если это был человек посторонний, грабитель, он, естественно, не стал заходить в ее спальню. У леди Рейли было время заложить книгу ножом для разрезания бумаги (решительная женщина с железными нервами), положить надкушенную конфету на край пепельницы. И у нее было время взять пистолет из ящика стола, подойти к своему шкафу

(дверь открыта, видите?), чтоб достать капот и шляпку, которые сейчас на ней.

Может быть, злоумышленник был в ее гостиной? Опять нет. Если бы она шла в собственную гостиную, она инстинктивно надела бы тот прекрасный кружевной пеньюар, что лежит у ее кровати, и вот те тапочки. Но будучи женщиной утонченной и разборчивой, она выбрала...

Гонт кивнул в сторону гардеробной.

— Да-да,— медленно сказал Тэйлройн.— Она надела самый старый и самый грязный капот...

— Чтобы идти в некий свинарник. Да. В комнате мужа. Вы понимаете теперь, что это не могла быть какая-то встреча или любовное свидание тем более? Ведь кого бы леди Рейли ни ждала — она едва ли надела бы этот старый ситцевый капот.

— А стеной шкаф в спальне лорда Рейли?

— А! О нем я подумал сразу. Все обстоятельства указывают на него. Хотя внешние стены этих комнат сравнительно толсты, но окна здесь с одинарными рамами, и к тому же окно в комнате леди Рейли открыто. Три выстрела, идущие из такого тяжелого пистолета — сорок гранат стреляет дьявольски оглушительно,— были бы обязательно услышаны вами, если только...

Он указал на стеной шкаф, и Тэйлройн вспомнил такой же в собственной комнате: практически звукоизолированная каменная пещера с дубовой дверью толщиной в несколько дюймов.

— Если только,— подхватил он,— она не была застрелена в одном из этих шкафов при закрытой двери.

— Здесь нет другого места, где это можно сделать,— просто подтвердил Гонт.— А что касается пребывания в шкафу убийцы, согласитесь, маловероятно, что он упал на леди Рейли здесь, а убивать поволок в ту комнату. Вы заметили, что он дал ей время спокойно зажечь свечу, и по состоянию ее — обратите внимание — очень ветхой одежды можно заключить, что никакой борьбы тут не было. Если бы преступник упал на леди Рейли, когда та зажигала свечу, она успела бы выстрелить, не говоря уж о том, что ее капот был бы смят и порван; посмотрите, в нее стреляли спереди. Отсюда следует вывод: он прятался в единственно возможном

здесь месте, желая остаться незамеченным. А обнаружен был, может быть...

Гонт поколебался.

— ...может быть, и собакой. А хозяйка пошла проверить. Да, я склонен предполагать, что первой тревогу подняла собака, и именно поэтому леди Рейли пошла осматривать комнаты мужа. Но все это, конечно, уже из области чистого умозрения. Убийца не решился выстрелить в собаку из боязни поднять шум; поймать ее он не успел, и та рванулась обратно, в спальню к хозяйке. Только после убийства леди Рейли преступник собаку поймал и задушил.

Все это время Гонт говорил как-то автоматически, словно и не думая о собственных словах; и все пристально смотрел на стеновой шкаф прищуренными глазами.

— Но это все не главное, доктор. Все упирается в этот шкаф. Но зачем? Я имею в виду, что же именно делал убийца здесь прошлой ночью? Он очень хотел отвлечь наше внимание от этого шкафа. Опять-таки: зачем?

— И?..

— Кажется, я знаю, — раздраженно ответил Гонт. — Но не хочу воздействовать на ваше воображение. Я хочу, чтобы вы вспомнили, почему этот шкаф выглядит сегодня несколько иначе. И на какие мысли наводит вас этот страшно измятый балахон?.. А тем временем надо подумать, как бы обернуть этот последний ход убийцы в нашу пользу.

Он начал вышагивать взад и вперед по комнате, яростно стуча кулаком о ладонь и разговаривая сам с собой.

— Так. В правом или в левом?.. Черт, не могу вспомнить. Да... вспомнил, в правом! Значит, мы попробуем левый... Мне нужен лист бумаги из кабинета лорда Рейли, — Гонт повернулся к Тэйлрэйну и резко взмахнул рукой, — и, доктор, вы меня очень обяжете, если раздобудете где-нибудь коробочку талька. Он может нам пригодиться.

КОЕ-ЧТО О ЛЖИ

— Сегодня ночью была убита леди Рейли, — сказал Гонт, встав из-за стола.

Он дал им закончить завтрак. Большие часы в столо-

вой только что пробили девять. В льющихся сквозь цветные стекла лучах солнца бледные лица сидящих за столом казались более оживленными и веселыми, чем были на самом деле. Но одной этой фразы было достаточно, чтобы разрушить иллюзию. К завтраку сошли Фрэнсис, сэр Джордж, Мэссей и Кестеван. За минуту до этого к ним присоединился свежесбранный и по-отечески благодушный доктор Мэннинг, которому был подан кофе.

Последний удар часов прозвучал оглушительно в мертвой тишине. Кто-то со звоном уронил на стол крышку от блюда, и Вуд молниеносно шагнул к сэру Джорджу, чтоб подхватить ее, пока она не покатилась по полу. Возившийся у буфета Фрэнсис замер на месте и некоторое время неподвижно стоял спиной ко всем, судорожно сжимая кулаки.

Тэйлрэйн уже давно с ужасом ждал, когда же прозвучат эти слова; с каждым тяжелым ударом его сердца неотвратимо приближалась эта роковая минута... И вот теперь лишь зазвенела серебряная крышка. Тэйлрэйн попытался рассмотреть лица сидящих за столом, но видел перед собой только стоящего у стола высокого худого человека. Единственное, что Гонт сказал ему перед завтраком, было: «Что бы я ни говорил — соглашайтесь со всем». И вот теперь он стоял, рассеянно и небрежно поигрывая моноклем.

Кестеван смертельно побледнел и — почти буквально — окосел. Он начал было подниматься со стула, беззвучно открывая и закрывая рот. Но первым заговорил Фрэнсис.

— Когда она умерла? — спокойно спросил он. — Она была задушена?

— Нет, — ответил Гонт. — Она была убита тремя выстрелами в сердце в собственной гардеробной. Это случилось ночью, но тело мы обнаружили только утром.

Снова воцарилась неестественная тишина, настолько глубокая, что Тэйлрэйн услышал, как Вуд вышел из столовой. Фрэнсис оперся о буфет и истерически рассмеялся, но потом взял себя в руки и, стиснув зубы, подошел к столу.

— Ну что ж, — сказал он. — Ну что ж. Значит так. Интересно, так же легко она относится к смерти теперь?

Он с любопытством взглянул на Кестевана; тот до сих пор пребывал в совершенно пессимистической позе — не стоял и не сидел — и неподвижными глазами смотрел на ведущую в Большой зал дверь, словно какое-то видение предстало там его взору. Он начал было выпрямляться, но потом задрожал всем телом и снова опустился на стул.

— Нет, Кестеван,— прозвучал бесстрастный голос Фрэнсиса,— на вашем месте я бы не стал подниматься к ней. Зрелище может не показаться вам симпатичным.

— Я не это хотел, черт вас побери,— отрезал актер.— Я подумал о Патриции. Она?..

— Она еще спит,— вмешался Гонт — Дженгльмены, слышал ли кто-нибудь из вас шум прошлой ночью?

— Нет,— ответил сэр Джордж.— Лично я не слышал. А если бы и слышал — вряд ли пошел бы расследовать его причину.

— Мистер Мэссей?

Секретарь медленно помотал ступенчатой головой, которую он так и не поднимал с той минуты, как Гонт сообщил последнюю новость.

— Нет. Моя комната находится в другой части дома. Кто... кто нашел ее?

— Одна из служанок. А вы, мистер Кестеван, можете что-нибудь нам рассказать?

— А? Что... Ох! Нет. Нет!

— И, конечно, вы, доктор Мэннинг,— со слабой улыбкой продолжал Гонт,— вряд ли могли что-либо слышать, поскольку вас здесь не было.

Доктор порывисто вытер салфеткой губы. Лицо его пошло белыми пятнами.

— Леди Рейли... какой удар. Я... почему вы мне раньше не сказали?

— Мы с доктором Тэйлрэйном проводили небольшое расследование. Тело мы не трогали — оно в гардеробной. Очевидно, леди Рейли читала, лежа в кровати, и услышала шум в соседней комнате — или ее заманили туда под каким-нибудь предлогом. Во всяком случае, она мертва.

— Да,— доктор Мэннинг несколько раз кивнул тяжелой головой, устремив неподвижный взгляд в стол.— Мне послышалось, вы сказали «застрелена»?

— Да, полагаю, из крупнокалиберного револьвера.

В продолжение всего этого времени одна рука Гонта была скрыта за сахарницей, и Тэйлрэйп увидел, что он рисует какие-то загадочные значки на скатерти.

— И... это сделал тот же человек, который убил?.. — Фрэнсис закончил фразу, выразительно подняв брови.

— Несомненно.

— Но зачем ему было убивать Ирен? И за каким дьяволом он полез в ее комнату?

— Еще одна темная загадка, мистер Стейн. Признаюсь, в данный момент я не могу пролить на нее свет. Ограбление исключается: у леди Рейли в гардеробной хранятся очень ценные украшения... — Он замолчал, сосредоточенно разглядывая нарисованные на скатерти таинственные крестики. — Но для начала, мистер Стейн, у кого в доме есть пистолет?

— Пистолет? Хм-м. Вообще-то у нас в доме явная нехватка пистолетов. В Трофейной комнате есть только обычные ружья... а, да! еще есть старый смит-вессон тридцать второго калибра, раньше я им гонял кроликов. Но, насколько я знаю, им давно уже никто не пользовался. И, кажется, у самой Ирен был пистолет, но еще меньшего калибра.

— Нет, револьвер, который мы ищем, был значительно крупнее. Доктор сможет вскоре это подтвердить.

Фрэнсис закрыл один глаз и приподнял бровь; вид у него был одновременно и злобедный и шутовской.

— Разве что, — протянул он. — Разве что мой собственный автоматический пистолет. Сэрок пятый.

— Так-так, — бесстрастно сказал Гонт. — А где он сейчас?

— Убей меня бог, если я знаю. Я его не видел уже сто лет. Не могу же я стрелять из него уток: их разносит выстрелом в куски. Хотя вот что. Сандерс должен знать; он вроде как мой личный слуга и следит за моими вещами. Послушайте, Вуд!

В дверях бесшумно появился Вуд.

— Позовите сюда Сандерса, будьте любезны. Он сейчас прибирается в моей комнате... Вуд!

— Да, сэр.

— Прикажите Ли осмотреть Трофейную комнату, пожалуйста. Пусть он поищет там пистолет, покрупнее, чем тридцать второго калибра. Итак, мистер Гонт?

— Я с нетерпением ожидаю инспектора Тэйпа. Мы должны быть готовы к его прибытию. И еще я хотел бы послать кого-нибудь из слуг в Элбридж, чтобы он отослал оттуда две телеграммы. Та-ак, если я правильно помню, фамилии поверенных лорда Рейли — Симпсон и Симпсон. Я прав, мистер Мэссей?

Секретарь кивнул.

— Если вам надо, я могу дать полный адрес.

— Спасибо. А его банк?

— Грейт Мидланд, Лондонское отделение. Директора зовут Харлан Дейл.

Гонт записал это на конверте.

— Так. Дальше. Доктор Мэннинг, я не хотел бы снова возвращаться к этому вопросу, но он начинает казаться все более важным. Прошлой ночью я не успел спросить. Это касается Терис Мундр.

— Ах, да, — доктор поправил очки. — Да, еще один... э-э... ужасный случай ужасный во всех отношениях.

— Так, — сказал Гонт. — Мистер Сейн, вы, кажется, говорили, что Терис Мундр была любимицей вашей сестры и также якобы любимицей вашей матери. Будьте любезны, поднимитесь наверх и приведите Патрицию присоединиться к нам, как можно скорее.

Гонт и Фрэнсис обменялись странными взглядами — словно между ними возникло вдруг полное взаимопонимание. Сыщик говорил почти небрежно, но Фрэнсис, казалось, о чем-то догадался; он кивнул и, сунув руки в карманы старой темной куртки, лепиво вышел из столовой.

— А теперь, доктор, — продолжал Гонт. — Вас вызывали вчера осматривать девушку, не так ли? Именно вы установили, что она ждет ребенка. И... давно ли?..

— Около трех месяцев. Вне своего кабинета я могу провести только весьма поверхностный осмотр.

— Так... Это важно. Вы спрашивали ее о, мягко выражаясь, виновнике случившегося?

Доктор порозовел:

— Профессиональная этика...

— Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос, доктор.

В голосе Гонта зазвучали твердые нотки.

— Ну, — сказал Мэннинг, — честно говоря, да. Меня просили об этом и лорд Рейли, и миссис Картер... Но Терис отказалась назвать имя. Вообще она восприняла

все это как-то мелодраматически и безостановочно рвала.

— Она сказала что-либо, что могло бы навести на догадку?

— Мой дорогой сэр! Я же не сыщик!

— Будьте любезны, отвечайте на мой вопрос. С усилением Мэннинг сказал:

— Я помню только одно. Нет, точно не помню. Это было что-то вроде: «Я люблю его, и теперь я не могу сказать ему. Если бы я знала». Она говорила очень невнятно, было трудно что-нибудь разобрать.

— К кому вы отнесли эти слова?

— Я не знаю — доктор Мэннинг поднялся. — У вас здесь нет никаких официальных полномочий, сэр. И я должен настаивать.

— Спасибо, доктор .. А, входите, Вуд. А это, как я понимаю, Сандерс.

Вуд посторонился, и в столовую вошел огромного роста лакей с некрасивыми грубыми руками. Сандерс был очень спокоен. Только его блуждающий взгляд выдавал некоторую растерянность. Усевшись, Гонт некоторое время молча изучал его.

— Сандерс, — наконец сказал он, — вы личный слуга мистера .. ах, извините, нового лорда Рейли, не так ли?

Лакей непонимающе поморгал при упоминании нового титула Фрэнсиса, да и Тэйлройн как-то удивился, услышав его впервые.

— Сэр, — ответил лакей, — это помимо остальных обязанностей. Да, сэр.

— И давно вы у него служите?

— Семнадцать лет, сэр.

— Его светлость сказал, что среди его вещей был автоматический пистолет сорок пятого калибра, но что сам он уже давно его не видел. Вы не знаете, где этот пистолет находится сейчас?

Сандерс кивнул, не сводя тусклых глаз с Гонта.

— Да, сэр, я знаю. Но если он нужен хозяину... очень жаль, сэр. Он сломан.

— Сломан?

— Я хочу сказать, — слегка оживляясь, заговорил Сандерс, — он совсем сломан. Я сам его сломал. И к тому же он потерялся. Потерялся уже очень давно. Я боялся говорить об этом хозяину. Это... Я хотел зарядить его,

но патроны были не такие, как надо. Там заклинило... — Он тяжело сглотнул и поморгал. — Я хотел пистолет починить, но не сумел. А у меня есть друг, он это очень даже умест. В смысле, чинить оружие. Я, значит, ему сказал: «Слушай, Джимми, вот пистолет мистера Френсиса. Сунь его в карман и смотри не потеряй». Ладно, приятель, — это он мне отвечает, — не потеряю». И вот, сэр... — Лакей начал было возбужденно жестикулировать.

— Спокойней, Сандерс, — посоветовал Гонт.

— И вот, сэр, неделю спустя он приходит ко мне, этот Джимми. И говорит так мрачно: «Слушай, старина, очень жаль, но я потерял твой чертов пистолет». «Потеря-ал?» — говорю я. «Ей-богу, — говорит Джимми, — в этот драматический момент повествования Сандерс выразительно поднял правую руку — Ей-богу, вот как. Ты знаешь океан?» — «Какой еще океан?» — спрашиваю я очень подозрительно. «Океан, где находится бухта Карнивал». «Да», — отвечаю. «Ну вот, — рассказывает Джимми, — пошел я с одной девушкой кататься на лодке в этой бухте. А пистолет-то у меня в кармане так и лежит. Как насчет пары поцелуев? — спрашивал я у девушки. Ладно, — говорит она и хихикает эдак — Только лодку не переверни. К черту лодку, — говорю я и поднимаюсь. Но послушай, приятель, она все-таки перевернулась. И пока я бултыхался в воде, разрази меня гром, если пистолет не выпал из моего кармана и не утонул», — Сандерс выдвинул вперед подбородок, поморгал на Гонта и сумрачно добавил: — Вот. Во всяком случае, он мне так сказал. Хотите — верьте, хотите — нет. Но я лично сомневаюсь.

Гонт наблюдал за лакеем с видимым удовольствием.

— Да, здесь едва ли можно винить тебя, Сандерс. Итак, значит пистолет покоится на глубине пяти морских саженей. Весьма прискорбно.

Сандерс шумно и протяжно вздохнул. Гонт вынул из своего кармана маленький блестящий пистолет с курком в виде козлиной ноги, тот, что нашел в комнате леди Рейли, задумчиво покачал его в воздухе, держа кончиками пальцев за ствол, а потом протянул Сандерсу.

— А это оружие вы видели когда-нибудь прежде?

Сандерс взял пистолет и, наморщив лоб, тщательно осмотрел его.

— Забавная штучка, сэр, правда? Извиняюсь, конечно, — лакей стал почти словоохотлив. — Я хочу сказать «ист», сэр. Я никогда не видел его раньше, этот пистолетик...

— Спасибо. И еще одно. Вы очень наблюдательны. Как я понимаю, именно вы заметили вчера вечером мистера Кестевана во внутреннем дворе у Главной башни.

— Да, сэр. — Сандерс перевел взгляд на актера и прищурился.

— Где вы сами находились в это время? Там же, во дворе?

— Да, сэр. Издалека. Гонт кивнул.

— Я хочу спросить: ваше пребывание там поздним вечером вызвано какими-то служебными обязанностями?

Сандерс непонимающе уставился на него:

— Какими-то служебными? А, да, сэр. Я обслуживаю мистера Фрэнсиса, я уже говорил. О, я понимаю, — он кивнул головой. — Понимаете, сэр, комната хозяина расположена там, с другой стороны дома. Мистер Бут, это дворецкий, говорит, что я постоянно мешаюсь и шумлю в коридорах — я ведь часто хожу в комнату мистера Фрэнсиса. И вот, значит, он велел мне ходить туда через внутренний двор и подниматься наверх по задней лестнице — к ней можно пройти через одну из нежилых комнат. А дверь этой комнаты как раз напротив двери Главной башни, через двор. Вот почему я и заметил мистера Кестевана, сэр.

Сандерс замолчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Это все, Сандерс. Спасибо.

Лакей открыл было рот, чтобы что-то спросить, но передумал, неуклюже поклонился, явно пытаясь подражать Вуду, и, грузно ступая, вышел из столовой. Гонт с легкой усмешкой смотрел ему вслед.

Доктор Мэннинг фыркнул:

— Этот человек, конечно, лжет. Извините, мистер Гонт, но почему вы не уличили его? Это же так очевидно... так... ну, я не знаю.

— Так, — сказал Гонт. — А что вы, мистер Мэссей, думаете по этому поводу?

— Насчет пистолета? — уточнил секретарь, что-то рисуя вилкой на скатерти. — Ну, не знаю, право. Мне его

рассказ как-то не показался убедительным. То есть...
черт! — он неловко поерзал на стуле.

— А вы, сэр Джордж?

— Я не знаю. Не знаю. Послушайте, Джон, вам не показалось, что его слова слишком уж наивны и фальшивы, слишком уж похожи на неудачный экспромт? Нельзя же лгать настолько глупо или легкомысленно. Может быть, я ошибаюсь, конечно. Но человек очень умный и расчетливый может рассказать самую нелепую историю, в которую легче поверить именно в силу ее полной неправдоподобности. Вы понимаете, о чем я говорю? И если этот человек сможет подтвердить ее каким-нибудь сфабрикованным свидетельством — ему поверят почти наверняка... Или я рассуждаю слишком утонченно?

Гонт улыбнулся, глядя на сахарницу.

— Вовсе нет. Признаюсь, мне это тоже сначала пришло в голову. Но прямые вопросы ни к чему не привели бы; с такими показаниями он ~~бы~~ должен работать. Но я проверил его другим способом.

Гонт покачал головой.

— Нет, Джордж, Сандерс ~~вовсе~~ не дальновидный утонченный интриган. Думаю, сам он страшно удивился бы, узнав, какие ~~коварные~~, тонко продуманные планы вы ему приписываете. В этом я больше, чем уверен.

— Но почему?

— Он позволил мне снять его отпечатки пальцев, — Гонт легко дотронулся до блестящего пистолета, лежавшего на столе перед ним. — Именно для этого я и дал его Сандерсу. Извините, джентльмены, но это только разновидность старого как мир приема. Настоящий преступник страшно боится оставлять где бы то ни было отпечатки пальцев, даже если он уверен, что не оставил их на месте преступления. И пусть он от начала до конца действовал в перчатках — но мысль, что он все-таки где-нибудь по невнимательности мог оставить один-единственный отпечаток, постоянно страшит его.

— Значит, вы имеете в виду, — заметил Фрэнсис, — что Сандерс говорил правду?

— О нет! Совсем не обязательно. Я только хочу сказать, что Сандерс ~~вовсе~~ не осмотрителен, не умен и не искусен. Но его показания меня определенно заинтере-

совали. Если он и лгал, то ложь его не хуже, чем правда, может помочь нам обнаружить истину.

Сэр Джордж побарабанил по столу толстыми пальцами.

— Кажется, это называется парадоксом. Немного не твой стиль, не так ли?

— Это называется здравым смыслом. Мне бы хотелось, чтоб это сумел понять и инспектор Тэйп.

Гонт вдруг увлекся и забыл (или это просто казалось) о всех сиюминутных проблемах. Он был в настроении поболтать. Почти незаметный жест — и у стола появился Вуд с графином бренди.

— Несколько лет назад, — продолжал Гонт, разжигая трубку, — в полицейских кругах была большая шумиха по поводу какой-то якобы научной аппаратуры, с помощью которой можно фиксировать ложь в показаниях. Это все началось с Юнговского теста на словесные ассоциации: вы зачитываете подозреваемому список явно бессмысленных слов и спрашиваете, какие ассоциации вызывает у него каждое из них. И если подозреваемый медлит с ответом или обнаруживает свои тайные мысли неосторожным словом — этому придается самое злое значение.

Потом появились разные виды так называемых детекторов лжи. Вы прицепляете к подозреваемому какие-то проводки и датчики и наблюдаете за колебаниями его кровяного давления при произнесении определенных ключевых слов. Были в ходу и другие методы; некоторые из них включали в себя даже применение наркотиков, вызывающих приступы правдивости.

Насколько я знаю, были изобретены и испробованы все методы добывания правды, кроме, может быть, одного: когда подозреваемому связывают руки и ноги, бросают в воду и объявляют его невиновным в случае, если он утонет. С точки зрения практической ценности последний метод был бы столь же полезен в выявлении виновного, как и любой другой.

Потому что, уверяю вас, не может же подозреваемый не видеть, что с ним происходит. Он сидит, облепленный датчиками, ему в лицо выкрикивают какие-то загадочные слова, и сердце его начинает бешено колотиться при самых безобидных из них. Именно самые-то безобидные и могут напугать человека больше всего, потому что в них легко подозревать какое-то скрытое ужас-

ное значение. И если человек хоть как-то связан с расследуемым делом, то он и так уже изрядно напуган известными ему фактами, а еще больше — неизвестными; и чем более он невиновен — тем больше его смущение.

Совершенно естественно, что благодаря прессе с фактами всех печально известных дел знакома половина жителей Англии. Скажем, совершится убийство в лавочке продавца птиц в Тотенхэме. Мирный биржевой маклер из Сурбитона, знающий об убийстве только из газет, притащен в полицию по подозрению в совершении этого преступления и поставлен перед следователем. К нему прикрепляют датчики, некто в белом халате совершает какие-то гипнотические пассы над своим блокнотом и вдруг раздражается потоком следующих слов: «Нож, червь, канарейка, дерево, семена, селедка». И если первые пять слов взволнуют бедного клерка не больше, чем предполагалось, то при слове «селедка» его просто пот прошибет, потому что оно слишком явно выпадает из смыслового ряда — и значит, кажется особо зловещим и подозрительным.

Это, конечно, озадачивает следователей, потому что «селедка» к делу абсолютно не относится; она появилась в этом ряду только благодаря дьявольской хитрости психологов — чтобы отвлечь и успокоить мысли пациента. И вот, как следствие, целый штат психологов сидит и ломает свои высокоученые головы в попытке объяснить непостижимый ход человеческой мысли, заставивший убийцу продавца птиц сломаться на слове «селедка»... И это, джентльмены, самое плохое в любой машине. Не знаю, ошибается она или нет — но оператор ошибается всегда. И ничего здесь поделать нельзя.

Гонт сидел с полузакрытыми глазами, откинувшись назад, и дым висел плотным облаком над его головой. Теперь он выпрямился и обвел присутствующих взглядом.

— Видите ли, совершенно бесполезно вставлять медицинский термометр человеку в ухо, чтобы определить температуру его мозга. Оставьте его в полном и совершенном покое. Не пытайтесь заставить его говорить. И запугивайте вопросами только тех, кто болтлив от природы — тогда они станут болтливей обычного. Если человек заготовил заранее замысловатую, пространную и

хорошо продуманную ложь, поймать его будет трудно. Но, к счастью для следователя, ложь обычно не подготавливается и не продумывается — это, как правило, экспромт; но если даже и нет, лгущий не может устоять перед соблазном развить и дополнить свою версию в ходе повествования. Например, если вам очень хочется пойти пообедать с кем-либо, но объективные обстоятельства вам этого не позволяют, ваши извинения перед другом будут кратки и не будут стоять вам никаких усилий. Но если там, наоборот, очень хочется избежать этого обеда, ваши извинения примут вид длинной и подробной истории. Другими словами, отсутствие лишних деталей — является необходимой деталью правдоподобной лжи.

Гонт налил в стакан бренди и стал рассматривать его на свет. Сэр Джордж подался вперед.

— Вы никогда не читаете подобные лекции без какой-то определенной цели, — сказал он. — То есть, вы хотите сказать, что таким образом лжец сам выдает себя? Проще говоря, на которые можно указать пальцем?

— Если он даже и не доходит до противоречий, а это бывает часто, — ответил Гонт, — в любом случае представление о своем характере он дает самое верное. Чаще всего он открывает свои тайные мысли случайно вырвавшимися словами, не предусмотренными в этой лжи, — без всякого допроса. Вот почему, — Гонт сделал большой глоток из стакана, — я люблю иметь в друзьях прирожденных лжецов. Я всегда знаю, что за люди они на самом деле.

Сэр Джордж покашлял.

— Спасибо, — мягко сказал он. — Думаю, вы хотите подвести нас к чему-то. Не история ли Сандерса вдохновила вас на эту лекцию?

— О нет. Давая показания, Сандерс очень явно обнаружил перед нами свои скрытые мысли. Я говорю о более серьезном: об идеальном сочетании двух факторов: лжи, которая не только повергает лжеца в несообразности, но и дает полное представление о его характере.

Услышав голоса в Большом зале, Гонт выпрямился.

— Осмелюсь предположить, это инспектор Тэйп. Пожалуй, мне надо пойти побеседовать с ним.

ПИСЬМО

Тайлор не хотел
сказать об этом; он
пошел к доктору
— Блюститель за
— Я буду за
— Была прочитана
сводя и ра

— И мне тоже,
трудно пытаюсь
идеи в его присутст
— Не так или ог
давал себе невер
место боюсь.

— Да-а, каже
тым голосом зам
этих?

— Ложь, — о
ывания правды
годия в гуще со
же случилось у
Тэйлорэйн с
начиная от в
кончая обнару
упоминать, ч
не лорда Рей
вожал себя та
мысли. Гонт
спектром Т
сился до ст

— Н
други
его с

их
ле
ис

ПИСТОЛЕТ НАЙДЕН

Тэйлрэйи не хотел выслушивать еще раз рассказ о ночных событиях; он остался в столовой, а Гонт в сопровождении доктора Мэннинга вышел. В дверях они столкнулись с Фрэнсисом.

— Блюститель закона, — сказал тот, ткнув большим пальцем за плечо. — Пат скоро спустится. Если я вам понадобится, я буду здесь. О! Бренди! Прекрасно. Что тут происходило в мое отсутствие?

— Была прочитана лекция, — угрюмо ответил сэр Джордж, сводя и разводя ладони. — Не нравится мне все это.

— И мне тоже, — подтвердил Мэссей — Я сейчас судорожно пытаюсь вспомнить все, что я делал или говорил в его присутствии — и боюсь, что я что-нибудь сказал не так или оговорился случайно, и старый черт составил себе неверное представление... Боже мой! Я его просто боюсь.

— Да-а, кажется, он нагнал на вас страху, — странным голосом заметил Фрэнсис — И какова же была тема лекции?

— Ложь, — ответил сэр Джордж, — и способы выведения правды у лжецов. Хм. Манкл, вы, кажется, сегодня в гуще событий. Расскажите нам, пожалуйста, что же случилось утром?

Тэйлрэйи скучным голосом пересказал все события, начиная от виденной им ночью на балконе собачки, кончая обнаружением трупа. Гонт запретил ему только упоминать, что все ночные события произошли в спальне лорда Рейли. Но, завершив повествование, он чувствовал себя так ужасно, будто кто-то прочитал его тайные мысли. Гонт, очевидно, совещался в Большом зале с инспектором Тэйпом, чей голос удивительной мощи доносился до столовой.

— Но этот грабитель, сэр, этот человек... как насчет других комнат? Он не мог искать что-нибудь в комнатах его светлости?

— Я тоже подумал об этом, инспектор, и осмотрел их. Но если он хотел украсть там что-то — ума не приложу, что бы это могло быть? И в спальне, и в гардеробной как будто все на месте.

Тэйлрэйи заметил, что голос Гонта, хоть и не столь

громкий, как голос инспектора, слышен очень хорошо. Он разносился чуть не по всему первому этажу, и, очевидно, Гонт делал это преднамеренно: сейчас он обращал свои слова к призраку.

— Ничего не тронуто... — в голосе инспектора послышалось сомнение, и Тэйлрэйни живо представил, как тот мрачно и подозрительно качает головой. — Но вчера с ночью там был изрядный беспорядок, сэр.

— Да, конечно, я не могу говорить с полной уверенностью. По-моему, от стены отодвигали большой комод — тот, тяжелый, флорентийский. Вы могли заметить следы на пыльном полу.

Так ли это? Тэйлрэйни попытался представить себе неприбранную спальню лорда Рейли. Они осматривали ее еще некоторое время после того, как Гонт указал доктору на стенной шкаф с его загадками. Ах, да. Теперь вспомнил и этот дубовый комод, сработанный в тяжелом стиле середины XVII века; этот комод еще называли «мужской историей о новообращенной», которая в шутку залезла туда и потом никак не могла вылезти. Почему же он замешкался Тэйлрэйни? Ах, да. Его поразило, что среди этой грязи и развала на крышке комода почти не было пыли.

Голос инспектора Тэйна лился плавно, словно он разговаривал сам с собой. Все находившиеся в столовой теперь откровенно прислушивались к разговору в Большом зале.

— Я знаю, сэр, — удовлетворенно объявил инспектор (вероятно, он самодовольно улыбался при этом). — Я заметил это сам вчера. Пустой, сэр. Пустой. Что-нибудь еще?

— Я заглянул в сейф, в ящики письменного стола, пошарил за гобселенами в стенном шкафу, — Гонт понизил голос (владел он им мастерски, как прирожденный актер). Сидевшие в столовой расслышали только те слова, которые, очевидно, были предназначены для их ушей, и слова эти были странны и тревожны. Гонт с инспектором направились к лестнице Большого зала, и до столовой долетело лишь: «В стенном шкафу... балахон... ничего особенного... цифры...»

Это явно какая-то ловушка, но как она должна сработать — непонятно. Чего может добиться Гонт, заманивая убийцу к стенному шкафу лорда Рейли? Даже если кого-нибудь и застанут там — это же не доказательство

совершенных преступлений. Тэйлрэйи и сам бы с любопытством осмотрел вещи лорда, да и любой совершенно невинный человек может заинтересоваться ими. В подобных обстоятельствах, положим, человека можно взять под подозрение, но не обвинять же его в убийстве, если он полез в стенной шкаф.. Тэйлрэйи обернулся к остальным и попытался сделать вид, будто он ничего не слышал; все присутствующие более или менее безуспешно попытались сделать то же.

Фрэнсис казался самым непринужденным. Он налил себе стакан бренди и подмигнул хмурому сэру Джорджу: «Ваше здоровье!» Отпил большой глоток и прибавил:

— Не знаю, право, что делать дальше, но мне чертовски не хочется посещать еще одну — как ее там? — покойницкую. Ирен теперь может обойтись и без нас. Я не убит горем. А, вообще говоря, в убийстве обвинят, вероятно, меня.. И, пожалуйста, джентльмены, не притворяйтесь удивленными. Вы сами так думаете.

— Какая чепуха! — покраснев сказал сэр Джордж.

— Они думают, что это был мой пистолет, — задумчиво продолжал Фрэнсис. — Видите ли, я тоже поговорил с Сандерсом. Старый добрый Сандерс. Он думает, что защищает меня. Но дело в том, что пистолета-то нигде нет, — я искал его сейчас перед тем, как спуститься вниз. И убей меня бог, если я знаю, где он. Разве что действительно влюбленный дружок Сандерса утопил его при плачевной попытке потискать в лодке девицу; да, на это мог решиться только мастер своего дела... Послушайте, Кестеван, а вы когда-нибудь пытались потискать даму в лодке?

— Прекрати издеваться над ним! — резко сказал сэр Джордж. — Своим поведением ты добиваешься только того, что становишься неприятен нам. Кроме того, слово «тискать» отвратительно...

— Кэمبرиджское воспитание, — заметил Фрэнсис, задумчиво вертя стакан. — Ваше здоровье еще раз! И все же, интересно. Хочу сказать, мне просто интересно знать, какое впечатление произвела на него смерть Ирен. В конце концов, они же были большими друзьями.

Кестеван встал из-за стола. Он давно уже не говорил ни слова; он сидел неподвижно, опустив голову, и рас-

смастеривал собственные колени — и все как-то забыли о нем. Но вот он встал и вдруг показался гораздо выше ростом и стройнее и гораздо менее напыщенным, чем обычно.

— Нет, мы не были друзьями, — сказал он совершенно спокойно. — Я ее ненавидел всей душой.

Он впервые посмотрел прямо в глаза Фрэнсису и вышел из столовой.

— Вот это да! — Фрэнсис присвистнул. — Дом бесконечных сюрпризов. Почти человеческие черты стали различимы в этом черве. Интересно, с чего бы это? Когда мы слышали утренние новости, мне показалось, что он — как это называется? — в шоке. Будущее кинематографа полетело ко всем чертям. О чем же скорбеть, если он ее ненавидел?

— Может быть — тихо заметил сэр Джордж, — это было чувство облегчения.

Фрэнсис внимательно рассматривал стакан.

— По мне, уж лучше тогда оставаться червем. В любом случае, лучше не оставаться червем. Я говорил о том, что я — отличная мишень для инспектора Тэйпа. Все знают, как я относился к Ирен. И как иначе мог я стать богатым лордом? — он внезапно рассмеялся. — Но, если серьезно, что меня радует, так это то, что все вы абсолютно уверены, что это сделал не я. Спасибо. — Он помолчал, потом заинтересованно взглянул на Тэйлройна: — Доктор, еще вот какой вопрос напрашивается: вот вы видели свет в окне, слышали лай... Ирен ведь была застрелена, вероятно, за несколько минут до появления собаки на балконе? А когда именно это было?

— Этого я не знаю, — ответил Тэйлройн. — Я только помню, что наверх мы поднимались ровно в час ночи. Свет я заметил довольно скоро, но оценить этот временной интервал мне трудно. Точно сказать не могу.

— Хорошо. Просто любопытно... Я знаю, что лег спать позже всех (исключая мистера Гонта). Мы еще немного побеседовали с инспектором. Я отослал Вуда спать и проводил Тэйпа сам. — Фрэнсис присел на край стола и снова стал задумчив. — Когда я поднимался наверх, в библиотеке, где сидел мистер Гонт, еще горел свет. Да. Помнится, я посмотрел на часы: было почти без четверти два, и я чувствовал себя смертельно устав-

шим. Что, доктор, этот случай с собачонкой произошел раньше этого времени?

— Думаю, да. Чуть раньше, по крайней мере. Я уверен, что находился в комнате к этому времени не больше получаса.

— Я вот почему спрашиваю... Свечи в портретной галерее были уже давно погашены; я шел со своей свечой и думал, что это, пожалуй, сейчас единственный огонек во всем доме. И вдруг услышал чьи-то шаги за спиной.

Он замолчал, сэр Джордж напряженно смотрел ему в лицо.

— Я, конечно, перепугался, я был в скверном состоянии тогда. Окликаю. Никакого ответа. Может быть, и показалось. Короче, я рванул в свою комнату (она находится в задней части здания), я несся огромными прыжками, как на смерть перепуганный кот. В полной панике. Чуть не уронил свечу. Сандерс ждал меня, как всегда, в спальне с традиционным стаканчиком виски на ночь. Я был чертовски рад видеть его. Должно быть, я являл собою потешное зрелище. Я тут же отпустил его, но могу поклясться, что он увидел во мне нечто, чего я сам не заметил. Черт, это меня встревожило... Потому что едва за ним закрылась дверь, как раздался стук, и он вошел снова — уже в пальто и с каким-то страшно забавным выражением лица. Он спросил, не желаю ли я, чтоб он постелил себе на кушетке в моей спальне и провел там ночь. Боюсь, я был несколько резок с ним. Сандерс только потер лоб, и вид у него стал еще более странный. Потом он ушел.

Молодой человек замолчал и тупо заморгал при виде полицейского — тот вошел в столовую, поприветствовал присутствующих и, ни слова больше не говоря, направился к открытому коридору, ведущему на кухню.

— Нервы, — сэр Джордж успокаивающе махнул рукой. — Нервы — и ничего более. С прошлой ночи они у тебя на пределе. Я повторяю: перестань себя мучить. В следующий раз ты вообще задашься вопросом, а не ты ли сам совершил все эти преступления?

Фрэнсис кивнул.

— Уже задаюсь, — бесцветным голосом произнес он. — Вот что ужасно...

Снова наступило неловкое молчание. Баронет фыркнул и торопливо заговорил.

— Послушайте. Давайте все возьмем себя в руки. Нужно трезво оценивать ситуацию. Я начал было излагать одно свое соображение вчера вечером и хочу сегодня закончить. Начнем с того, что инспектор Тэйп, безусловно, обыщет весь дом.

— Из-за пистолета? — спросил Фрэнсис.

— Из-за пистолета в том числе. Но я не о нем, а об украденных чеках и наличных. Вчера, друзья мои, вы высмеяли мою теорию о том, что все это было похищено лишь для отвода глаз. А как насчет убийства леди Рейли? Мы слышали, что в ее комнате находится много золотых украшений и прочих драгоценностей — и ничего не украдено. Правда, сейчас это не говорит ни за, ни против моей версии. Но каким бы мотивом убийца ни руководствовался в действительности, он должен же где-то спрятать украденное. И он прекрасно понимает, что дело о чеках не закончено. Я, все-таки...

— Ну-ну, — подбодрил его Фрэнсис.

— Я все-таки не могу представить себе, чтобы обыкновенный человек мог добровольно уничтожить ценные бумаги на десять тысяч фунтов. То есть, не бросит же он их в огонь. Вот так, сразу. У него должна быть слабая надежда, что когда-нибудь он еще сможет воспользоваться ими... Мы же все обыкновенные люди, черт побери! Вот вы смогли бы сжечь такие деньги? Скорее всего вы подумаете: «Подожду-ка я до завтра. Если я потороплюсь, я смогу прогадать, а чеки всегда можно где-нибудь спрятать...»

— Но вы, надеюсь, не будете прятать их в своей комнате, — перебил его Фрэнсис, — если вы не самоубийца.

— Естественно. И вы, значит, прячете чеки и наличные...

— А зачем прятать наличные? — морща лоб, спросил Мэссей. — Ведь номера банкнот неизвестны в отличие от чеков.

— Знаю. Но, друг мой, вы же не можете закинуть три сотни фунтов в карман своего старого костюма и небрежно объяснить потом, обнаружившему их Тэйпу: «О, это так — деньги на карманные расходы»... Значит, вы должны их где-то спрятать. Давайте теперь подумаем: где же их можно спрятать?

Фрэнсис потрогал усы:

— Это зависит от того, зачем изначально деньги и

чески были украдены. Если, согласно вашей догадке, для отвода глаз — тогда убийца может их спрятать в чьей-нибудь комнате, откуда впоследствии в случае необходимости он всегда сможет их взять, а если они будут обнаружены при обыске — это бросит подозрение на хозяина комнаты. Как?

— Сомнительно, — покачал головой сэр Джордж.

— Почему?

— Такой умный преступник, как паш, этого не сделает. Фрэнк, дорогой мой, подумай сам. В этом доме и кроме мистера Гонта достаточно разумных людей. Мы никогда не станем действовать, подобно героям детективных романов. В случае, если убийца прячет сверток в вашей комнате, есть большая вероятность того, что вы обнаружите его сами. И вы не станете в ужасе перепрятывать его в другое место или подбрасывать кому-либо еще; напротив, вы сразу объявите о своей находке. И вам поверят. Неужели вы можете вообразить, что Гонт или даже инспектор, обнаружив аккуратно сложенные в моем бюро деньги, хоть на миг заподозрят меня в воровстве? Это было бы слишком очевидно, что деньги подложены. Значит, на самом деле, они только убедились бы в моей невиновности, что — сэр Джордж сдвинул кустистые брови.

— Вы опять рассуждаете слишком утонченно, — недовольно сказал Фрэнсис. — Вам не кажется, что вы делаете слишком уж изощренного коварного злодея из нашего приятеля? Но вашу точку зрения я понял.

— Итак, джентльмены, — сэр Джордж обвел взглядом присутствующих. — Что бы вы стали делать на месте преступника? Например, вы, доктор.

Тэйлорэйн попытался представить себе какой-нибудь оригинальный план сокрытия денег, но, кроме знаменитой аксиомы из области художественной литературы, в голову ему ничего не пришло.

— Можно... можно спрятать вещь, положив ее на самое видное место.

Фрэнсис взмахнул стаканом:

— Да! — воскликнул он. — Да-да! Я так и думал, что кто-нибудь это скажет. Извините, доктор, но это совершеннейшая чушь. Фокус с похищенным письмом. Суете его в шкатулку для писем, и никому не приходит в голову заглянуть туда... Я сам доверял этой теории, пока не

применил ее на практике пару раз. Мы тут от скуки обычно развлекаемся всевозможными дурацкими играми. Даже — ей-богу! — Поисками Шлепанца. И вот я прячу шлепанец очень умно, очень. Согласно теории. Первый раз я просто надеваю его на ногу. Второй раз кладу на самом виду среди нескольких пар туфель. Именно, как полагается, на самом виду. Идущему достаточно одного-единственного взгляда, чтобы обнаружить хитроумно спрятанный шлепанец; и потом он долго поглядывает на меня как-то странно, как если бы он был не вполне уверен в моей нормальности. Беда в том, что теория «прятать-на-видном-месте» на практике не выдерживает никакой критики. Независимо от того, умен человек или глуп, он всегда в первую очередь ищет в очевидных местах. Это свойство человеческой природы.

— Я с тобой совсем согласен с тобой, но гипотеза доктора Тейлрэйна в данном случае, действительно, нежизненна. А ты бы сказали вы, мистер Мэссей?

Криволицо секретаря изобразило напряженную мысль. В конце концов он пожал плечами и неуверенно сказал:

— Если бы мне нужно было что-нибудь спрятать, я бы... я бы зарыл это в землю. Вот.

— Как страус, — сказал Фрэнсис. — Знаю, знаю. Но это делается не от ума, а просто от трусости. Я бы поступил, вероятно, так же — из страха... Но как бы поступил наш суперубийца? Вот что мы пытаемся представить.

— Не знаю, — ответил Мэссей. — Но здесь очень много мест, где можно спрятать сверток: сундуки, письменные столы, бюро, трещины и щели в стенах и полу. Я знаю, по крайней мере, два письменных стола с ящиками с двойным дном. И еще...

Он оглянулся. Патриция Стейн в подчеркивающим ее бледность просторном черном платье неуверенно замялась в дверях. Мэссей поспешно подал ей стул.

Тэйлрэйн решил, что сейчас она выглядит еще прелестней, чем вчера. Он любил в женщинах слабость и хрупкость так же сильно, как не любил в них энергичность и решительность. К этому доктора располагали его старомодные холостяцкие мечтания. И при виде этой бледной милой девушки с ши-

роко раскрытыми, испуганными глазами, он почувствовал, как в его душе поднимается теплая волна нежности, доброты и желания как-то защитить ее. И неважно, что этот безмятежный лобик никогда не омрачат никакие мысли — они могли бы только испугать ее.

И Майкл Тэйлорэйн мысленно пожал руку сияющему бессмертному духу мистера Вильяма Вордсворта¹.

— Пожалуйста... нет, спасибо, Брюс. Я не буду завтракать, — тоненьким голоском сказала Патриция. — Я уже выпила кофе. Это ужасно, правда?

— Неужели? — весело осведомился Фрэнсис — А что же, собственно, ужасно, старушка?

— Ох, Фрэнк не надо так напугать меня! Я уже все знаю. Про Ирен. — она тоже не совсем здорова. — И все остальное. Миссис Картер никогда не встает с самого утра, она тоже в ужасном состоянии. Ирен.

— Дорогая, — мягко сказал Фрэнсис, — ты ведь никогда больше не будешь подвержена такому анализу. Все позади. И Ирен никогда больше не сможет пугать тебя. Но мы говорили сейчас из-за нее. Сидишь присядь-ка, я согрею тебе еще кофе, — и он продолжал весело болтать, возясь со спиртовкой. — И ужасно интересно говорить о разных играх.

— И Дорис, бедняжка, — вдруг вмешалась Патриция. — Миссис Картер и это рассказывала, как она лежала мертвая, и граммофон играл гимны.

— Ну-ну, успокойся, — сказал Фрэнсис. — Черт побери! Никак не зажечь эту штуковину... Передайте, пожалуйста, мне чашку, Брюс. Спасибо. Пат, забудь все, что наговорила тебе эта старая ведьма. Я повторяю, мы тут говорили о разных играх. В частности, и о твоей любимой. Поиски Шлепанца.

Патриция, растерянно моргая, смотрела на него.

— Ты всегда так чудесно в нее играла, — восхищенно продолжал Фрэнсис — Сахар и сливки?

— Поиски Шлепанца? — переспросила Пат. — Но, бога ради, при чем тут? Во всяком случае, ты умел спрятать шлепанец лучше всех. Ты всегда засовывал его в какие-нибудь латы, и никто не мог понять, в какие именно, потому что он лежал очень глубоко... — Она замолчала, и по ее внезапно искаженному лицу стало

¹ Вильям Вордсворт (1770—1850) — английский поэт. (Ред.)

понятно, что она подумала о Ружейном зале и связанных с ним страшных событиях.

— Черт! — сказал Фрэнсис. — Ну, черт с ним, со шлепанцем. Возьми-ка чашку... А вот и мистер Гонт. Он хочет побеседовать с тобой.

Гонт, серьезный как никогда, медленно вошел в столовую. Когда ему представили Патрицию, он покачал головой:

— Думаю, я не буду беспокоить мисс Стейн. Я пришел подготовить вас...

Фрэнсис пристально смотрел на Гонта.

— Подготовить нас?

— К очень неприятному сообщению. Инспектор Тэйп сейчас занят исполнением своих служебных обязанностей и, можно сказать, у него это успешно получается. Пистолет найден.

У Тэйлрэйна сжалось сердце и зашумело в ушах. Фрэнсис встал, с грохотом отодвинув стул. Гонт задумчиво переводит взгляд с одного из присутствующих на другого.

— Он найден в кармане пальто Сандерса. Если на Сандерса нажать как следует, думаю, он сознается в убийстве леди Рейли.

ПРОГУЛКА В ПАРКЕ

— О нет, — сказал Гонт, — он невиновен, конечно. Но ситуация с Сандерсом добавляет дополнительные штрихи к представлению о характере и уме подлинного преступника.

Близился вечер; после погрязения и растерянности, вызванных неожиданным известием о Сандерсе, нервы у всех были на пределе. Весь этот день Тэйлрэйн находился в состоянии, близком к истерике, что с ним никогда не случалось — ни прежде, ни потом. В его сознании запечатлелись только отдельные картины этого сумасшедшего утра: Сандерс с безжизненным лицом, упорно отказывающийся отвечать на вопросы инспектора; мечущийся в страшной холодной ярости Фрэнсис; озадаченный и смущенный сэр Джордж. Все сомневались в виновности Сандерса, но никто не знал, как можно оспорить очевидный факт.

— Вы, сэр, — говорил Сандерс, поднимая на Фрэн-

и связан-
ним, со
Гонт. Он
ел в ст-
покачал
Я при-
ектор
к обя-
луча-
шах.
дум-
х на
на
в

смысл тусклый взгляд, — вы, сэр, здесь совсем ни при чем. Если они говорят, что это сделал я, значит, так оно и есть, а?

В чулане на втором этаже рядом с комнатой Фрэнсиса обнаружили склад старых карт и бумаг, каких-то тряпок, банок с красками и лаками и кое-что из одежды Сандерса. Все это было извлечено на свет божий инспектором Тэйпом, который теперь, пощипывая усы и тараща глаза, удовлетворенно рассматривал вещественные доказательства. В этом чулане Сандерс держал свое пальто и несколько поношенных костюмов, подаренных ему Фрэнсисом.

Инспектор Тэйп, гордый тем, что его мысль работала в том же направлении, что и мысль Гонта, и довольный первым ощутимым результатом расследования, подробно рассказывал об обнаружении пистолета.

Он тоже допросил Сандерса, но не будучи удовлетворенным его ответами, послал констебля в комнату лакея, расположенную над конюшнями. Ничего подозрительного при обыске там обнаружено не было, и бравый инспектор был этим несколько сбит с толку. Но дворецкий Вуд вдруг вспомнил про чулан на втором этаже, и там, в кармане старого пальто Сандерса, Тэйп сразу же нашел искомое.

Это был автоматический пистолет сорок пятого калибра, из которого совсем недавно стреляли: в обойме не хватало трех патронов.

Инспектору все стало ясно как день — так он сам сказал.

— Все ясно как день, мистер Гонт. Я ничего дурного не хочу сказать о покойной леди Рейли. Но в деревне ходят слухи, что она не была счастлива с мужем. Я лично всегда внимательно прислушиваюсь к разговорам слуг, и вот, это оказалось весьма полезным...

Тэйлрэйн почему-то отчетливо запомнил инспектора именно в этот момент его беседы с Гонтом: он стоял у камина в библиотеке, многозначительно прищурив один глаз и подавшись вперед. Фрэнсис был наверху с Сандерсом — так что инспектор мог свободно развивать свою мысль дальше.

— Говорят, что именно ее светлость пугала служанку перчатками. Что ж, если их украла леди Рейли, они должны были находиться у нее?

— Все понятно,— сказал сэр Джордж,— но при чем тут Сандерс?

Инспектор таинственно улыбнулся:
— Спокойствие, сэр. Сейчас вы все поймете. Итак, если перчатки были у нее, то и тетива, вероятно, тоже — а это значит, что она собиралась убить его светлость. — Тэйп с важным видом воздел указательный палец и обвел присутствующих выпученными глазами.

— Вы имеете в виду — из-за денег? — с сомнением спросил Мэссей.

— Она наследовала все. Да, сэр. Кто был наверху в ее комнатах, когда его светлость был задушен? Дорис. Кто мог застать ее на месте преступления? Опять-таки, Дорис. Ну как?

— Грасси — задумчиво произнес сэр Джордж,— вы считаете, что Генри убила леди Рейли? Мне это тоже прихотилось в голову. Но хватило бы у нее силы?..

— Если бы вы когда-нибудь обратили внимание на ее руки, сэр, у вас бы не возникло никакого сомнения. Она легко могла это сделать. И я думаю, что именно она это и сделала. Из сплетен и болтовни слуг — уж извините, джентльмены,— инспектор оглянулся, чтоб убедиться, что Фрэнсиса нет поблизости, — нам стало известно, как мистер Фрэнсис... как лорд Рейли относился к Дорис. И нам также известно, что Сандерс даст отрезать себе руку, если это потребуется мистеру Фрэнсису. Преданность, сэр. Преданность, вот как это называется. Он знал, как потрясла его хозяйина смерть девушки.

Сэр Джордж поскреб подбородок:

— Как-то все уж очень складно получается, инспектор,— заметил он.— Вам не кажется, что вы предполагаете в Сандерсе слишком уж проницательный ум? Откуда было ему знать, что девушку убила леди Рейли, когда даже вы об этом не знали?

— Может быть, я неправ,— заговорил Мэссей,— но, по-моему, отношение Фрэнка к случившемуся было совершенно очевидным. Я почти уверен, что он считал виновной именно леди Рейли, а Сандерсу этого было вполне достаточно. Кроме того, Сандерс был с нами в библиотеке прошлой ночью, когда Фрэнк рассказывал о том, как Дорис кто-то пугал перчатками. Да, он мог понять это, как намек. Но все же...

Он неловко замолк. Библиотека казалась сумрач-

ной даже при ярком свете дня. Солнечный свет лежал на каменном полу грязно-желтыми пятнами; за окнами сквозь листву деревьев виднелся сверкающий во-
допад.

— Но все же?.. — подхватил Гонт, он стоял, опершись о камин, и держал в руках черную записную книжку. — И все же — что, мистер Мэссей?

— Ну... как-то это чертовски глупо выглядит, — упрямо продолжал секретарь. — Я допускаю, что Сандерс не особо умен. Но если он убил леди Рейли, зачем стал бы он держать пистолет в кармане собственной куртки, где его обнаружат при первом же обыске? Сегодня утром мы, кажется, обсуждали этот вопрос — и все пришли к выводу, что глупо подозревать человека, если факты указывают на него слишком ясно. Как будто нарочно... Короче, — решительно заявил он, несколько смущенный не свойственным ему смущением, — я хочу сказать, что Сандерс, может быть, туповат, но он не безумен.

— Мы опять блуждаем в тумане, — вздохнул сэр Джордж. — Что за человек Сандерс в действительности — мы не знаем. Но я вспомнил леди Селла Грэдда то, что мистер Гонт говорил о вечной боязни преступников оставлять отпечатки пальцев на чем бы то ни было, разве стал бы он брать пистолет из рук Гонта сегодня утром? Кстати, а что там с отпечатками на сорок пятом?

Рыжие усы инспектора засияли в солнечном свете, он многозначительно постучал пальцем по своему блокноту.

— Да-да. Очень своевременный вопрос. Может быть, в чем-то мне и не хватает опыта, но снимать отпечатки пальцев я умею. С этим все в порядке — на пистолете есть пальцы Сандерса. Вот так-то. Итак, джентльмены, вы присмотрите за Сандерсом, пожалуйста, пока я съезжу в Элбридж за ордером на арест...

Гонт захлопнул записную книжку, которую он уже давно изучал, сосредоточенно сдвинув брови, поднял непонимающий взгляд и даже вставил в глаз монокль, чтоб получше рассмотреть инспектора. Он был как будто удивлен и расстроен.

— Но, послушайте, инспектор! Вы что, действительно собираетесь арестовать Сандерса?

Тэйп нахмурился:

— Ну как, сэр... Да. Собираюсь. Конечно, все вы тут люди ученые и все такое прочее, вам лишь бы порассуждать о всяких тонких материях... А я вам вот что скажу, леди-гльмены. Сандерсу дела нет до ваших умных рассуждений. Я вообще сомневаюсь, что он знает, что такое отпечатки пальцев. И взял он в руки этот маленький пистолет просто потому, что не знал, что отпечатки пальцев могут его выдать. Вот и все.

Гонт опустил в кресло и вытянул длинные ноги. — Я вот что хочу спросить, инспектор, — сказал он. — Делайте все, что вы считаете нужным, это ваше право. Но можно поинтересоваться: как вы себе представляете, что именно произошло сегодня ночью в комнате леди Рейли? Как удалось Сандерсу убить ее?

— Как удалось убить?

— Давайте восполним пробелы в вашей версии, инспектор, — Гонт кивнул рукой. — Леди Рейли мертва и не может поставить вас в тупик, потребовав необходимых разъяснения (как бы имела полное право сделать, будь она жива). Если вы обвиняете женщину в убийстве, весьма вероятно, что она поинтересуется, каким образом ей удалось пройти сквозь стену толщиной в четыре фута. Другими словами, если вы обвиняете человека, находящегося в Лондоне, в убийстве человека, находящегося в Нью-Йорке, посредством стрелы, пущенной через Атлантический океан, вы должны предъявить правдоподобное объяснение того, как именно он смог это сделать — в противном случае, боюсь, вам не поверит ни один суд. Но леди Рейли мертва. Так что она не станет беспокоить вас по этому пустяковому поводу. Да и я не стану тоже. Единственное, что меня интересует — это ваша версия ночных событий.

Некоторое время инспектор переваривал услышанное, потом заговорил:

— Это нетрудно сделать, сэр. Раз уж он готов признаться... Ну, значит, он взял пистолет в комнате мистера Фрэнсиса — это несложно. Все в доме легли спать, а если кто-нибудь и видел его на втором этаже, то подумали, что он идет к себе в спальню, — Тэйп помолчал, призывая на помощь все свое воображение. — Так. Он увидел свет в спальне ее светлости и проскользнул в ее гардеробную. Собака почуяла его присутствие прежде, чем он успел сообразить, как ему действовать дальше. Леди Рейли встала, накинула халат, взяла пистолет и

вышла в гардеробную. Увидев, что она настроена решительно, Сандерс перепугался и выстрелил в нее три раза с близкого расстояния. Собака залаяла. Сандерс подхватил тело и бросил его на кресло, погнался за собакой через спальню и на балкон, поймал ее и задушил. Закрыв наружную дверь, возвращаясь обратно в гардеробную, чтобы проверить все ли в порядке. Вероятно, он подобрал с пола пистолет леди Рейли и положил его на кресло тоже. Во всяком случае... — инспектор неопределенно помахал рукой в воздухе. — Может быть, это не вполне соответствует действительности, сэр, но...

— Именно, — подтвердил Гонт, — вполне не соответствует.

— Но, сэр, какие у вас есть основания...

— У меня их несколько. Но раз они вам самому не пришли в голову, давайте просто проверим вместе вашу версию. Окно в гардеробной леди Рейли было открыто, не так ли?

Тэйп подозрительно глянул на Гонта, потом принялся сосредоточенно листать заветный блокнот.

— Да, сэр. Но...

— Вот именно. Итак, сидевший у раскрытого окна напротив доктор Тэйлрэйи отчетливо слышал лай собачонки на балконе. И при этом не услышал трех выстрелов, произведенных из тяжелого автоматического пистолета в гардеробной. У доктора, может быть, слабое зрение, но со слухом-то у него, надеюсь, все в порядке.

Инспектор долго смотрел на Гонта не мигая, потом утрумо сказал:

— Прекрасно, сэр. Если она была застрелена и не в гардеробной, вина Сандерса меньше не становится. Может быть, как я тоже предполагал, Сандерс был в спальне его светлости...

— Это предположение делает вашу версию и вовсе неубедительной, — покачал головой Гонт. — Потому что в этом случае Сандерс должен был оставить отпечатки пальцев на трех дверных ручках, на кресле, на пистолете леди Рейли и бог знает на чем еще... Вы довольно тщательно осматривали все комнаты в поисках отпечатков, — Гонт внезапно открыл глаза. — Вы нашли их?

Отвстом служило продолжительное молчание.

— Мы с вами, инспектор, — спокойно продолжал сы-

щик, — имеем дело с совершенным олухом, ничего не знающим об отпечатках пальцев. Этот вопрос волнует его так мало, что он оставляет следы на оружии, которым совершил убийство, и позже беспечно берет их отпечатков?.. На месте же преступления не осталось ни одного следа, ни на одном предмете, до которого он дотрагивался.. Поступайте, инспектор, ваша версия никуда не годится.

Тэйп отвернулся с расстроенным видом и стал уныло рассматривать солнечные пятна на полу.

— А если вы подниметесь сейчас со мной наверх, я смогу представить вам дальнейшие доказательства вашей неправоты.

На вашем месте я не стал бы торопиться с арестом Сандерса, инспектор.

— Постойте минутку! — неожиданно воскликнул сэр Джордж — Гонт. Все ясно. Помните, что Фрэнсис нам рассказывал сегодня утром?

— Он там что-то рассказывал? — оживился Гонт.

— Да, инспектор, были наверху в это время. Фрэнсис сказал, что когда он поднялся к себе прошлой ночью, в спальне его ждал Сандерс. Он белел лакею идти, тот вышел, но через минуту снова появился в дверях, одетый в пальто, и — как Фрэнк сказал? — «со страшно забавным выражением на лице». И Сандерсу действительно было отчего взволноваться. Он взял из чулана свое пальто... — сэр Джордж замолчал и посмотрел на Гонта.

Тот кивнул:

— Да — и нашел в кармане автоматический пистолет, из которого явно только что стреляли.

— Понятно, — медленно произнес Мэссей. — Но почему он его не выбросил? Почему он не избавился от него тут же, не утопил хотя бы, как заливал нам сегодня утром? Почему, в конце концов, просто не сузил в карман еще чьего-нибудь пальто?

Сэр Джордж принялся грузно вышагивать взад и вперед перед камином с угрюмым и раздраженным видом.

— Это понять как раз очень просто. Тогда он еще не знал, что было совершено убийство. Его осенило только сегодня утром, когда ему устроили допрос, и он выпалил первую пришедшую ему на ум историю. Сандерс

решил, что Фрэнк Стейн хочет, чтобы он принял вину на себя.

Наступило глубокое молчание.

В пересекающих библиотеку солнечных лучах плавали золотые пылинки, и голос Тэйлрэйна прозвучал неожиданно громко под старыми мрачными сводами:

— Да, — сказал доктор, — вероятно, так оно и есть.

...Ближе к вечеру доктор и Гонт неторопливо пересекли передний двор замка. Был тихий пасмурный сентябрьский день, облачное небо низко нависало над крепостными стенами, дул влажный ветер с моря, и воздух был насыщен свежестью осеннего леса. Гонт и Тэйл только что закончили совещаться о чем-то в библиотеке, Тэйлрэйн при этом не присутствовал, но заметил, что после разговора инспектор был явно встревожен и расстроен. Почти все в доме сейчас спали — сказались две тревожные бессонные ночи. Огромный темный замок словно оцепенел от ужаса и смертельной усталости. По густому плющу на стенах ползли вниз серые тени: по окнам уже сияли мягким теплым светом... Гонт молча спустился по ступеням террасы, постукивая костяшками пальцев по почерневшим от времени каменным вазам на перилах; наконец он сказал:

— Молодой лорд Рейли обещал присоединиться к нам в парке. Я хотел бы поговорить с ним — и очень серьезно.

— О Сандерсе? — рассеянно спросил Тэйлрэйн, наблюдая, как беспокойно кружатся над солнечными часами во дворе серые голуби, и как стремительно проносятся низко над землей ласточки.

— И о Сандерсе тоже. И о многом другом. Об играх, например. Здесь, в Боустринге, похоже, все без ума от игр.

Сейчас Тэйлрэйну было уже трудно осознать, что в Боустринге он пробыл всего лишь один день. Но он вспомнил, что чуть ли не первые слова, услышанные им от обитателя этого замка, были как раз о детских играх... Сгущались сумерки, глухо шумел морской прибой, тряслась двуколка по неровной дороге, а Фрэнсис лихо взмахивал кнутом, погоняя лошадь. И как наяву прозвучал голос молодого Стейна: «Баронет действует на нас как-то возбуждающе. Я имею в виду его игры. Он нас учит разным играм. Вы включаете свет и визжите

в темноте или что-то вроде этого». И сейчас, следя за возней голубей во дворе, доктор почувствовал вдруг не-
лепое желание рассмеяться.

— Да,— сказал он.— Игры. Вы выключаете свет и визжите в темноте или что-то вроде этого.

Гонт резко обернулся к нему, глаза его горели.

— Почему вы сказали это?

— Извините. Это говорил Фрэнсис вчера вечером. Это неважно.

— Пророк! — Гонт передвинул трубку из одного угла рта в другой.— Пророк зла... Извините, доктор. Не нравится мне все это. Во всяком случае, вот и наш пророк.

На террасе появился сумрачный Фрэнсис, увидев Гонта, он прищурился.

— Послушайте,— начал он,— послушайте... — Голос его внезапно пресекся, и он не сразу смог продолжить.— Я не очень-то умею рассыпаться в благодарностях, мистер Гонт. Но если хотите — можете забирать себе весь этот чертов замок со всем его содержимым. Инспектор Тэйп — этот невеселый идиот — теперь уверен, что Сандерс не виноват. . вы знаете. Ума не приложу, как вам удалось убедить его, но... в общем, я вам страшно благодарен. Вот. Просто камень с души упал,— Фрэнсис протяжно вздохнул.— Я сразу понял, что пистолет подкинули. Убийца сунул пистолет Сандерсу в карман, а Сандерс — стойкий малый. Но почему именно ему? Почему из всех людей в замке преступник выбрал именно Сандерса?

— Вы не возражаете против того, чтоб прогуляться с нами по парку? — осведомился Гонт.— Сейчас я вам кое-что объясню. Куда мы пойдем?

— К Королевскому пруду. Мы обычно показываем его гостям. Говорят, здесь скрывалось несколько солдат королевской армии во времена кромвелевских войн. Круглоголовые напали на их след, у пруда произошло страшное побоище, и все сторонники короля были перерезаны, и тела их утоплены в пруду. В деревне говорят, что пятна, которые иногда видны на поверхности воды — не что иное, как кровь. А вообще, этот пруд ничем не отличается от многих других. Интересно, что у вас на уме, мистер Гонт? Помогите мне открыть эти ворота, пожалуйста.

Тропинка, извиваясь между дубом и каштаном, уводила в глубину старого запущенного парка. Тэйлрэйни

с наслаждением вдыхал влажный, пахнущий землей воздух. Вдали мерцало серое море, и на его фоне осенние цвета сонного парка смотрелись сочнее и роскошнее. Где-то жгли листья. Некоторое время все шло молча.

— Ну, давайте же, — почти грубо заговорил Фрэнсис. — Вы, понятно, не хотите, чтоб вас подслушали. Но здесь мы в безопасности. Слышите, как поют птицы вон в той заросли? Что вам от меня надо?

Он резко повернулся к ним и оперся спиной о дерево, Тэйлрэйну показалось, что он неестественно бледен.

— Если вы собираетесь обвинить меня...

Длинным ясеневым прутьем Гонт рассеянно ворошил мертвые листья под погами. Он вынул изо рта трубку и покачал головой.

— Нет. Я не собираюсь обвинять вас. Но... вы, кажется, хотели знать, почему убийца выбрал именно Сандерса?

— Да. Не мог же он рассчитывать, что Сандерса обвинят в убийстве. Грубо сработано.

— Сработано не грубо, мистер Стейн. Пистолет в кармане Сандерса — это неотъемлемая часть всего преступного плана.

Парк был полон таинственных шорохов и шепотов, и, казалось, Гонт внимательно прислушивался к ним, вовсе не обращая внимания на прислонившегося к стволу дерева молодого человека.

— Почти с самого начала преступник руководствовался в своих действиях совершенно определенным планом. И эпизод с Сандерсом является закономерной частью его, хотя вполне вероятно, что сам преступник не отдает себе в этом отчета.

Он спрятал пистолет в карман Сандерса для того, чтобы подозрение упало на вас. И конечной целью всего его замысла было заставить всех поверить в вашу виновность. Неужели вы этого еще не поняли?

ЧАСЫ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ

— Думаю, поняли, — через мгновение продолжил Гонт, заглядывая Фрэнсису в глаза. — И это вас страшно испугало, так?

Взгляд Фрэнсиса стал так растерян и беззащитен, что сдержанному Тэйлрэйну это показалось почти неприличным. Он никогда в жизни не пытался залезть человеку в душу — для него это было бы все равно, что рыться в чужих вещах. Фрэнсис стоял, сторбившись, плотно прижав ладони к стволу дерева, губы его тряслись, и лицо казалось старым и безобразным.

— Да... — тихо ответил он. — И самое ужасное, я вдруг испугался, что это действительно я виновен...

Булькал и плескал вдали водопад, журчала вода в крепостном рву и глухо билась в отвесные каменные стены; вырываясь из них, нстерпеливый поток стремился в сторону старого русла, на запад.

Трепетали и шелестели сухие листья, и было такое ощущение, что это вялый бесцветный голос Фрэнсиса запутался в высоких ветвях деревьев.

— Больше всего на свете, — говорил Гонт, — вы ненавидите самоуверенность, и, тем не менее, вы — один из самых самоуверенных людей в мире. Именно поэтому вы так не любите мистера Кестевана и все время пытаетесь вывести его из себя: вас раздражает его излишнее спокойствие и самоуверенность... А этих-то качеств вам и не хватает. Посмотрите, — Гонт указал на мощные грубые башни Боустринга, — вы бы хотели быть, как этот замок: холодный камень и боевое знамя. Но вы знаете, что это вам не под силу.

Фрэнсис молча персвел взгляд на крепостные стены:

— Да, я давно знаю, что мне это не под силу, — подавленным голосом сказал он. — Я лишь надеялся, что я не убий...

— И именно поэтому, — спокойно продолжал Гонт, — вы ненавидели леди Рейли с ее самоанализом и исследованиями чужих душ. Вы всегда боялись заглядывать даже в собственное сердце, — Гонт не повышал голос, но слова его звучали с какой-то сдержанной яростью и страданием. — У вас есть воображение, способность сочувствовать и разум; у вас есть все для того, чтоб быть человеком прекрасным и великим, а вы считаете все это своей слабостью. Мой вам совет: бросьте эти бредовые мысли, пока вы не разрушили свою жизнь окончательно.

Фрэнсис вопросительно смотрел на него.

— Значит,— пробормотал он,— значит, вы знаете, каким образом все это случилось на самом деле?..

— Я знаю, как некто использовал ваше воображение и образ мыслей, задумав это преступление. Вы и сами с ужасом осознали это — ведь все происходило так, как если бы это было ваших рук дело... В слабости своей вы взлелеяли этот план и всегда настойчиво напоминали окружающим, что вы слегка не в себе. И вдруг убит отец, стоявший на вашем пути к богатству; на его шее затянута тетива, о которой в первую очередь именно вы знаете, что она была новой и достаточно прочной; и эта тетива связывается в первую очередь с вашим именем.

Гонт поколебался; старческие унылые глаза его затуманились.

— И в это же время, извините меня, все узнают, что Дорис Мундо ждет ребенка, а ведь ни для кого не является секретом, что вы любите эту девушку. Она умирает. Вас преследует мучительная мысль, что темная сторона вашей души вдруг полностью отделилась от вас. Я делаю вам больно. Поверьте мне, сор, вам станет легче: вы сами передумали все это.

И, наконец, единственный человек в доме, которого вы искренне ненавидели и который стоял между вами и богатством, застрелен. Из вашего пистолета, единственного сорок пятого во всем замке. Вы понимаете теперь, насколько блестящ и тонок следующий ход преступника: он кладет пистолет в пальто Сандерса. Убийца рассуждал следующим образом: кому принадлежит этот пистолет — известно всем. Но он в данном случае имеет дело не с прозорливой мудростью деревенской полиции в лице инспектора Тэйпа, а с несколькими людьми, настолько же разумными, как он сам. О Джоне Гонте можно думать все что угодно, но всем известно, что он не дурак. Преступник не стал прятать очевидную улику — пистолет — в само собой разумеющееся место, в вашу комнату, например. Это было бы глупо. Утопить пистолет в колодце — нерезонно, в этом случае подозрение не обязательно упадет на вас. Подкинуть пистолет в комнату гостя — бессмысленно. Вы обсуждали эту возможность: невинный человек, скорей всего, обнаружил бы пистолет (мы ведь все были оповещены о его пропаже), тут же предъявил его полици, и вряд ли кто-нибудь заподозрил его.

Но пальто Сандерса, пальто преданного слуги... Кому, кроме вас, могла прийти в голову мысль спрятать его именно там? Ваш слуга никогда не выдал бы вас. И когда пистолет найдется — а убийца на это рассчитывает — никто не подумает на Сандерса. Все, безусловно, подумают на вас. Это — заключительное звено в цепи рассуждений умного и хитрого человека.

Море вдали розовело в лучах заката, Фрэнсис смотрел на заходящее солнце, повернувшись к ним спиной. Когда он снова посмотрел на Гонта, лицо его было спокойным и как будто отчужденно.

— Благодарю вас, — сказал он, — благодарю вас еще раз, мистер Гонт. Вы видите сами... у меня нет никакого алиби.

— Это, конечно, случайная удача для преступника. Нет-нет, не хочу сказать, что конечная цель преступного замысла заключалась в том, чтобы вас повесили за преднамеренное убийство. Вовсе нет. Все было задумано иначе, и думаю, я смогу это доказать. Но внезапные обстоятельства вынудили убийцу использовать вас в качестве козла отпущения. Решения приходили ему в голову по ходу действия — и удача сопутствовала ему. У вас не было алиби, как вы говорите, рассчитывать на это загодя он, конечно, не мог, но он блестяще воспользовался случайностями.

— И теперь?

— Я склонен полагать, что он зашел слишком далеко. Игры, сэр. Сегодня ночью мы все будем играть. Вы выключаете свет и визжите в темноте или что-то вроде этого.

Фрэнсис надвинул шляпу низко на глаза.

— Мы целый день только и говорим, что об играх, мистер Гонт. Выключаете свет... Послушайте, — он прищурился, — о каких это играх вы говорите? Надеюсь, большие здесь не будут развлекаться убийствами, а?

— Кажется, эта игра называется у вас Поиски Шлепанца, — ответил Гонт. — Если я не ошибаюсь, у преступника есть особенные причины выйти на Поиски Шлепанца сегодня ночью... Давайте полюбуемся Королевским прудом, пока еще солнце не зашло.

Он повернулся и неторопливо пошел по тропинке, сбивая пругом росу с придорожных кустов.

Они вышли на открытый спуск к пруду и на мгнове-

ние замерли на месте. Тихий пруд был окружен старыми буками; на дальних холмах низкорослые платаны отчетливо вырисовывались на фоне алесующего неба, и розовые блики заката мерцали среди тростника на спокойной глади воды. Гонт остановился у замшелого каменного моста через пруд, и Тэйлрэйн заворуженно глядел на этого высокого худого человека с усами и острой бородакой, одетого в широкий плащ и мягкую шляпу с большими опущенными полями. Он был похож на подданного короля времен кромвелевских войн, скорбящего у призрачного пруда, на дне которого лежат перерезанные солдаты королевской свиты. Вся история Боустринга словно встала перед Тэйлрэйном в этот момент, и неясные голоса из прошлого звучали в дуновении легкого ветра. На горизонте угасал последний отблеск солнца. Фрэнсис швырнул в пруд камень, и замерцали расходящиеся на черной воде зыбкие круги.

— Значит, вы знаете, кто это сделал, сэр? — спросил Фрэнсис.

— В скором времени вы получите нужные указания от меня, — будто не слыша его, сказал Гонт, — и инспектор Тэйп — тоже. Будем действовать сообща. Если наш план сорвется — ничего страшного. Но я предупреждаю вас, — он оторвал взгляд от водной глади и повернулся к Фрэнсису и Тэйлрэйну, — я предупреждаю: будьте готовы к любой неожиданности. Убийцей является человек, которого бы вы ни за что на свете не заподозрили в способности убивать. Интересно, догадывался ли он сам о своих скрытых возможностях до того, как обстоятельства вынудили его действовать? Но сейчас он встревожен; чтобы поймать его, нам придется устроить небольшой спектакль. Люди инспектора Тэйпа сегодня стояли на посту целый день; если вы будете неукоснительно следовать моим указаниям, мы схватим убийцу еще до полуночи. Надеюсь, вы извините меня, джентльмены: я бы хотел немножко побыть здесь один.

Он легонько постукивал прутом по перилам моста и, казалось, внимательно прислушивался к шепоту ветра.

— Конечно, сэр, — Фрэнсис помолчал и нерешительно добавил: — Только один вопрос, сэр: что же нам еще остается сделать?

— Мис, — ответил Гонт, — остается только держать под наблюдением Ружейный зал.

Фрэнсис и доктор Тэйлрэйи повернулись и пошли назад, вверх по склону, оставив Гонта в одиночестве у тихого черного пруда. Море вдали из багрового превращалось в темно-фиолетовое, в замке уже зажигались огни. Когда Тэйлрэйи оглянулся, он увидел, что Гонт стоит, ссутулившись, на берегу пруда, и легкая рябь на воде перед ним дрожит и мерцает кроваво-красным светом.

* * *

В замке царила гробовая тишина, и Тэйлрэйи отчетливо слышал, как немецкие часы в библиотеке пробили одиннадцать — весело, неторопливо и безмятежно.

«Ситуация абсолютно смехотворна,— думал доктор,— для начала само по себе невероятно то, что respectable профессор Гарвардского университета впутан в такое хлопотное дело, как расследование убийства. Но еще более невероятно поведение профессора, если он отказывается такие номера, как я сейчас. Без десяти минут одиннадцать он вылезает из теплой постели, не пролежав в ней и получаса, надевает халат и шлепанцы, после чего, не включая света, тихо открывает дверь спальни и крадется на цыпочках по коридору, стараясь не обращать внимания на ревматические боли в суставах. В кромешной темноте, лишь при неверном свете луны сквозь цветные окна да мерцании углей в каминных, он на ощупь идет по лестнице вниз. О плане замка он имеет довольно смутное представление, но сейчас он должен спуститься в Большой зал и прокрасться по темному коридору через библиотеку в Ружейный зал, где должен забраться по винтовой лестнице на резной балкон, забиться там в угол и ждать дальнейших событий».

Для такого приключения (скорей абсурдного, чем комичного) благоразумней было бы надеться в толстый свитер и две пары шерстяных носков. Но к чести обычно холодного и рассудительного Тэйлрэйи надо заметить, что в волнении он полностью забыл и про первое, и про второе.

Он вовсе не хихикал, спускаясь в Большой зал, он

вовсе не думал о том, что сказали бы его коллеги по университету, если бы увидели, как он, напрягая слабые глаза и нервно теребя бородку, крадется через Большой зал, подобно играющему в пирата мальчишке. Он помнил тогда только данные ему Гонтом указания.

Честно говоря, он намеревался перед этой вылазкой измерить себе температуру и аккуратно описать все свои мысли и ощущения, дабы впоследствии иметь возможность документально рассказать о состоянии человека в экстремальной ситуации — в противовес выдумкам литераторов. Но ничего подобного он в конце концов так и не сделал.

Полы его халата развевались в сильном сквозняке. В кромешной тьме Большого зала тлели багровые угли в трех каминах, и вокруг них собирались дрожащие неверные тени. В эту ночь все в доме рано разошлось по спальням, ступая бесшумно в присутствии владельца похоронного бюро. Завтра должен был состояться официальный осмотр тел, потом лорд и леди Рейли должны быть погребены на фамильном кладбище у моря. Их присутствие сейчас казалось очень реальным — набальзамированные тела лежали в музыкальной комнате, готовые к завтрашней процедуре. Проходя мимо дверей музыкальной комнаты, Тэйлрэйн почувствовал аромат цветов.

Внезапный ужас вдруг охватил его, он прижался к стене весь покрытый холодным потом, сердце его страшно заколотилось. Он чувствовал себя бесконечно одиноким в огромном спящем замке. Но одиноким ли? Откуда-то ему вдруг слышалось движение. Гонт давал ему указания один на один после обеда, что было велено делать остальным, доктор не знал. Если это и была обещанная игра в Поиски Шлепанца, то конец ее виделся страшным и непредсказуемым, эта игра повергала в ужас, как те неподвижные доспехи в темном холодном зале, мимо которых нужно было отважиться пройти. Тэйлрэйн вытер рукавом лоб. Ему показалось, что запах цветов становится все сильнее...

И вот зазвенели немецкие часы в библиотеке и стали неторопливо отбивать одиннадцать. Тэйлрэйн почему-то сразу почувствовал себя уверенней. Эти часы были как старый надежный друг с честным круглым лицом, доктор уже много раз ловил себя на том, что думает о

них. Они были чем-то вроде символа покоя и безмятежности в этом населенном привидениями замке. Когда Тэйлрэйни прокрался в темную библиотеку, часы только что умолкли, доктор пошел на ощупь вдоль стены, пока не наткнулся на них, и на миг он прижал обе ладони к теплому ореховому корпусу, словно для того, чтобы успокоиться и собраться с духом.

Шум водопада здесь был уже очень громок. Сквозь раскрытое окно дул прохладный ветер с моря, и Тэйлрэйну стало зябко. Он нашарил дорогу дальше и обнаружил, что дверь Ружейного зала чуть приоткрыта.

В тот день он не переставал удивляться своей храбрости. Он никогда не смог бы повторить это еще раз. Какая-то слепая сила толкала его вперед навстречу неизвестным опасностям, но повернуть назад он боялся еще больше: неизвестно, что могло подстергать его на обратном пути. Тэйлрэйни был почти спокоен, только часто подергивался нерв в колене, да ноги казались необычайно легкими. Он проскользнул в крошечную тьму Ружейного зала — прохладную тьму, пахнущую металлом и кожей. Шум водопада превратился почти в рев, и теперь доктор мог уже не бояться, что шум его шагов будет услышан. Однако, он продолжал идти на цыпочках, не решаясь даже слегка дотронуться до витрин с призрачными фигурами рыцарей.

С величайшей осторожностью нащупывая путь в темноте, он продвигался дюйм за дюймом, иногда содрогаясь всем телом от ужаса и холода. Он чувствовал себя затерянным в некоем таинственном лабиринте, полном непредсказуемых кошмаров. Когда наконец он больно ударился ногой о железную лестницу, ведущую на балкон, то судорожно вцепился в перила почти с чувством облегчения. Только бы подняться повыше, только бы быть подальше от этих злобных фигур, этот маленький балкончик казался ему сейчас чем-то вроде возжеленного надежного укрытия от кошмаров этой ночи. Он карабкался вверх по лестнице, размышляя, можно ли оставлять там, на балконе, следы; но Гонт велел ему туда подняться, и, кроме того, с десятков людей уже успело потоптаться там с прошлой ночи. Он нащупал стену с ложными окнами, пробрался по ней в дальний угол балкона, прижался спиной к стене и замер. Первое из четырех окон было совсем близко. Тэйлрэйни на

ощуть определил, что подокопник его находится на той же высоте, что и перила.

Сколько времени он провел там? Минуты? Часы? Доктор не имел ни малейшего представления об этом. Время словно остановилось для него, и он знал только, что стоит уже целую вечность, прижавшись всем промерзшим, сведенным судорогой телом к холодному камню. Ноги его вдруг ослабели и затряслись так, что Тэйлрэйни испугался, как бы ему случайно не выпасть за перила балкона. Он мечтал о теплом пальто. Он мечтал о крепкой сигаре. И больше всего — о хорошем глотке виски, чтоб суметь подавить внутреннюю дрожь. Водопад грохотал как Ниагара. Доктор напярк слабые глаза — и темнота зашевелилась и поплыла перед ним, как пена на бурлящей воде, и наполнилась неясными кошмарными видениями. И снова ему почудилось какое-то движение поблизости.

От ужаса Тэйлрэйни чуть не выпрыгнул из съежившейся кожи. Звук этот был так отчетлив, что мог раздаваться не далее, чем в нескольких футах от доктора — иначе его было бы невозможно расслышать. У Тэйлрэйна тягостно засосало под ложечкой. Этот скрип раздался из ближнего окна: из того, что открывалось в спальню лорда Рейли.

Некоторое время доктор тицетно таращился в темноту; потом в спальне лорда появился слабый свет — короткий луч электрического фонарика, достаточно сильный, чтоб можно было увидеть, что происходит рядом.

Кто-то открывал окно изнутри, и его створки на петлях медленно поворачивались в спальню. В наборном цветном стекле вдруг ярко отразился луч света, потом фонарик погас, но у Тэйлрэйна было ощущение, что кто-то осторожно выглянул из окна.

Тишина. Томительные минуты полной тишины, не считая ровного шума водопада. Доктор почувствовал, что больше не в состоянии выдерживать этот мертвящий удушающий ужас. Он вцепился в балконные перила, чтоб не упасть, его сердце бешено прыгало в груди и гремело как барабан. Он был уверен, что из окна никто не вылезал, и все же...

Он заставил себя чуть податься вперед и с ужасом ждал, что в любой момент луч света ударит ему в лицо. Не чуя под собой ног от страха, он все-таки

шагнул к раскрытому окну. Там снова загорелся фонарик.

Человек с фонариком бесшумно двигался по комнате лорда Рейли. Тэйлрэйн заставил себя заглянуть внутрь...

Человек — кто бы он ни был — рылся в стенном шкафу лорда Рейли. Он стоял спиной к окну и в неверном дрожании теней, в мелькании луча невозможно было составить представление о его росте и телосложении. Но вот он извлек из шкафа один из балахонов и стал рыться в его карманах. Человек не издал ни звука, но сделал вдруг некий резкий жест, который можно было понять, как жест облегчения и радости. Он разгладил скомканный лист бумаги и, осветив его, стал рассматривать. Потом он повесил балахон на место и, направляясь к окну, опять выключил фонарик.

Тэйлрэйн инстинктивно отпрянул в сторону. Если этот некто собирается вылезти на балкон и спуститься в зал... и если он наткнется на доктора... Услышав скрип створок, американец плотно прижался к стене. Луч света молниеносно скользнул по залу и на миг высветил боевые знамена и позолоченные доспехи всадника в центре. Человек бесшумно вылез из окна, желтый луч заплясал по ступеням винтовой лестницы и по каменным плитам пола. Потом он запрыгал по стенам зала, засверкал на витринах у главной двери, за которыми стояли железные фигуры. На одной из них луч остановился. Тэйлрэйн вцепился в перила; сейчас даже под пыткой он не смог бы издать ни звука... Вот! Стеклопанная створка одной из витрин неподалеку от двери была приоткрыта. Луч света сверкал и дробился на стекле, потом заплясал по доспехам и замер на шлеме...

Человек, сгорбившись, влез в витрину. В неверном свете прыгающего луча он был похож на испанское насекомое. Он поднял забрало шлема и сунул туда руку, словно в зияющую пасть какого-то чудовища...

— Держи его!

Громкий крик и гулкое эхо оглушили Тэйлрэйна, как удар по голове. Он задохнулся и отпрянул к стене в то время, как яркий свет внезапно залил зал. Ослепленный Тэйлрэйн увидел, как в тумане, что зал полон людей, и все бегут к витрине, потом доктор осознал, что сам бежит, сломя голову, вниз по лестнице. Огромное насекомое за стеклом замерло на мгновение. Потом не-

известный швырнул на пол какой-то сверток и рванулся из стеклянной двери...

— Держите его! — кажется, это был голос инспектора Тэйпа. — Держите его! Он собирается...

Раздался оглушительный звон. И Тэйлрэйни с горящей головой, спотыкаясь и хромая, наконец одолел последние ступени и поднял взгляд. Человек ударом кулака разбил витрину, за которой были выставлены книжалы. Рука его была окровавлена, и в ней был зажат кортик. Пригибаясь, человек метнулся к двери, ведущей в библиотеку. Констебль в голубом мундире — за ним, но все еще были ослеплены и растеряны. Грохнула дверь. Бегущая толпа подхватила Тэйлрэйна и понесла с собой, рядом доктор увидел Фрэнсиса с автоматическим пистолетом в руке: именно Фрэнсис первым ворвался в библиотеку вслед за убегающим.

— Назад! — раздался дикий визг. В библиотеке вспыхнул свет, и преступник показался неким чудовищем, мерзким наскомым с безумным взглядом. Он стоял рядом с высокими немецкими часами. — Назад! — снова провизжал он, — назад или...

Он размахнулся, держа книжал за острие, и кровь, хлынувшая из изрезанной руки, залила его лицо. И тут над его головой немецкие часы начали с жуткой безмятежностью отбивать полночь...

Человек снова дико взвизгнул и резко выбросил руку вперед. Тэйлрэйни услышал, как сильно и глухо ударился книжал о дверь над их головами и оглушительный грохот сорок пятого. Пуля ударила преступнику в грудь, и его швырнуло на часы; судорожно взметнулись вверх руки, и человек рухнул на пол, увлекая за собой часы. С диким треском и звоном они упали, как два борца в смертельных объятиях...

И сквозь этот дьявольский шум Тэйлрэйни услышал истерический крик Фрэнсиса:

— Вот тебе, подонок! Получи, мерзавец! Еще! и еще!.. Так значит, это Брюс Мэссей! Убийца!..

И самое ужасное было то, что часы все продолжали отбивать полночь. Потом они зашипели, тяжело вздохнули и замолкли навсегда.

ГОНТ ОБЪЯСНЯЕТ

— Интересно,— сказал Гонт,— вполне ли вы понимаете — даже сейчас — характер этого человека, Брюса Мэссея?

Еще не светало. Они развели огромный огонь в камине, от которого уже убрали мертвые круглолицые ча-сы и мертвого круглолицего человека с пятью пулями в груди. Самым трудным оказалось успокоить инспектора Тэйпа, который был не столько разъярен, сколько глубоко потрясен тем, что Фрэнсис осмелился сам свершить правосудие. Он настаивал на том, чтобы Фрэнсис предстал перед судом присяжных и был должным образом оправдан как человек, чьи действия были вызваны необходимостью самообороны.

— И вам крупно повезло,— сказал инспектор,— что он первым бросил в вас нож.

Гонт блаженствовал в глубоком кресле у ревущего пламени каминна. Он был все еще в вечернем костюме, в зубах его была зажата трубка, на столике рядом стояла бутылка бренди. После того как суматоха утихла, все разошлись — и в библиотеке остались инспектор, Фрэнсис, Тэйлройн и сэр Джордж. Они сидели, зябко кутаясь в спальные халаты, и наблюдали за холодными проблесками осеннего рассвета за окнами. В тишине была слышна тяжелая поступь полицейского констебля, мерно вышагивавшего по камнным плитам Большого зала.

— Я ничего не понимаю,— тупо сказал Фрэнсис.— Не понимаю, как вы его заманили в ловушку, как просчитали его ходы в этой игре. И, в частности, я совершенно не представляю, как он мог убить моего старика. С самого начала я был полностью уверен в невиновности лишь двух людей: его и доктора Тэйлрэйна... Теперь я уверен только в одном: что этот подонкок сдох.

Гонт отпил большой глоток из стакана.

— Может быть,— сонно произнес он,— вам все станет ясно по ходу моего повествования. Позвольте мне вести рассказ только с моей личной точки зрения, то есть, я хочу описать все, что предстало моим глазам по прибытии сюда. И уже отсюда будем танцевать дальше.

Он задумчиво поднял с пола обернутый холстиной пакет, который Мэссей прятал в шлеме, там были десять чеков на предъявителя, каждый по тысяче фунтов, и четыреста шестьдесят фунтов наличными. Гонт взвесил пакет на ладони, потом положил на ручку кресла.

— Когда я впервые услышал рассказ о случившемся из уст доктора Тэйлрэйна, и рассказ этот был очень прост и внятен, — Гонт медленно выпустил дым, — я сразу понял, что один из присутствующих лжет, а именно — мистер Мэссей. Конечно, это вовсе не значило, что он совершил два убийства — лорда Рейли и Дорис, но... Итак, посмотрим:

Согласно собственным показаниям, Мэссей покинул вас сразу после обеда, поднялся наверх в контору, где напечатал несколько писем. Он закончил дела, по его словам, в девять тридцать, ничего подозрительного к этому времени в конторе не произошло. Потом он сразу же спустился вниз искать лорда Рейли. Не замеченный доктором Тэйлрэйном, он прошел в Ружейный зал, посмотрел там, покричал и уже собирался выходить, когда в дверь ворвался лорд Рейли и в страшной ярости пронесся мимо секретаря. При этом лорд произнес что-то вроде «украли жемчуга». Эти показания позже я и сам слышал из уст Мэссея.

На первый взгляд это кажется правдоподобным. Действительно, в конторе кто-то побывал, сейф опустошен, шкатулка, где хранились наличные, пуста, футляр из-под жемчугов валяется посреди комнаты. Очень даже вероятно, что дремавший в кресле Тэйлрэйн не видел, как Мэссей входил в Ружейный зал; в любом случае, он там был, потому что вышел оттуда.

Но обратите внимание вот на что: в девять тридцать (это время Мэссей называл вполне определенно) он покинул контору. Сразу спустился вниз, пошел в Ружейный зал, быстро осмотрел его и на выходе оттуда встретил лорда Рейли. А это было — как свидетельствует доктор Тэйлрэйн, который в это время посмотрел на часы — в тридцать две или тридцать три минуты десятого. То есть, если верить показаниям Мэссея, в течение двух-трех минут произошло следующее:

Какой-то грабитель проник в контору после ухода секретаря, обыскал сейф, открыл замки ящика письменного стола и шкатулки, похитил наличные, вытащил из

футляра жемчуга, которые позже нашли у мертвой Докрис, бросил раскрытый футляр на пол. После того как скрылся, в конторе появился лорд Рейли, обнаружил пропажу, осмотрел комнату, поспешил вниз и столкнулся в дверях Ружейного зала с Мэссеем всего через две-три минуты после того, как тот сам покинул контору.

Джентльмены, физически просто невозможно, чтобы все это произошло в такое короткое время. Не будем даже останавливаться на невероятном и совершенно нелепом поведении лорда Рейли. Человек, обнаруживший, что его ограбили, не выбегает тут же из комнаты и не несется сломя голову в темный Ружейный зал неизвестно за каким чертом, он должен осмотреть помещение, поднять крик, позвать хоть кого-то на помощь. Но обратите внимание на следующее...

Трубка у Гонта погасла, и он, морща лоб, снова разжег ее, после чего продолжал:

— Ящики стола и шкатулка с личными не были взломаны — они были открыты ключами. На первый взгляд это кажется естественным: ведь ключи лорда Рейли, которые он всегда носил с собой, у него найдены не были. Но, по всем показаниям ограбление конторы произошло до убийства... Правильно?

— Правильно, — буркнул сэр Джордж, — продолжайте.

— Как, в таком случае, у убийцы оказались ключи? Не можете же вы тряхнуть человека, отобрать у него заветные ключи и спокойно пойти грабить сейф, пока жертва, вместо того чтобы подняться на ноги весь дом, убегает от вас прочь и, что-то бормоча себе под нос, бегает по коридорам, не пытаясь вас остановить. Это одно упущение. Но, предположим, что у убийцы были дубликаты ключей, и что когда лорд Рейли спустился вниз, его собственные ключи все еще были при нем... Тогда зачем убийце похищать их с трупа?

— Действительно, — пробормотал Фрэнсис. — Мне и в голову не пришло... те ключи...

— Все эти вопиющие несоответствия вытекают из показаний мистера Мэссея.

К каким умозаключениям меня привели эти факты, вы скоро узнаете. Но в рассказе доктора Тэйлорэйна меня очень заинтересовала одна деталь: щелчок, который раздался перед убийством лорда Рейли. Доктор не мог точ-

но вспомнить, когда именно он его услышал, но это и так очевидно. Здесь, в библиотеке, ничего щелкнуть не могло — посмотрите вокруг сами. Значит, щелчок раздался из Ружейного зала в то мгновение, когда дверь была открыта, то есть, в краткий промежуток времени между тем, как туда забежал лорд Рейли и тем, как он выпихнул Мэссея в библиотеку и захлопнул дверь. Это буквально несколько секунд. Если бы щелчок раздался при закрытой двери, доктор Тэйлрэйи просто ничего не услышал бы. Более того, он должен был раздаться в непосредственной близости от двери, иначе был бы заглушен грохотом водопада.

Прекрасно. Все эти соображения я держу в голове; следствие продолжается.

При осмотре тела, как вы заметили, я обратил внимание на некоторые любопытные детали: запонка из воротничка рубашки лорда Рейли и оторванная верхняя пуговица балахона были аккуратно положены ему же в карман. И труп лежал в странной, неестественной позе, как будто его уложили таким образом намеренно. У него была разбита голова и на бедре были следы сильных ударов.

Когда я пытался привести в соответствие эти непонятные факты, мне очень помогло замечание, сделанное вами, мистер Стейн. Вы спросили: «Зачем затягивать тетиву на шее, если его задушили латными перчатками? Почему он лежит в такой странной позе? Похоже, будто убийца поднял его в воздух, будто повесил, держал до тех пор, пока тот не умер, и потом швырнул мертвое тело на землю...» Джентльмены, именно это и случилось в действительности.

Сэр Джордж подался вперед и сказал странным голосом:

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что Дорис Муиндо была выброшена из окна. И лорд Рейли — тоже. Вспомните длинные концы тетивы, завязанной на шее человека, весящего всего лишь девяносто фунтов; вспомните синяки на его теле — их всего несколько — как и в случае с Дорис, который мы с вами обсуждали; ведь мертвое тело абсолютно расслаблено и необычайно податливо. Но у лорда Рейли разбит лоб и сильно повреждено бедро, потому что он приземлился на ноги и упал вперед. Этим и объясняется эта дикая поза.

Гонт откинулся на спинку кресла и тонко, язвительно улыбнулся, поднося к губам стакан бренди.

— Итак, две загадки — тетива и нелепая поза трупа — объяснены; третья загадка — пуговица и запонка — только подтверждает наше объяснение. Зачем убийце подбирать эти предметы и совать их в карман жертве? Они могли спокойно лежать, где лежали. Убийца явно тратил драгоценное время на их поиски. Попробуйте-ка отыскать собственную упавшую и покотившуюся по полу запонку или пуговицу даже в хорошо освещенной комнате — и вы оцените терпеливость и настойчивость человека, который в поисках их ползает по полу почти в полной темноте.

Единственное возможное объяснение этому состоит в том, что лорд Рейли был убит вовсе не в Ружейном зале.

Где он был убит? Почему запонка и пуговица лежали у него в кармане? Они должны были быть найдены возле трупа, чтобы все поверили, что лорд Рейли был убит именно в Ружейном зале. Вернемся к нашему первому заключению: он был выброшен из окна. Убийца не мог швырнуть запонку и пуговицу с такой высоты — они бы раскатились бог знает на сколько футов в разные стороны.

Но, если он кладет их в карман балахона лорда Рейли, вполне вероятно, что они выпадут при ударе тела о землю и будут найдены поблизости от трупа. Конечно, в этом решении был известный риск: пуговица и запонка могли и не выпасть из кармана — не мог же убийца бросить труп головой вниз: проломленный череп или какие-то серьезные переломы не входили в его расчеты. Итак, убийца постарался, чтобы тело приземлилось на ноги...

— То есть, — вскричал сэр Джордж, — вы хотите сказать, что он был действительно выброшен из одного из тех окон в Ружейном зале?!

— Именно, — спокойно подтвердил Гонт. — А точнее — из окна собственной спальни. Тело, выброшенное оттуда, как раз приземлится в нескольких футах от пьедестала конной статуи...

— Но пыль, — запротестовал сэр Джордж, — пыль на балконе...

— Я же не сказал, что он был выброшен с балкона. Эти окна... какого они размера?

— Ну, скажем, семь-восемь футов высотой и фута четыре шириной.

— Вот-вот. И начинаются на высоте около четырех футов от пола как спальни, так и балкона. И балконные перила приблизительно такой же высоты.

— Я допускаю, — сказал баронет, — что лорд Рейли действительно был очень легок. Но никто — даже человек, столь сильный, как Мэссей — не может из окна комнаты перекинуть тело через подоконник высотой в четыре фута и через — пусть даже узкий — балкон.

Приподняв брови, Гонт заглянул в свой стакан.

— Извините, Джордж. Я пытался обратить ваше внимание на этот момент. Я даже прокричал об этом чуть ли не на весь замок, когда разговаривал с инспектором Тэйном... О, да. Это сделать можно — если забраться на флорентийский комод пяти футов высотой, стоящий у окна. А комод у окна стоял, потом Мэссей отодвинул его в сторону, чтобы не возбуждать лишних подозрений — это видно по следам, оставленным на пыльном полу. И еще протер крышку, на которой оставались следы его ног. Это было даже чересчур очевидно... Но позвольте мне продолжить.

Гонт отпил из стакана, щеки его порозовели, и взгляд стал холоден и светел.

— Так я понял, каким образом лорд Рейли был убит, убит задолго до того, как вы думали. Он был мертв и лежал на полу в Ружейном зале самое позднее в девять пятнадцать.

Фрэнсис так и подскочил:

— Но, Боже правый! Ведь доктор Тэйлрэйн видел...

— С этим тоже мне все уже было ясно, — невозмутимо продолжал Гонт, он обернулся к Тэйлрэйну:

— Как у вас со зрением, доктор?

Озадаченный Тэйлрэйн поднял ладонь к глазам...

— Но это даже и неважно. Думаю, здесь мог обмануться и человек с превосходным зрением. Вспомните, вы сидели у камина, больше чем в тридцати футах от двери Ружейного зала. На каминной полке горело лишь несколько свечей, в библиотеке был полумрак, а в том конце помещения, у двери зала — как часто упоминалось в показаниях — было почти совсем темно. Вы увидели, как некто в белом балахоне с надвинутым на лоб капюшоном выскакивает в темноте из коридора и стре-

нительно влетает в ту дверь. Этот некто что-то неразборчиво бормотал себе под нос, но что именно — слышать было невозможно. И был это маленький человек...

— То есть, — вскричал Фрэнсис, — это был Мэссей!?

— Дорогой сэр, пока что мы еще не знаем, кто это был. Я вам излагаю свои соображения в той последовательности, в какой они приходили мне в голову. Итак, кто же это мог быть? Я уже объяснил вам, почему я заподозрил Мэссея во лжи, и почему предполагал, что лорд Рейли был убит задолго до девяти тридцати...

Итак, человек вбегает в зал, дверь зала раскрыта, за ней — полная темнота. Что видит и слышит доктор Тэйлрэйи? Мнимый лорд Рейли исчезает в темноте, потом раздается чей-то голос, и буквально через несколько секунд из зала появляется Мэссей, и дверь за ним с грохотом захлопывается. Все это, подчеркиваю, происходит в полутьме, и единственным свидетелем является джентльмен со слабым зрением, находящийся в тридцати футах от двери Ружейного зала.

Мы знаем, что в зал под видом лорда Рейли вбежал некий самозванец. Если он влетает в темный зал, срыгает с себя балахон, невнятно бормочет несколько слов, и — держась за ручку двери таким образом, что его рука скрыта телом от наблюдателя сзади, — пятится из зала в библиотеку и захлопывает дверь...

— Но он же должен был спрятать балахон, — протестовал Фрэнсис. — Куда он мог его деть? Не швырнул же он его просто на пол? В любом случае, мы бы нашли его. Он никуда не мог спрятать его...

— Мог, конечно, — спокойно возразил Гонт, — потому что всегда носил с собой портфель!

Все потрясенно умолкли. Тонко улыбаясь, Гонт обвел присутствующих взглядом.

— Джентльмены, джентльмены, — укоризненно сказал он, — разве можно было недооценивать важность этого щелчка, о котором говорил доктор Тэйлрэйи? Любого звук гулко отдается под сводами этой библиотеки — ведь доктор слышал даже, что шаги приближающегося по коридору человека были слишком торопливы... Мы пришли к заключению, что щелчок прозвучал откуда-то из зала, и в тот краткий промежуток времени,

когда дверь была открыта вбежавшим в зал мнимым лордом Рейли. Это мог щелкнуть лишь замок закрываемого портфеля — после того, как убийца запихал в него балахон.

— Будь я проклят! — после долгого молчания проговорил Фрэнсис, потирая лоб. — Будь я трижды проклят! Чисто сработано! Чертовски чисто... Значит, он прятал портфель под балахоном, когда вбегал в зал?

— Да. И балахон — как все вы знаете — был очень широк, так что тщедушный лорд Рейли запросто мог показаться в нем и плотным. Мистер Мэссей был немного выше лорда, но балахон скрывал его могучее телосложение. В таком полумраке, правда, это было и необязательно, но в качестве предосторожности!..

Итак, значит, это был Мэссей. Он вышел из зала, спрятав балахон в портфель. Он мастерски разыграл восхитительно простой спектакль и практически заручился свидетельством своей невинности в лице доктора Тэйлрэйна. Но в своем увлечении он слегка переиграл.

Джентльмены, сегодня я прочитал вам лекцию о привычках лжецов. Я говорил о том, что им трудно устоять перед соблазном развить и дополнить свою ложь по ходу действия. Если бы в этот критический момент Мэссей смог воздержаться от излишних подробностей, мне было бы гораздо сложнее уличить его. Но он не смог. И выпалил первое, что пришло ему на ум — к несчастью для себя он упомянул украденные жемчуга. На какие же размышления это меня навело?

Почему, собственно говоря, он упомянул именно жемчуга? Если ограбление уже было совершено, как мы знаем, и совершено даже до фактической смерти лорда Рейли — почему возбужденная и разгоряченная мысль Мэссея остановилась на этих жемчугах? Ведь по сравнению с украденными чеками ценность их была невелика. Почему он о них вспомнил? На этот вопрос можно найти ответ, вернувшись к обстоятельствам смерти Дорис Мундо.

Вспомним, как все мы были озадачены тем странным обстоятельством, что убитая девушка была выброшена из окна. Вы, Джордж, тогда задались вопросом: зачем нужно было выбрасывать ее из собственной спаль-

ни, если перчатки были оставлены там на самом видном месте возле ее постели?

— Я и сейчас задаюсь этим вопросом, — сказал баронет. — А где же ответ?

Гонт безмятежно наполнил стакан.

— Вы несколько раз повторили, что она была выброшена из окна. С этим я согласен. Это действительно так. Но когда вы сказали «из окна ее собственной спальни» — я промолчал; я не мог возразить вам, потому что Мэссей был среди нас в тот момент, и я не хотел настояживать его. Взгляните-ка.

Он полез в нагрудный карман и вытащил оттуда план замка.

— Вот же, Джордж. Он все время был у вас перед глазами. Вы сами рисовали его. Вот, — он указал пальцем, — вот открытый проход на кухню, и вот план второго этажа. Это окно комнаты Дорис Мундо. А чье окно находится прямо напротив?

— О боже, — сказал Фрэнсис, — можете мне не показывать... Я и так знаю. Конечно, окно комнаты Мэссея.

— Совершенно верно, — подтвердил Гонт. — Эта комната смежна с конторой лорда Рейли. И — если вы помните — я в частности спросил у инспектора Тэйла, было ли открыто окно в спальне Дорис.

— Помню, — кивнул головой Фрэнсис. — Вы спрашивали. Значит, Дорис...

— Значит, Дорис была задушена либо в конторе, либо в комнате Мэссея и была выброшена в коридор именно оттуда. К этому заключению прийти было нетрудно, так как к тому времени я уже знал, кто является убийцей. Если бы кто-нибудь догадался, что тело было выброшено из его окна, он мог попасть под подозрение. Будучи обманщиком гениальным, он очень просто подтасовывает факты — каким образом?

Сэр Джордж кивнул.

— Да. Он забрасывает перчатки в открытое окно напротив. Они беззвучно падают на постель, но соскальзывают...

— Совершенно верно. В спальне Дорис горел свет, и Мэссей видел, что там никого нет. Если бы миссис Картер не отослала Энни Моррисон почевать в другую комнату, его дела были бы хуже... Итак, чтобы выкрутиться

из этой истории, ему приходится расстаться со своим оружием.

Мертвая Дорис лежит в коридоре, в руке ее зажато жемчужное ожерелье. Чтобы понять поведение Мэссея и расположить события в хронологическом порядке, вернемся снова к тем жемчугам. Почему мысль о них занимала Мэссея, когда он разговаривал с доктором Тэйлрэйном несколькими минутами позже девяти тридцати?

Вопрос: потому ли, что он убил Дорис Мундо в то же время, когда убил лорда Рейли? Ответ: нет. Не принимая во внимание медицинское заключение о времени смерти (оно часто бывает ошибочным, если смерть наступила совсем недавно), так вот, не принимая его во внимание, мы все-таки приходим к следующему выводу. Мистер Кестеван видел, как Дорис заходила в комнату леди Рейли около девяти тридцати, это подтверждала и сама леди Рейли. Другими словами, Дорис была еще жива в то время, когда Мэссей здесь, внизу, перевоплощался в лорда Рейли. И после этого спектакля Мэссей еще некоторое время находился среди вас. Она была убита позже.

Каков же ответ на поставленный вопрос? Это неосмотрительное замечание Мэссея о жемчугах помогает проследить целую цепь событий.

Обращенные на восток окна библиотски постепенно светлели, и болезненно бледный свет разливался по углам комнаты. Сэр Джордж сидел, сложив большие руки на животе. Инспектор Тэйли за все это время не произнес ни слова, иногда он понимающе кивал головой и делал карандашом какие-то пометки в блокноте. Фрэндел стоял у камина, зажигая сигареты одну за другой. Гонт казался самым безмятежным из них, он сидел, свободно откинувшись на спинку кресла, и с наслаждением посасывал бренди.

— Нам должно быть ясно, — продолжал он, — что Мэссей обыскивал и контору, и спальню — но сначала он побывал, конечно, в конторе. Детали его плана мы обсудим чуть позже. У сейфа в спальне он был пойман с поличным — поэтому ему и пришлось убить лорда Рейли. Сразу после этого он отправился в контору, где и совершил задуманное. В каком из двух сейфов

лежали чеки, в каком — жемчуга, мы никогда не узнаем.

Как нам известно, около девяти тридцати Дорис Муидо заходила к леди Рейли. Доктор Мэннинг в это время спускался к своей машине. После очень краткого разговора с хозяйкой безутешная Дорис покидает ее комнату и, возвращаясь к себе, проходит мимо окна спальни его светлости...

Что она видит там? Свет фонарика в темной спальне? И самого Мэссея, поспешно выходящего оттуда с портфелем награбленного и балахоном лорда Рейли? Здесь можно только предполагать. Маловероятно, что она видела само убийство или то, как Мэссей выбрасывал тело в Ружейный зал. Но она видела, как он выходит из спальни лорда.

При любых других обстоятельствах предположи она, что произойдет дальше, она несмеленно выдала бы его. Ведь это именно от Мэссея она ждала ребенка — об этом мы еще поговорим, — и девушка была в совершенном отчаянии. Ее вынуждали назвать имя соблазнителя, вот почему он и решился на это поспешное ограбление — ведь доктор именно в тот вечер объявил о положении Дорис, так что Мэссей ни минуты больше не чувствовал себя в безопасности.

Гонт раскурив позасшую трубку.

— Итак, девушка в отчаянии. Была ли она посвящена в план ограбления или нет — мы не знаем. Но Мэссей понимает, что у нее не хватит силы духа солгать, если речь пойдет об убийстве.

Что сказал он ей в тот момент? Вероятно, он был в полном смятении. Единственное, что ему сейчас требовалось — это время, время, чтобы успеть выйти из этого угрожающего положения. Его план один раз уже чуть не сорвался, сейчас он снова был под угрозой срыва. Ему надо было что-то срочно придумать. В отчаянии он велит ей молчать, он понимает, что в любой момент кто-нибудь может обнаружить труп в Ружейном зале до того, как он успеет обеспечить себе алиби, надо торопиться и низ разыгрывать задуманный спектакль. Первое, что приходит Мэссею в голову — жемчуга. Он выхватывает из кармана ожерелье и сует ей в руку. Велит идти в его комнату и ждать там. Скоро он вернется, и они обдумают, как им скрыться из замка вместе. Но самое главное, предупреждает он ее, нужно пройти к нему незамечен-

ной. И пока Дорис ждет его, он перевоплощается в лорда Рейли на глазах доктора Тэйлрэйна.

Трубка Гонта снова погасла, и он стал неторопливо разжигать ее.

— Подведем итоги:

Я уже спрашивал вас и спрашиваю снова: представляете ли вы себе — даже сейчас — истинную природу этого человека? Вы видели, как флегматично и размеренно он выполняет свою секретарскую работу. Вы почти немецкие часы. Но мне было очень интересно наблюдать за ним, когда я уже понял, что он является убийцей.

Вам он казался явно плохим лжецом; он вам дал понять это. Он казался полностью лишенным воображения. А у него было расчетливое холодное воображение немецкого склада — и он великолепно умел скрывать его. Помню, Джордж, вы как-то предположили, что десять тысяч фунтов были украдены для отвода глаз. И Мэссей возразил вам: «Никто не крадет десять тысяч фунтов просто для отвода глаз» — и для него это было абсолютной истиной. Он говорил в тот момент правду, и без малейшей иронии — эти слова шли из глубины его души. А вы ответили ему: «Боже мой! Напрягите же свое воображение!»

Этот человек ненавидел свое ярмо, ему было невыносимо зависеть от раздражительного, слегка помешанного и всегда безрассудного хозяина. Думаю, об ограблении он раздумывал уже давно, но не знаю, осуществил бы он свой план, не вынуди его к этому внезапные обстоятельства. У лорда Рейли всегда была в распоряжении огромная сумма денег в чеках на предъявителя...

— Но как смог бы Мэссей воспользоваться ими? — спросил сэр Джордж, — ведь номера серий...

— Видите ли, — Гонт рассеянно покивал, — он же был секретарем лорда Рейли. Вы располагаете теми номерами серий, которые сам Мэссей вам и дал.

— То есть, — догадался Фрэнсис, — эти номера...

— Конечно, фальшивые. Восхитительно просто, не правда ли? Переставляете несколько цифр и повергаете обоих поверенных и банк в полное замешательство, на подлинных номера чеков они не скоро могут выйти... а вы тем временем обращаете чеки в наличные.

Если даже вас когда-нибудь и спросят об этих номерах, у вас будет наготове весьма правдоподобный ответ, что их дал вам помещанный лорд Рейли. От человека, который пишет шифр сейфа на стене рядом с ним, можно ожидать всего чего угодно. И, кроме того, кто смог бы заподозрить секретаря в воровстве? Все дела сумасшедшего старика много лет были в его руках — и он прослыл преданным работником. Если по вине безумного лорда любой легко может узнать шифр сейфа, почему в воровстве должны заподозрить секретаря — а не кого-то из слуг?

Но ограбление влечет за собой необходимость убийства лорда, так как ему известны настоящие номера серий. Значит, надо бросить подозрение на кого-то в доме — это сравнительно просто сделать, хотя и опасно. Вероятно, подобный план Мэссей обдумывал заранее. Ум этого человека одновременно и осторожен, и — в нужное время — решителен; когда приходит время действовать, мысль его работает молниеносно. Он может долго взвешивать все за и против и быть крайне осторожным в поступках, но если ему вдруг угрожает опасность, он обнаруживает величайшую изобретательность и способность молниеносно реагировать на происходящие события.

А опасность стала угрожать ему, когда он узнал, что Дорис Мундо беременна. Некоторое время ему удавалось заставить ее молчать. Вы теперь понимаете, кто похитил перчатки — и зачем. Чтобы запутать бедную суеверную девушку, чтобы угрожать ей бог знает какими сатанинскими карами, если она раскроет свой «грех». Зачем он украл тетиву, мы никогда не узнаем. Может быть, он хотел предстать перед Дорис, раскручивая тетиву рукой в железной перчатке над головой — как пача с веревкой... Кто знает, это могло выглядеть действительно впечатляюще.

Но два дня назад тайна была обнаружена. С девушкой случилась истерика, к ней был вызван доктор, и Мэссей понял, что, в конце концов, она на него укажет. В этот момент, полагаю, он и думать забыл про убийство лорда Рейли и, конечно, не стал бы душить Дорис только для того, чтоб имя его осталось неизвестным. Это было бы безрассудно, и это вовсе не было необходимо. Все, что он хотел — ограбить сейф хозяина и скрыться за границу. Он играл по смехотворно малень-

кой на этот раз, но преступники часто не брезгают и мелочью.

План его уже был готов, когда сэр Джордж и доктор Тэйлрэйи прибыли в замок. Мэссей расчетливо рассказывал вам о причудах лорда Рейли, связанных с шифрами сейфов. И также постоянно обращал ваше внимание на чудачества старика и несколько раз упоминал о письмах, которые обязательно должен написать вечером, не так ли? Именно. Когда я появился здесь, я сразу заметил, что Мэссей ни разу не упустил возможности обронить какое-нибудь замечание. Это было лишнее, притом что это поведение не объяснялось какой-то основательной причиной.

Все письма были, конечно, уже подготовлены. Когда он уходил наверх после обеда, он дал вам понять, что если лорд Рейли соизволит подняться в контору, то уже задержится там надолго. Скорей всего, лорд идти наверх и не собирался, он страшно хотел продемонстрировать гостю свою коллекцию. Мэссей слышал, как хозяин велел доктору в любом случае ждать его в библиотеке. Итак, Мэссей был готов к действию, и в любую другую ночь удача бы сопутствовала ему.

Но чистая случайность смешала все его карты. Потому что именно в этот вечер лорд Рейли занялся «клеткой для кроликов». Он забил дверь в Главную башню, через которую его дочь бегала на свидания с мистером Кестеваном. Естественно, он хотел насладиться своей шуткой в полной мере. Откуда он узнал об этих свиданиях — мы не знаем, может быть, ему сказала леди Рейли...

Фрэнсис что-то злобно проворчал, и Гонт с любопытством взглянул в его сторону.

— И что же делает лорд Рейли? Он дает Патриции достаточно времени, чтоб подняться наверх и переодеться; он терпеливо ждет, пока она спустится в Ружейный зал. А затем...

— Понимаю, — задумчиво сказал сэр Джордж, — он оставляет нас за кофе в гостиной, а сам бежит в Ружейный зал.

— Верно. Патриция тем временем прячется в темноте зала, она находится в дальнем конце его, за gobelеном и тщетно пытается открыть заколоченную дверь.

Лорд Рейли проскальзывает в зал. Она его не видела. Но сам он увидел нечто, заинтересовавшее его куда больше, чем то, что он ожидал здесь увидеть...

— И что же это было? — спросил сэр Джордж.

— Он увидел свет в окне собственной спальни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Там был Мэссей, — спокойно продолжал Гонт, — с фонариком — его светом он и выдал свое присутствие. Лорд Рейли знал, что кто бы в его спальне ни находился, это явно не к добру. Заходить туда не позволялось никому. Вероятно, лорду Рейли не пришла в голову мысль о возможном ограблении, он решил, что это какая-нибудь любопытная служанка. Итак, не теряя времени, он поспешил наверх. И застал Мэссея у своего сейфа.

Фрэнсис смотрел прямо перед собой невидящими глазами, зажав горящую сигарету в пальцах:

— И тогда, — пробормотал он, — Мэссей убил его...

— Как уже было сказано. Да. Не думаю, чтобы этот блестящий план родился у Мэссея мгновенно, вероятно, он долго обдумывал его. Но вряд ли собирался претворять его в действие. Может быть, он рассчитывал сделать это позднее, той же ночью, у него была с собой тетива. Но сейчас он был вынужден торопиться.

Теперь его планы изменились. Сначала он рассчитывал похитить чеки и скрыться на следующий день. Теперь же ему нужно было инсценировать явное ограбление.

Если бы он только знал, как он рискует. Ведь Патриция была в Ружейном зале, когда он сбрасывал тело вниз, но она пряталась за гобеленом и ничего не видела. И не слышала удара тела об пол — мы постоянно упоминали оглушительный шум водопада.

Остальное вы знаете. Его увидела Дорис Мундо, он сунул ей в руку жемчуга и поспешил вниз. Теперь он знал, что должен убить ее тоже — она безусловно выдала бы его. Случай представился ему, когда он отводил Патрицию наверх, Мэссей оставил ее в спальне и бросился в свою комнату, где его ждала Дорис. Через несколько минут все было кончено. Вероятно, было ошибкой оставлять жемчуга в ее руке, как бы намекая на то, что она

была замешана в ограблении. Но вот труп девушки выброшен в коридор под шум граммофона, перчатки закинуты в окно ее спальни. И осталось только навести беспорядок в конторе...

— А зачем? — поинтересовался Фрэнсис. — Он же уже похитил чеки.

— Просто его планы изменились к этому времени. Теперь ему нужны были явные следы ограбления. Он же уже не собирался мгновенно скрываться. Он записал фальшивые номера чеков, чтобы привести в исполнение давно задуманный план. Вряд ли даже такой умный человек, как Мэссей, может так молниеносно ориентироваться в ситуации, если он не продумывал подобные действия прежде. Он раскидывает книги и картины по конторе — это, кстати, было совершенно лишнее — и оставляет футляр на полу посередине комнаты.

Итак, теперь остается последнее. Вот-вот обнаружат трупы лорда и служанки, и Мэссей знает, на кого ему нужно бросить подозрение — на Фрэнсиса Стейна. Именно тогда Мэссей пошел в вашу комнату, мистер Стейн, и похитил пистолет. Со своими перчатками он уже расстался, но у него было в плане еще одно рискованное предприятие. Он был в холодном отчаянии. Мысль его работала ясно и стремительно. Если бы он оказался в опасности, подозрение, падающее на вас, могло бы только усугубиться.

— Рискованное предприятие? — переспросил Фрэнк.

— Ему нужно было сделать еще две вещи: он должен был спрятать награбленное и повесить на место в стенной шкаф балахон лорда Рейли.

Гонт неторопливо обернулся к Тэйлрэйну.

— Теперь вы поняли, доктор, почему стенной шкаф выглядел как-то иначе, чем утром? Там висело не пять, а шесть балахонов, — и как я вам указал — один из них был страшно измят, потому что долгое время пролежал, скомканный, в портфеле. Там Мэссей столкнулся с леди Рейли — с известным вам результатом.

— А чеки?

— Вы часто играли тут от скуки в Поиски Шлепанца, не так ли? Мистер Стейн, вы обсуждали эту тему с вашей сестрой сегодня утром?

— Да, конечно, но...

— Она сказала, куда вы всегда прятали шлепанец.

— Ну да, в какие-нибудь латы.

Гонт стукнул кулаком по ручке кресла.

— Точно! Мэссей знал об этом, как и все в доме. Он хотел спрятать украденное там, где могли бы спрятать вы на случай, если его планы будут расстроены. Вы понимаете? Поэтому я и сказал, что западня, которую я приготовил преступнику, сработает именно потому, что он постарается бросить подозрения на вас.

Инспектор Тэйп откашлялся. Все как-то забыли о его присутствии и теперь смутно удивились, увидев, как он высовывается из глубокого кресла.

— Извините, сэр. Я вот что хочу спросить. Вы мне сказали, что делать — я все сделал; вы сказали, где мне расставить людей — я так и расставил... Но о чем вы говорили?.. То есть, сэр, о чем вы говорили мне сегодня в Большом зале?

— Я говорил это для Мэссея, — сонно ответил Гонт. — Только исключительно для него.

— ...вы сказали, что нашли что-то в кармане одного из балахонов его светлости. Какой-то листок бумаги с цифрами, номерами чеков. Могу поклясться, что ничего подобного там не было.

— Не было, — согласился Гонт, — пока я не положил это туда.

— Извините, сэр?

— Передайте мне ту бутылку, пожалуйста, сэр Джордж... Спасибо. Инспектор, я просто проверял его. Мэссей должен был испугаться, услышав, что я нашел листок бумаги с номерами серий чеков, написанными рукой лорда Рейли. Он должен был испугаться, что лорд Рейли успел записать подлинные номера. И еще я сказал ему, что собираюсь послать телеграммы поверенным и в банк. Естественное его движение было заполучить этот листик и проверить, имеет ли он основания для беспокойства. Значит, ему нужно было сопоставить найденные номера с настоящими номерами на чеках.

Он мог, конечно, и не клюнуть на эту удочку и просто уничтожить найденный листок, не проверяя номера... Я на всякий случай насыпал пол в шкафу тальком, чтобы иметь отпечатки его ботинок. Конечно, его было бы труднее обвинять, если бы он не вывел нас прямо к спрятанным чекам. Но он это сделал. Ему пришлось дожидаться ночи, потому что днем в зале постоянно дежурил человек инспектора. Итак, он спокойно пошел прямо к нам в руки.

— Жаль, что в последний момент он потерял голову, — после долгого молчания задумчиво добавил Гонт. — Он мог бы произнести блестящую речь в свою защиту на суде.

Трубка потухла. Яркий солнечный свет заливал старую библиотеку. Сэр Джордж сидел, обхватив голову руками. Фрэнсис рассматривал огонек своей сигареты. Тэйлрэйи сквозь легкую дрему увидел, как Гонт поднялся с кресла и подошел к окну. Он стоял там неподвижно, вдали яркое солнце отражалось на спокойной глади моря, и безмолвие древнего замка нарушалось лишь гулом водопада да неторопливыми размеренными шагами констебля, доносящимися из Большого зала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Боустринг	3
Пропавшие перчатки	13
Нечто дикое, безобразное и опасное	21
Заколоченная дверь	32
Жемчужное ожерелье	41
На половине слуг	52
Появление Джона Гонта	62
Что это был за щелчок?	74
Перчатки найдены	79
Открытое окно	90
Привидение в латах	100
Освещенное окно	112
Стенной шкаф лорда Рейли	122
Кое-что о лжи	131
Пистолет найден	143
Прогулка в парке	152
Часы останавливаются	161
Гонт объясняет	172
Заключение	186

КАРТЕР ДИКСОН

УБИЙСТВА В ЗАМКЕ БОУСТРИНГ

Редактор Ю. И. Смирнов
Технический редактор А. М. Тимошенко
Корректор Г. С. Якушева

Сдано в набор 4.09.90. Подписано к печати 4.12.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1 Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,42. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 1159. Цена 3 р. 50 к.

Литературное издательско-редакционное агентство
«Лира»

Ленинградского комитета литераторов
199161, Ленинград, В. О., Малый пр., 27—29

Набрано в Ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати, 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский пр., 29

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15.

**Агентство «ЛИРА»
начинает выпуск новой книжной серии**

Библиотека
авантюрного
романа

В 1991 году выйдут в свет:

Г. Хаггарт. Дочь Монтесумы

Ч. Силсфилд. Токеа, или Белая Роза

А. Дюма. Дочь регента

А. Конан-Дойл. Изгнанники

3 p. 50 k.

